

ISSN 2658-6568

ВЕСТНИК

Калужского университета

Серия 1.

Психологические науки.
Педагогические науки.

Том 8

**Выпуск 1
(2025)**

Научный журнал

Основан в ноябре 2018 г.

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

г. Калуга

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (<http://elibrary.ru/>)
(договор №342-09/2019 от 03.03.2019)

Редакционный совет

Волкова Е.В., доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия);
Длиббетова Г.К., доктор педагогических наук, профессор (Астана, Казахстан);
Капцов А.В., доктор психологических наук, доцент (Самара, Россия);
Кашапов М.М., доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия);
Матяш Н.В., доктор психологических наук, профессор (Брянск, Россия);
Меньшиков В.М., доктор педагогических наук, профессор (Курск, Россия);
Моросанова В.И., доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия);
Мухаметзянова Ф.Г., доктор педагогических наук, профессор (Казань, Россия);
Пазухина С.В., доктор психологических наук, доцент (Тула, Россия);
Панов В.И., доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия);
Селиванов В.В., доктор психологических наук, профессор (Смоленск, Россия);
Сережникова Р.К., доктор педагогических наук, профессор (Орехово-Зуево, Россия);
Тюмасева З.И., доктор педагогических наук, профессор (Челябинск, Россия).

Редакционная коллегия

Краснощеченко И.П., доктор психологических наук, доцент (главный редактор);
Иванова И.В., доктор педагогических наук, доцент (заместитель главного редактора);
Доможир В.В., кандидат экономических наук (ответственный секретарь);
Васильев Л.Г., доктор филологических наук, профессор;
Горбачева Е.И., доктор психологических наук, профессор;
Енгальчев В.Ф., доктор психологических наук, профессор;
Исаева Н.А., доктор педагогических наук, доцент;
Лыткин В.В., доктор философских наук, профессор;
Макарова В.А., доктор педагогических наук, профессор;
Фомин А.Е., доктор психологических наук, доцент;
Хачикян Е.И., доктор педагогических наук, профессор;
Штрекер Н.Ю., доктор педагогических наук, профессор;
Коненкова Н.В. (технический редактор).

Адрес редакции и издательства: 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48.

Тел.: (4842) 50-30-21; **E-mail:** krasnoshhechenko_ip@tksu.ru.

Адрес типографии: Отпечатано «Наша Полиграфия», 248600, г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126.

Учредитель: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Распространяется бесплатно

Содержание

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 5

Данченко К.А., Иванова И.В.

В РИТМЕ ЖИЗНИ: КАК СТУДЕНТЫ ВИДЯТ И ПОДДЕРЖИВАЮТ ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ?..... 5

Павлей Л.В., Солодчук О.Н.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, ОСОБЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТИПА РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ СТУДЕНТОВ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА..... 22

Грачева Е.М., Фомин А.Е.

ФАКТОРЫ УВЕРЕННОСТИ В ОВЛАДЕНИИ НОВОЙ ПРОФЕССИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ..... 35

Литвин А.В., Шаров С.В.

АКТИВНАЯ ФОРМА ПОСТРОЕНИЯ КАРЬЕРЫ: ЭТАПЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ КАРЬЕРЫ МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА 40

Макарова В.А., Копченков Г.В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ» 46

Лазарева Е.А., Жорнова Т.А.

СРЕДСТВА МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ-ЭКСПОЗИЦИИ «АЛЛЕЯ СЛАВЫ» 52

Шукина И.Г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКТА “ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ВОЛОНТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ” 58

Биба А.Г., Картавенко О.О.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МНЕМОТЕХНИКИ В ОБУЧЕНИИ СОСТАВЛЕНИЮ РАССКАЗА ДЕТЕЙ С РЕЧЕВЫМИ ПАТОЛОГИЯМИ 63

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 70

Азарова Н.В., Хавыло А.В.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ОБСЛЕДОВАНИИ 70

Григорьева Т.И., Фомин А.Е.

РАЗЛИЧИЯ В ВИДАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ НАРЦИССИЗМА 78

Хотеева Р.И., Скоркина Л.В., Честных В.И.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ..... 85

Синягина Я.С., Турлакова Р.А., Подольская И.А.

СКЛОННОСТЬ К САМОРАЗРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ У СТУДЕНТОВ 97

Гасанова О.М., Павлова Н.Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ «ГРУППЫ РИСКА»..... 107

ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ..... 112

Иванова А.В., Никулина М.Ю., Клементьева М.В.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СТАТУСОВ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 112

Фролова М.А., Клементьева М.В.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕТОДИКА ЕЁ ОЦЕНКИ 119

Кобак Е.С., Хавыло А.В.

ДИАЛЕКТИКА ПОЛОВОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ 125

Саракула Э.В., Теренин А.И., Лыков И.Н.

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ГЕНДЕРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ 131

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 138

Бушев А.Б.

МЕДИАПЕДАГОГИКА: СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА С МАРКЕТИНГОВОЙ УСТАНОВКОЙ..... 138

Воропаева Т.В.

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И СЕРВИСЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА: ГОТОВНОСТЬ К ПРИМЕНЕНИЮ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 148

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 154

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 378.17

DOI 10.54072/26586568_2025_8_1_5

К.А. Данченко, И.В. Иванова

В РИТМЕ ЖИЗНИ:

КАК СТУДЕНТЫ ВИДЯТ И ПОДДЕРЖИВАЮТ ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ?

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения отношения студентов к здоровому образу жизни, которые сегодня являются одними из актуальных и востребованных в контексте современной социокультурной реальности. Сделанные в статье выводы и предложенные рекомендации опираются не только на результаты теоретического анализа литературы по исследуемой проблеме, но и на итоги опроса, проведенного среди обучающихся Калужского государственного университета, которые также нашли отражение в содержании настоящей статьи. Исследование отношения студентов к здоровому образу жизни позволило определить уровень осведомленности и мотивации студентов к здоровому образу жизни, выявить препятствия и барьеры, которые мешают студентам его вести и поддерживать, а также сделать некоторые предложения в отношении решения рассматриваемой проблемы. Представленные в статье материалы будут полезными для образовательных и общественных организаций.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, спорт, вредные привычки, рацион питания, молодежь, обучающиеся.

Актуальность. В условиях стремительно меняющегося мира и увеличения информационного шума, здоровый образ жизни становится не просто модным трендом, а необходимой стратегией для достижения личного и профессионального благополучия.

Здоровье – это фундамент успешной учебы и жизни.

Ученые рассматривают проблему формирования здорового образа жизни, культуры здорового образа жизни в контексте образовательной деятельности дошкольных образовательных организаций [8], школ [3; 10; 12], высших учебных заведений [1; 6; 11; 13; 15], что указывает актуальность рассматриваемой проблемы применительно к педагогической работе с обучающимися разных возрастных групп. В своих исследованиях авторы указывают на необходимость создания условий для занятий спортом, важность организации спортивных мероприятий и творческих встреч по трансляции существенной роли здорового питания среди подрастающего поколения [4; 5; 7].

Особую актуальность эта проблема приобретает среди студентов, которые находятся в период активного формирования жизненных ценностей и привычек.

Проблема, ее обоснование на теоретическом и эмпирическом уровнях

В современных реалиях здоровый образ жизни становится все более важным фактором успеха для студентов. Он помогает им быть более конкурентноспособными на рынке труда и достигать личных целей. Однако многие студенты не придают должного значения здоровым привычкам, что может приводить к проблемам со здоровьем, успеваемостью и управлением стрессом. Важно помнить, что здоровый образ жизни является основой для успешной учебы и построения дальнейшей карьеры.

Изучая проблему сформированности отношения обучающихся к здоровому образу жизни, нами был проведен опрос "В ритме жизни: как студенты видят и поддерживают ЗОЖ?" среди студентов Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. В исследовании приняли участие 60 обучающихся в возрасте от 17 до 22 лет среди студентов 1–4 курсов, обучающихся в Институте искусств и социокультурного проектирования.

На вопрос «Как Вы считаете, образ жизни, который Вы ведёте, является здоровым?» ответы респондентов выстроились следующим образом (рисунки 1).

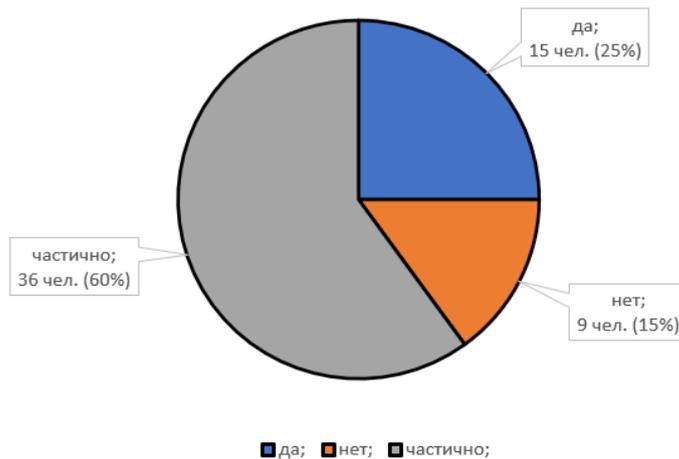

Рисунок 1 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, образ жизни, который Вы ведёте, является здоровым?»

Как видно из рисунка 1, каждый четвертый из числа опрошенных (25 %) считает свой образ жизни здоровым, 15% опрошенных не считают свой образ жизни здоровым, а 60% студентов, участвующих в опросе, полагают, что частично придерживаются здорового образа жизни. Полученные данные свидетельствуют о важности и актуальности разработки и реализации специальных программ, ориентированных

на формирование мотивации к здоровому образу жизни среди студентов.

Следующий вопрос, заданный респондентам, был направлен на получение информации о том, какое представление о здоровом образе жизни они имеют, считают ли они, что это только спорт и питание или их видение более широкое?

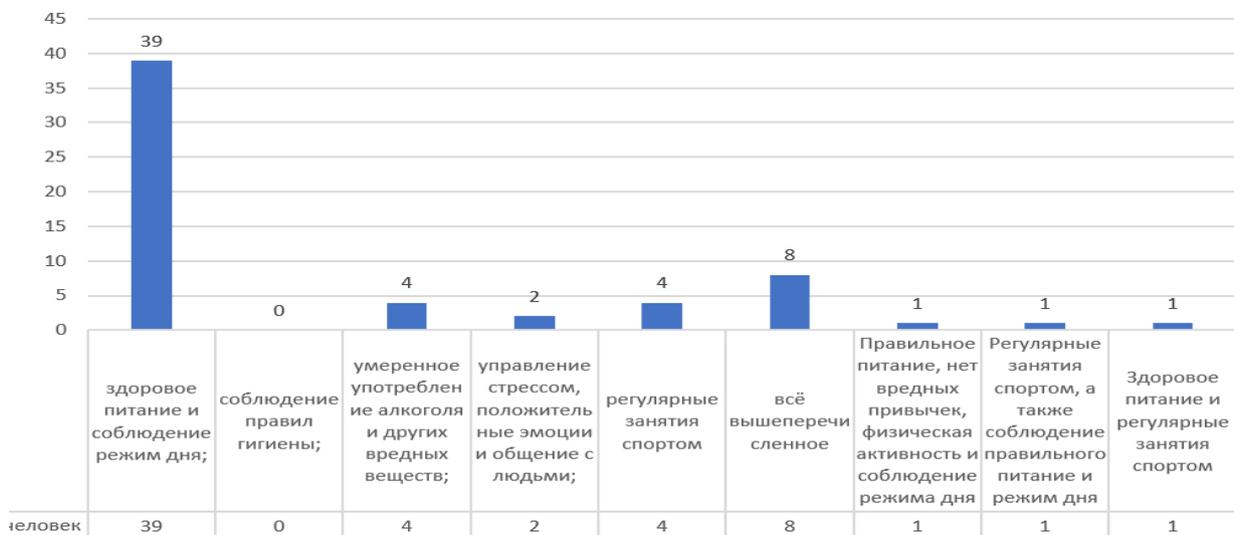

Рисунок 2 – Ответы респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, отражает содержание выражения "здоровый образ жизни"?»

Ответы респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, отражающие содержание выражения "здоровый образ жизни"», распределились следующим образом:

– 65% опрошенных считают, что здоровый образ жизни включает в себя здоровое питание и соблюдение режима дня;

– равные доли (по 6,7%) опрошенных считают содержанием выражения «здоровый образ жизни» умеренное употребление алкоголя и других вредных веществ, а также регулярные занятия спортом;

– 3,3% студентов относят к здоровому образу жизни управление стрессом, положительными эмоциями, общение с людьми;

– 18,7% респондентов выбрали категорию «другое», где 13,6% опрошенных указали, что все вышеперечисленные варианты ответов в равной степени отражают содержание выражения «здоровый образ жизни»; 1,7% респондентов считают, что регулярные занятия спортом, а также соблюдение правильного питания и режима дня считается здоровым образом жизни;

– 1,7% опрошенных считают, что именно только правильное питание, отсутствие

вредных привычек, физическая активность и соблюдение режима дня отражают здоровый образ жизни студента (рисунок 2).

Результаты обработки полученных ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы необходимым придерживаться принципов здорового образа жизни?» позволили определить, считают ли студенты необходимым придерживаться принципов здорового образа жизни. Данные, в целом, позволяют определить степень готовности студентов к изменениям в области ведения здорового образа жизни.

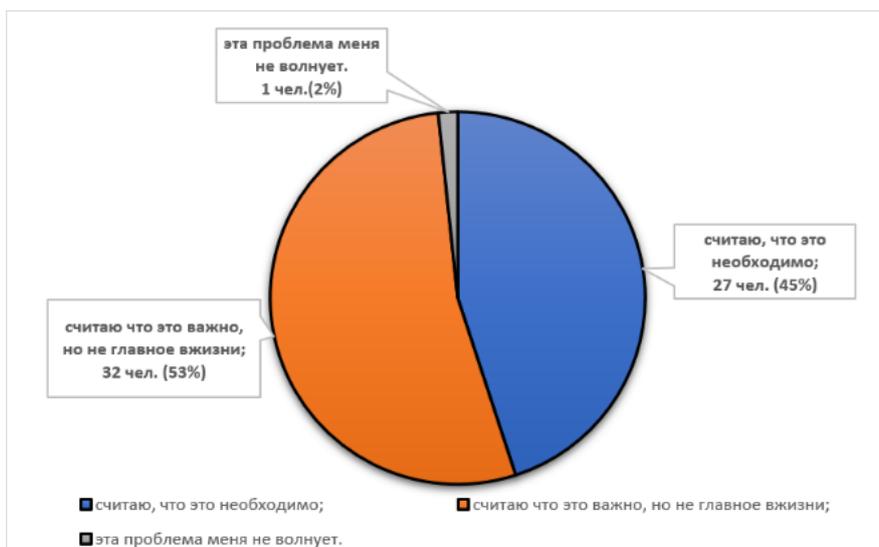

Рисунок 3 – Ответы респондентов на вопрос «Считаете ли Вы необходимым придерживаться принципов здорового образа жизни?»

Большинство опрошенных (53%) считают, что важно придерживаться принципов здорового образа жизни, но это не самое главное в жизни; 45% студентов из числа опрошенных считают необходимым их придерживаться, а 2% обучающихся, принявших участие в опросе, данная проблема не волнует (рисунок 3).

Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, что мешает придерживаться принципов ЗОЖ?», студенты указывали, что именно им мешает придерживаться принципов ведения здорового образа жизни.

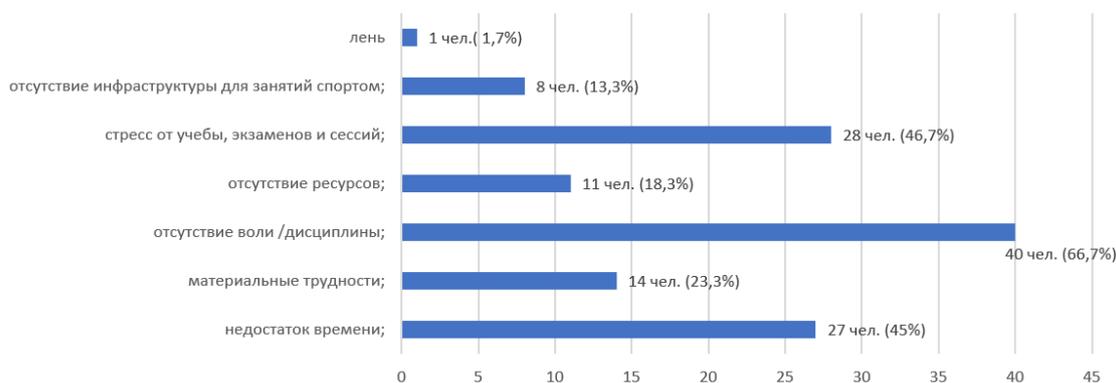

Рисунок 4 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, что мешает придерживаться принципов ЗОЖ?»

Как видно из рисунка 4, большинство опрошенных (66,7%) выделили проблему отсутствия воли / дисциплины и лень (1,7%). Почти равные доли опрошенных указали на следующие проблемы – недостаток времени (45%) и стресс от учёбы и экзаменов (46,7%). Стоит отметить, что 23,3% опрошенных выделили в качестве важных проблемы материальных трудностей, отсутствия ресурсов (18,3%), инфраструктуры для занятий спортом и даже лень (13,3%). Полученные результаты позволяют

предположить то, что студенты в основном осознают важность здорового образа жизни, но им трудно его соблюдать из-за нехватки времени, стресса, отсутствия мотивации. Важно уделять внимание проблеме формирования мотивации и воли у студентов для принятия решений в пользу здорового образа жизни.

Следующие два вопроса были направлены на оценку уровня осведомленности о здоровом образе жизни среди студентов, их информированности в данной сфере.

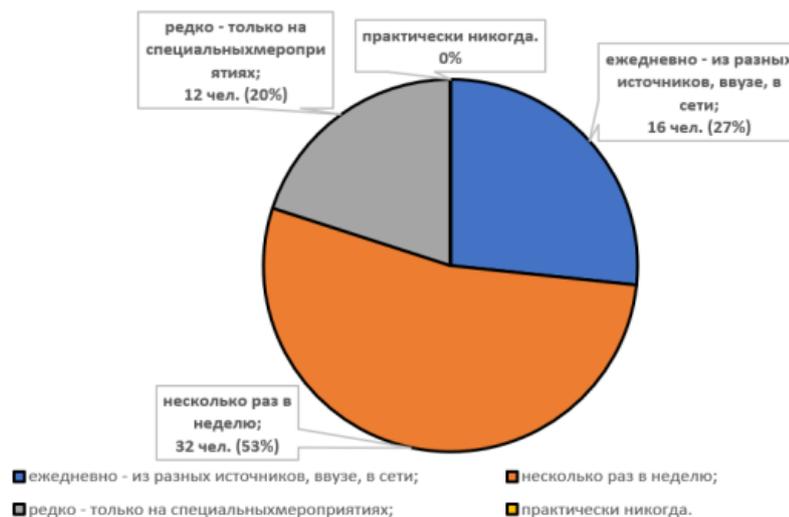

Рисунок 5 – Ответы респондентов на вопрос «Оцените, как часто Вы сталкиваетесь с информацией о ЗОЖ?»

Ответы респондентов на вопрос «Оцените, как часто Вы сталкиваетесь с информацией о ЗОЖ?» показали, что большая часть студентов из числа опрошенных (53,3%) сталкивается с информацией о здоровом образе жизни несколько раз в неделю; 26,7% респондентов получают такую информацию ежедневно; 20%

опрошенных отметили, что получают информацию редко, на специальных мероприятиях. Как видим, студенты в целом осведомлены в вопросах ведения здорового образа жизни, но, вполне возможно, что информация не всегда интересна или недостаточно мотивирует их к изменениям в данной сфере (рисунок 5).

- 1 Информация не интересна и не актуальна для меня.
- 2 Немного информации, и её недостаточно для изменения жизненных привычек.
- 3 Информация достоверная и полезная, помогает вести здоровый образ жизни.

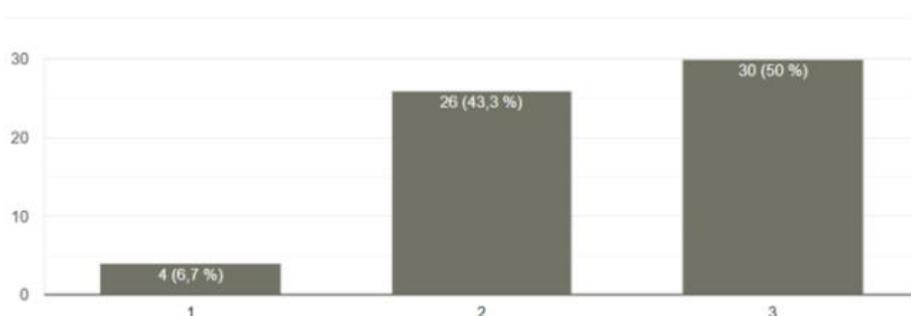

Рисунок 6 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете качество информации о ЗОЖ, которая доступна Вам?»

Отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете качество информации о ЗОЖ, которая доступна Вам?», половина (50%) студентов оценили высоко качество получаемой информации; 43,3% респондентов указали на некоторую недостаточность информации о здоровом образе жизни; 6,7% опрошенных оценили качество получаемой информации на 1 балл из 3-х, считая её недостаточно качественной. Как видим, результа-

ты не однозначные: есть студенты, как удовлетворенные, так и неудовлетворенные качеством и количеством информации о здоровом образе жизни.

Следующие четыре вопроса были направлены на получение информации о вредных привычках среди студентов. Важно было изучить их мнения о важности влияния вредных привычек на здоровье.

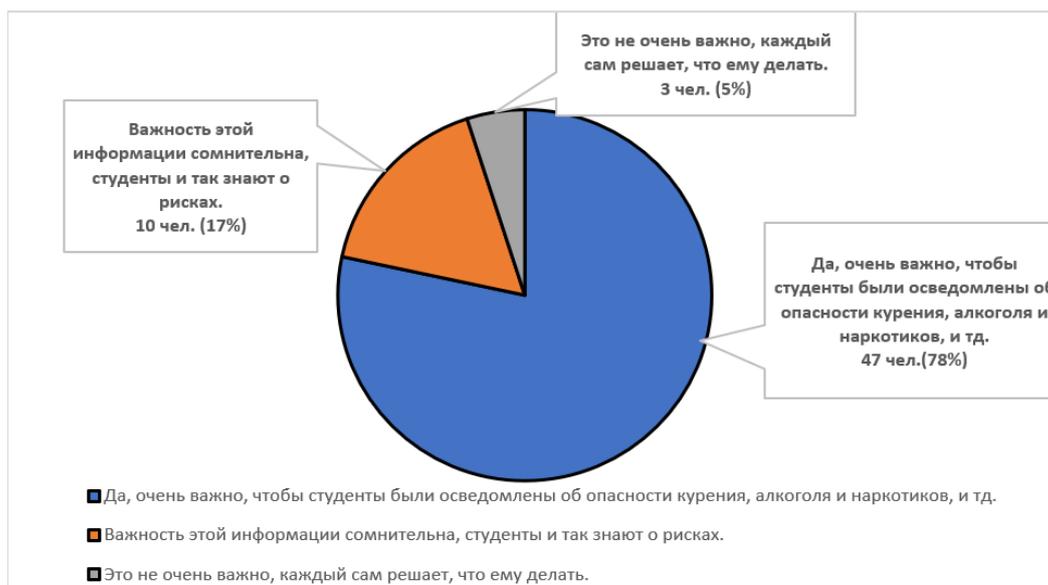

Рисунок 7 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, важно ли студентам знать о вредных привычках и об их влиянии на здоровье?»

Основываясь на данных, отраженных на рисунке 7, можно сделать вывод о том, что для студентов важна осведомленность об опасности курения, алкоголя и наркотиков (78%). Наряду с этим, 16,7% респондентов считают, что важность этой информации сомнительна, поскольку они имеют представления о возможных рисках; 6,7% студентов, принявших участие в

опросе, считают, что осведомленность в данных вопросах не важна и каждый сам решает, что ему делать. Как видим, в целом, студенты в основном понимают и высоко оценивают важность информации о вредных привычках, но, возможно, не все обучающиеся осведомлены о реальных последствиях таких привычек.

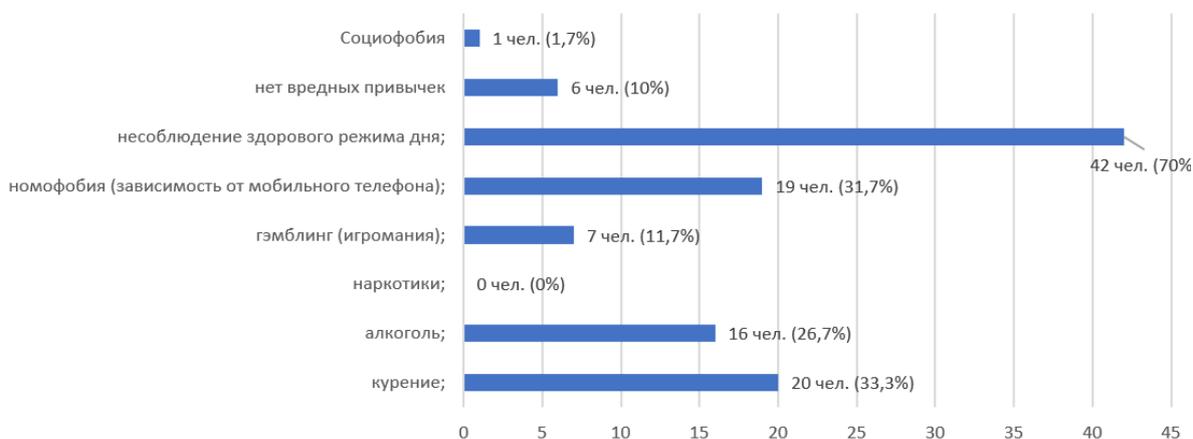

Рисунок 8 – Ответы респондентов на вопрос «Какие у Вас есть вредные привычки?»

Ответы респондентов на вопрос «Какие у Вас есть вредные привычки?» показали, что самой распространенной вредной привычкой среди студентов является несоблюдение правильного режима дня (70%). Можно предположить, что студенты часто не высыпаются, неправильно питаются, не занимаются спортом регулярно. Другие распространенные вредные

привычки: курение (33,3%), алкоголь (26,7%), номофобия (зависимость от телефона) (31,7%). Менее распространены среди опрошенных гемблинг (игромания) (11,7%) и социофобия (1,7%). Можно сделать вывод, что студенты зачастую не придерживаются здорового образа жизни, что может быть связано с ограничениями по времени, стрессом и другими факторами.

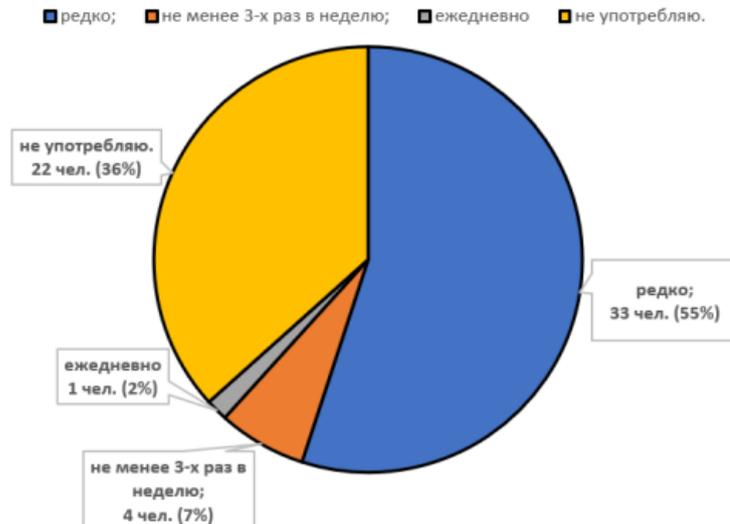

Рисунок 9 – Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы употребляете алкогольные напитки?»

Сравнивая данные о употреблении алкоголя с ответами на предыдущий вопрос о вредных привычках, мы видим некоторое несоответствие. Обратим внимание на то, что из предыдущей диаграммы, отраженной на рисунке 8, видно, что алкоголь был отмечен как вредная привычка 26,7 процентами опрошенных. Текущий рисунок (рисунок 9) показывает, что 55% студентов употребляют алкоголь редко, 36,7% респондентов алкоголь не употреб-

ляют совсем, а не более 3-х раз в неделю употребляют около 8% среди студентов, принявших участие в опросе. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что студенты не всегда осознают употребление алкоголя как вредную привычку или же то, что у них есть более серьезные проблемы со здоровьем, связанные с несоблюдением режима сна, питания и отдыха, что и отразилось на предыдущем рисунке.

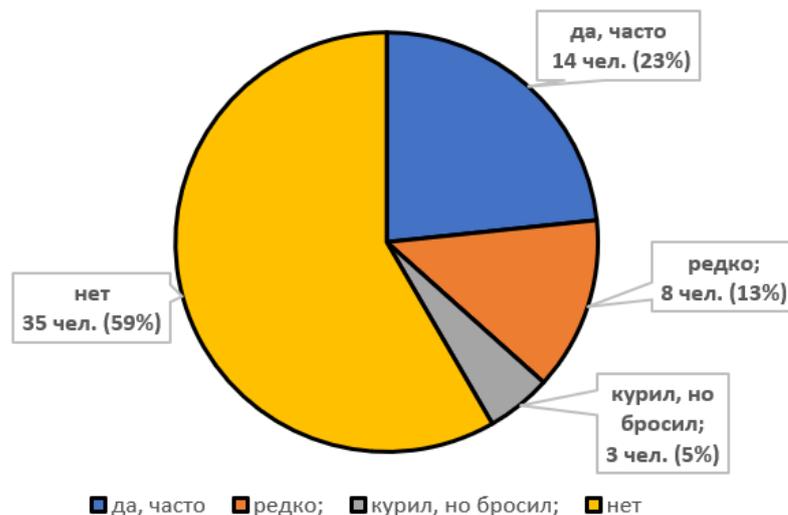

Рисунок 10 – Ответы респондентов на вопрос «Курите ли Вы?»

Анализ ответов респондентов на вопрос «Курите ли Вы?», показывает, что большинство из них (58,3%) не курят; 23,3% опрошенных курят часто, 13,3% студентов – редко и около 5% респондентов курили, но бросили.

Сравнивая полученные данные с ответами, представленными на рисунке 8, где несо-

блюдение здорового режима дня было отмечено студентами в качестве наиболее распространенной вредной привычки, мы видим, что курение занимает второе место по распространенности.

Рисунок 11 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы думаете, какая роль отводится спорту (занятиям физической культурой) в вузе в формировании здоровых привычек?»

Анализируя рисунок 11, на котором отражено процентное распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы думаете, какая роль отводится спорту (занятиям физической культурой) в вузе в формировании здоровых привычек?», можно заметить, что большинство опрошенных (75%) считают, что спорт (занятия физической культурой) играет важную роль в формировании здоровых привычек студентов. Однако 18,3% студентов, принявших участие в опросе, указывают на то, что в вузе не так часто, как хотелось бы проводятся занятия, кото-

рые влияют на формирование здоровых привычек. Студенты осознают важность занятия спортом для своего здоровья, но не всегда принимают участия в реализуемых в вузе спортивных мероприятиях.

Ответы на следующие вопросы позволили определить, считают ли студенты, что в вузе достаточно спортивных секций и тренажерных залов, удобно ли они расположены, удобно ли составлены графики занятий, а также то, как часто сами респонденты занимаются физическими упражнениями.

Рисунок 12 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете доступность спортивных занятий и секций в вашем вузе?»

Как видно из рисунка 12, больше половины студентов (51,7%) считают, что спортивные занятия доступны и привлекательны для всех обучающихся; 46,7% респондентов отмечают, что спортивные занятия есть, но не всегда удобны по времени или неинтересны, и лишь небольшая часть, около 2% среди опрошенных считают, что спортивных занятий в вузе практически нет. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в вузе есть возможности для занятий спортом, но для некоторых

обучающихся их посещение не всегда удобно либо занятия не всегда отвечают спектру интересов студентов в данной области. Полученные данные, возможно, позволят спланировать мероприятия по совершенствованию соответствующих программ в вузе с тем, чтобы они стали более доступными, гибкими по реализации, привлекательными для студентов, учитывающими весь спектр интересов студентов и их индивидуальные возможности.

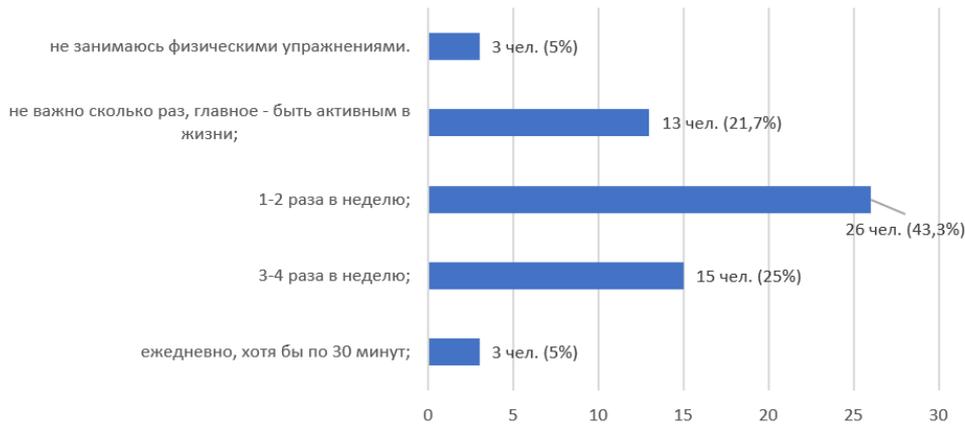

Рисунок 13 – Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы занимаетесь физическими упражнениями?»

Исходя из результатов ответов, полученных на вопрос «Как часто Вы занимаетесь физическими упражнениями?», видим, что большая часть студентов (43,3%) из числа опрошенных занимается физическими упражнениями 1-2 раза в неделю; 25% респондентов занимаются упражнениями 3-4 раза в неделю, 21,7% опро-

шенных считают, что главное — это быть активным в жизни, не задумываясь о количестве тренировок. Равные доли студентов (по 5%, соответственно) занимаются физическими упражнениями ежедневно / вообще не занимаются физическими упражнениями.

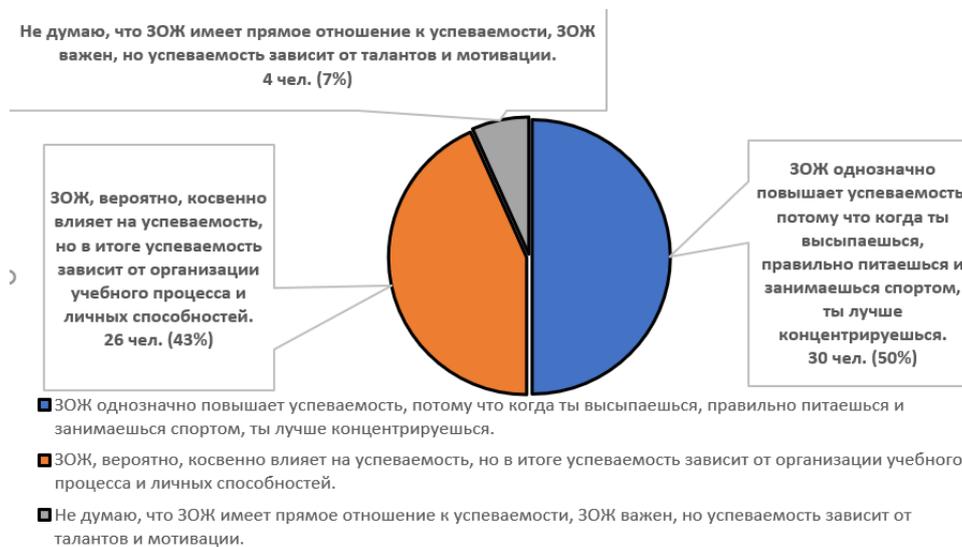

Рисунок 14 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, каким образом ЗОЖ может повлиять на успеваемость в учебе?»

Как видно из рисунка 14, большинство опрошенных студентов (50%) считают, что здоровый образ жизни однозначно повышает успеваемость благодаря лучшей концентрации, большей энергии и устойчивости к стрессам; 43,3% опрошенных считают, что здоровый образ жизни косвенно влияет на успеваемость, укрепляя устойчивость к стрессам и повышая концентрацию и лишь 6,7% студентов полагают, что здоровый образ жизни не имеет непосредственного отношения к успеваемости, не коррелирует с данной характеристикой. Исходя из данных опроса, можно сделать вывод о том,

что студенты осознают влияние здорового образа жизни на их результативность обучения. Некоторые студенты не считают, что здоровый образ жизни коррелирует с успеваемостью. Возможно, это можно объяснить тем, что студенты считают успеваемость напрямую связанной с многими другими факторами, к примеру, со способностями, памятью, самоорганизацией и т.п.

На вопрос «Вы соблюдаете правильный режим питания?» ответы респондентов выстроились следующим образом (рисунок 15).

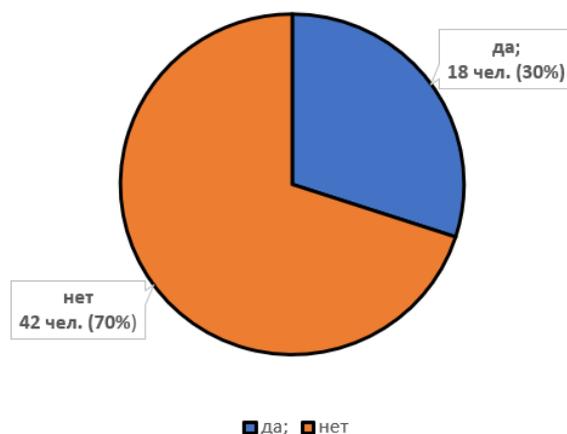

Рисунок 15 – Ответы респондентов на вопрос «Вы соблюдаете правильный режим питания?»

Как видим из рисунка 15, что большинство опрошиваемых (70%) не придерживаются правильного режима питания и лишь 30% респондентов ответили, что они соблюдают правильный режим питания. Полученные данные свидетельствует о том, что студенты не всегда осознают важность правильного питания для здоровья. Вуз может улучшить ситуацию, целенаправленно транслируя принципы правильного питания и организуя специальные мероприя-

тия по данной теме в контексте организации учебной и внеучебной деятельности.

Ответы студентов на следующие вопросы дали нам понимание того, из чего состоит их рацион, а также позволили оценить реальное состояние поддержания здорового питания среди студентов и выявить факторы, которые могут побудить их к изменениям в организации своего питания и его режима.

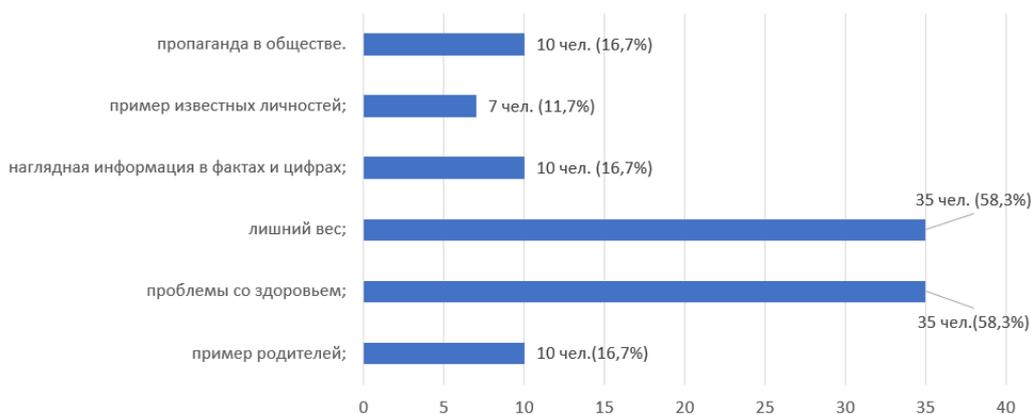

Рисунок 16 – Ответы респондентов на вопрос «Если Вы не соблюдаете правильный режим питания, то какие обстоятельства могли бы в Вас побудить правильно питаться?»

Основываясь на данных, отраженных на рисунке 16, видим, что главными факторами, которые могут побудить студентов пересмотреть свой режим питания, являются:

–проблемы со здоровьем (58,3%), т.е. большинство студентов осознают связь между питанием и здоровьем и готовы изменить свои привычки, если у них появится проблема со здоровьем;

–лишний вес (58,3%), что свидетельствует о том, что студенты заботятся о своей внешности и именно это может стать мотивацией для изменения питания.

В качестве менее значимых факторов студенты выделили следующие:

–наглядная информация в фактах и цифрах (16,7%), т.е. студенты хотят видеть конкретные доказательства влияния питания на здоровье;

–пример известных личностей (11,7%). т.е. студенты могут быть вдохновлены примером здорового образа жизни у известных людей;

–пример родителей (16,7%), т.е. влияние родителей на питание студентов остается значимым, особенно для молодых людей;

–пропаганда в обществе (16,7%), т.е. влияние общественного мнения на выбор питания не так сильно, как личная мотивация (рисунок 16).

Рисунок 17 – Ответы респондентов на вопрос «Каков Ваш рацион питания?»

Распределение ответов респондентов на вопрос «Каков Ваш рацион питания?» показывает, что большинство (48,3%) опрошенных питаются как дома, так и в заведениях общественного питания, около 20% студентов не соблюдают определенный рацион питания, 15% опрошиваемых питаются только дома, а 16,7% студентов редко готовят пищу дома,

предпочитая питаться в заведениях общественного питания. Можно сделать следующий вывод: рацион питания студентов разнообразен и заключается в сочетании домашней еды с готовой пищей из организаций общественного питания. Однако это может быть не всегда оптимальным решением с точки зрения здорового образа жизни.

60 ответов

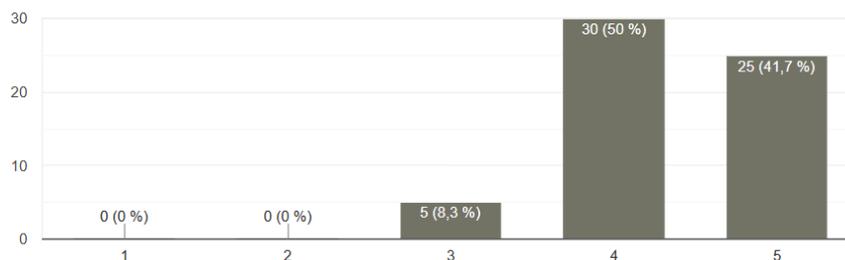

Рисунок 18 – Ответы респондентов на вопрос «По Вашему мнению, насколько здоровье человека зависит от его питания?»

Исходя из результатов ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, насколько здоровье человека зависит от его питания?», можно сделать вывод о том, что большинство из них (91,7%) считают, что здоровье человека сильно зависит от его питания; 50% из числа опрошенных оценивают зависимость

данных характеристик- 4 балла из 5-ти. Лишь около 8,3% респондентов считают, что питание влияет на здоровье слабее, выбрав 3 балла из 5-ти возможных. Как видим, студенческая молодежь осознает важность правильного питания для сохранения своего здоровья.

Рисунок 19 – Ответы респондентов на вопрос «Как Вы проводите своё свободное время?»

Как видно из рисунка 19, опрошенные в основном проводят свободное время следующим образом:

- в общении с друзьями (36,7%), это самый популярный вид проведения свободного времени, что говорит о важности социального взаимодействия для опрошенных;
- играют в компьютер/смотрю телевизор (21,7%);
- выбирают здоровый сон (23,3%), что отражает понимание студентами степень важности достаточного отдыха (лишь каждый четвертый опрошенный);

– занимаются спортом (11,7%), что указывает на то, что опрошенные зачастую не придают важность физической активности;

– посещают творческие кружки/студии (11,7%), что отражает интерес опрошенных к творчеству и развитию новых навыков.

Как видим, студенты предпочитают проводить свободное время с друзьями, а также отдыхать пассивно, просматривая телевизионные передачи или играя в компьютер, не всегда находят время для занятий спортом или хобби.

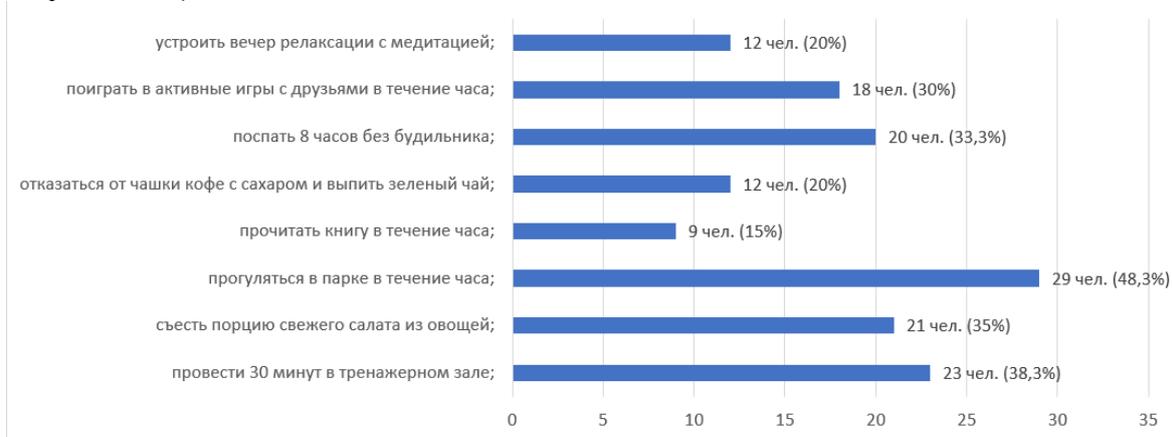

Рисунок 20 – Ответы респондентов на вопрос «Представьте, что Вы попали в "ЗОЖ-Квест" – виртуальную игру, где нужно собрать баллы за здоровые привычки. Какие из следующих акций принесут вам наибольшее количество баллов?»

Ответы респондентов на вопрос-задание «Представьте, что Вы попали в "ЗОЖ-Квест" – виртуальную игру, где нужно собрать баллы за здоровые привычки. Какие из следующих акций принесут вам наибольшее количество баллов?», позволили определить то, что студентов наиболее привлекает из сферы ЗОЖ. Так, наибольшее количество баллов в "ЗОЖ-Квесте" принесут опрашиваемым следующие действия:

– прогулка в парке в течение часа (48,3%), т.е. участники квеста высоко ценят прогулки на свежем воздухе и считают их важным элементом здорового образа жизни;

– провести 30 минут в тренажерном зале (38,3%), что указывает на то, что студенты осоз-

нают важность физических нагрузок и готовы заниматься спортом;

– съесть порцию свежего салата (35%) и это свидетельствует о том, что студенты осознают важность здорового питания и готовы включать в свой рацион свежие овощи и фрукты.

Как видим, студенты ценят активный образ жизни, здоровое питание и отдых на свежем воздухе. Важно поощрять эти привычки среди обучающихся, создавая дополнительные условия для занятий спортом, организуя спортивные мероприятия и пропагандируя здоровое питание.

Таблица 1 – Ответы респондентов (молодых людей) на вопрос «Отметьте, в какой населённой местности Вы выросли» в их соотношении с ответами «Придерживаетесь ли вы здорового образа жизни?»

Пол	Тип местности	Придерживаются ли	Количество	Процент(%)
Муж.	Небольшой город	не совсем	10	17%
Муж.	Небольшой город	нет	3	5,10%
Муж.	Небольшой город	да	4	6,80%
Муж.	Большой город	не совсем	2	3,40%
Муж.	Большой город	нет	2	3,40%
Муж.	Большой город	да	1	1,70%
Муж.	Сельская местность	не совсем	2	3,40%

Данные, отраженные в таблице 1, показывают, что большинство опрошенных из числа молодых людей, живущих в небольших городах (13 из 17-ти (22,10%)), не совсем или вообще не соблюдают здоровый образ жизни. Из всех опрошенных молодых людей только 5 человек придерживаются здорового образа жизни (8,50%), что очень мало, из них 1 представитель (1,7%) – житель большого города и 4 представителей (6,80%) из малых городов. Полученные данные позволяют предположить, что ведение

здорового образа жизни может зависеть от типа местности. Возможно, в больших/небольших городах больше доступных возможностей для занятий спортом и соблюдения правильного питания. Также в городах люди могут быть более осведомленными о важности здорового образа жизни. Но это всего лишь предположение, вполне возможно, не совсем точное и в данном случае задействовано множество других факторов, определяющих отношение молодых людей к соблюдению здорового образа жизни.

Таблица 2 – Ответы респондентов(девушек) на вопрос «Отметьте, в какой населённой местности Вы выросли» в их соотношении с ответами «Придерживаетесь ли вы здорового образа жизни?»

Пол	Тип местности	Придерживаются ли	Количество	Процент(%)
Жен.	Небольшой город	не совсем	4	6,80%
Жен.	Небольшой город	нет	1	1,70%
Жен.	Небольшой город	да	2	3,40%
Жен.	Большой город	не совсем	14	23,80%
Жен.	Большой город	нет	4	6,80%
Жен.	Большой город	да	6	10,20%
Жен.	Сельская местность	не совсем	4	6,80%
Жен.	Сельская местность	да	1	1,70%

Данные, отраженные в таблице 2, свидетельствуют о том, что из всех опрошенных девушек только 9 человек придерживаются здорового образа жизни (15,30%), из них 2 жителя большого города (3,40%), 6 представителей малых городов (10,20%) и лишь 1 житель (1,7%) сельской местности. Полученные данные позволяют предположить, что место жительства может влиять на привычки в отношении к здоровому образу жизни. Например, вне больших городов могут быть ограничены возможности для занятий спортом и здорового питания.

Таким образом, из всех опрошенных (24 молодых человека и 36 девушек) только 14 респондентов (23,8%) придерживаются здорового образа жизни, что указывает на низкий уровень осведомленности и приверженности принципам здорового образа жизни среди студентов. Данный результат подчеркивает необходимость разработки и внедрения специальных образовательных программ, направленных на повышение осведомленности о важности здорового образа жизни среди студентов и формирования у них устойчивой мотивации к ведению здорового образа жизни.

Анализ полученных данных

Одной из достаточно современных и актуальных проблем является недооценка важности здорового образа жизни в повседневной жизни студентов. Развитие технологий и стремительный ритм жизни привели к тому, что многие молодые люди пренебрегают физической активностью, правильным питанием и управлением стрессом, отдавая предпочтение сидячему образу жизни и быстрым перекусам. Современные технологии и интернет-коммуникация дали толчок к созданию новых форм взаимодействия, однако они также внесли изменения в привычки и образ жизни студентов. В реальном мире для поддержания здоровья и хорошего самочувствия, люди используют физическую активность, правильное питание и отдых. Однако в цифровом пространстве, где большую часть времени проводят студенты, эти аспекты часто отходят на второй план.

На основе анализа данных, полученных в результате проведенного опроса, мы видим, более половины студентов практически не придерживаются здорового образа жизни. Это свидетельствует о том, что проблема поддержания здорового образа жизни среди студенческой молодежи является актуальной на данный момент времени. Действительно, полученные результаты позволяют предположить то, что студенты в основном осознают важность здорового образа жизни, но им трудно его соблюдать из-за

нехватки времени, стресса, отсутствия мотивации, ограниченных ресурсов и т.д.

Также результаты опроса показали, что респонденты очень часто сталкиваются с информацией о здоровом образе жизни, считают её достоверной и полезной. Как интересный аспект можно выделить несоответствие, которое было выявлено, сравнивая данные, отраженные на рисунке 8 об употреблении алкоголя с данными, отмеченными на рисунке 9 о вредных привычках. Несоответствие может свидетельствовать о том, что студенты не всегда осознают употребление алкоголя как вредную привычку или же у них есть более серьезные проблемы со здоровьем, связанные с несоблюдением режима сна, питания и отдыха.

Учитывая результаты опроса, видим, что студенты нередко недооценивают значение сбалансированного рациона для поддержания здоровья. У значительной части из них отсутствуют четкие представления о необходимых пищевых привычках. Как показал опрос, ключевыми факторами, способствующими пересмотру режима питания среди студентов, являются ухудшение состояния здоровья и появление избыточного веса. Можно предположить, что молодые люди не склонны вносить изменения в свой рацион питания и заботиться о его качестве до возникновения серьёзных проблем со здоровьем. Дополнительно следует отметить, что подобная тенденция обусловлена рядом факторов, таких как недостаток знаний о принципах здорового питания, ограниченность финансовых средств, нехватка времени для приготовления пищи, а также влияние социальной среды и культурных стереотипов. Эти обстоятельства создают условия, при которых студенты предпочитают быстрые и доступные варианты питания, игнорируя долгосрочные последствия для организма.

Одним из положительных аспектов проведенного исследования стало выявление того факта, что значительная доля респондентов указывает на спорт и физическую активность как важнейшие факторы формирования здоровых привычек в условиях высшего учебного заведения. Они способствуют поддержанию активности и сохранению здоровья студентов. Полученные результаты опроса свидетельствуют о том, что университетская среда располагает возможностями для ведения активного образа жизни, участия студентов в спортивных мероприятиях. Наряду с этим, в целях совершенствования данного вида образовательной среды можно предложить способы оптимизации расписания спортивных секций, гибкость образо-

вательных программ, что обеспечит большую вовлеченность обучающихся в занятия спортом и доступность физических занятий для всех студентов.

Помимо физического аспекта, спорт оказывает значительное влияние и на умственное состояние студентов. Как известно, физическая активность стимулирует мозговую деятельность, улучшает концентрацию внимания и память. Занятия спортом повышают уровень эндорфинов – гормонов счастья, что положительно сказывается на эмоциональном состоянии и снижает вероятность депрессии и тревожных расстройств. Всё это напрямую связано с результативностью учебной деятельности, учебной успеваемостью, и, как следствие, с успешностью студента. В данном ключе многие студенты отмечают (как показал опрос), что регулярные физические нагрузки помогают им лучше усваивать учебный материал, быстрее восстанавливаться после интеллектуальных усилий и сохранять высокий уровень энергии на протяжении всего учебного дня. Спортивные занятия учат дисциплине, целеустремленности и умению управлять своим временем, что также полезно в образовательной деятельности.

Весьма удивительно то, что по результатам проведенного опроса было выявлено, что респонденты, которые выросли в сельской местности, значительно реже придерживаются принципов здорового образа жизни, чем респонденты, являющиеся городскими жителями. Это наблюдение заслуживает особого внимания, поскольку оно противоречит традиционным представлениям о том, что сельская местность обеспечивает более благоприятные условия для ведения здорового образа жизни благодаря чистоте воздуха, наличию натуральных продуктов и возможности заниматься физической активностью на открытом воздухе. Можно предположить, что это, отчасти, обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в сельских регионах может наблюдаться меньшая доступность специализированных спортивных объектов и секций, что затрудняет регулярное занятие физическими упражнениями. Во-вторых, возможно, в сельской местности меньше развиты информационные кампании и образовательные программы, направленные на пропаганду здорового образа жизни. Отсутствие доступа к актуальной информации о пользе здорового образа жизни может снижать мотивацию к ведению здорового образа жизни. Кроме того, в городах часто существует большее разнообразие вариантов для проведения свободного времени, связанных с физической активностью, напри-

мер, фитнес-центры, бассейны, парки для пробежек и велоспорта. В сельской местности подобные возможности могут быть ограничены, что также влияет на поддержание здорового образа жизни.

Таким образом, недооценка принципов здорового образа жизни проявляется в различных формах: недостаточная физическая активность, неправильное питание, отсутствие режима сна и отдыха, а также злоупотребление гаджетами и социальными сетями. Это приводит к ряду негативных последствий для здоровья студентов, таких как снижение иммунитета, увеличение веса, хроническая усталость и ухудшение когнитивных функций. Поэтому крайне важно повышать осведомленность студентов о важности здорового образа жизни и помогать им интегрировать его принципы в свою повседневную жизнь.

Анализ данных опроса "В ритме жизни: как студенты видят и поддерживают ЗОЖ?" показал, что значительная часть опрошенных студентов не придерживается принципов здорового образа жизни. Результаты опроса показывают, что большинство студентов не уделяют должного внимания своему здоровью, имея вредные привычки и пренебрегая основными аспектами здорового образа жизни. Для изменения этой ситуации необходимо предпринять комплексные меры, включая поддержку психологического здоровья и внедрение современных технологий, ориентированных на изменение отношения студентов к здоровому образу жизни и обеспечение помощи в интегрировании его принципов в свою повседневную жизнь студента.

Рекомендации по профилактике и решению рассматриваемой проблемы

Естественно, здоровый образ жизни не является чем-то врожденным, его принципы и привычки нужно формировать у учащихся в ходе образовательного процесса. В современной педагогической литературе подчеркивается важность целенаправленной поддержки формирования здорового образа жизни среди студентов на всех уровнях образовательной системы, начиная с детского сада, начальной школы и заканчивая высшим образованием [1–15]. Педагогическим работникам, организаторам работы с молодежью, педагогам-психологам необходимо систематически работать над реализацией этой задачи.

В частности, можно обозначить ряд мероприятий, направленных на формирование у молодых людей осознанного отношения к поддержанию здорового образа жизни:

- проведение деловых игр, ориентированных на формирование мотивации к формированию здорового образа жизни;
- беседы о правилах поддержания здорового образа жизни;
- круглые столы на темы, касающиеся проблем формирования мотивации к здоровому образу жизни и осознания значимости его поддержания в жизни человека;
- тренинги по развитию навыков здорового образа жизни, включая упражнения на управление стрессом и планирование времени;
- ролевые игры, демонстрирующие преимущества здорового образа жизни перед вредными привычками;
- дискуссии на актуальные темы, связанные с формированием установки на ведение здорового образа жизни (например, спорт, правильное питание и т.п.);
- мастер-классы, демонстрирующие способы реализации конкретных рекомендаций по ведению здорового образа жизни (например, правильное питание, режим дня и т.п.);
- создание и распространение среди студентов информационных памяток, буклетов о правилах ведения здорового образа жизни и т.д.

Данные и многие другие мероприятия, ориентированные на то, чтобы научить молодых людей основам здорового образа жизни и показать, насколько важно заботиться о своём здоровье каждый день, смогут внести вклад в развитие подрастающего поколения, ответственного за свое здоровье и будущее. Важно сделать занятия максимально интересными и интерактивными, чтобы участники смогли не только узнать новую информацию, но и сразу же применить её на практике. Кроме того, необходимо уделять особое внимание вопросам профилактики вредных привычек. Существенно то, чтобы молодые люди осознавали возможные последствия вредных привычек для своего здоровья и будущего.

Важная роль должна быть отведена спортивным мероприятиям, включающим различные виды физической активности, подходящие для разных возрастов и уровней подготовки обучающихся. Это могут быть как традиционные виды спорта, так и современные фитнес-программы, танцы, йога и т.п. Здесь важно, чтобы каждый участник нашёл для себя подходящий вид физической нагрузки, который ему нравится и приносит радость.

Несомненно, существенное место в формировании здоровых привычек должно быть

отведено правильному питанию. Актуальны для проведения всевозможные мастер-классы по приготовлению полезных блюд, на которых обсуждаются вопросы сбалансированного рациона и отказа от фаст-фуда. Участники таких мероприятий смогут узнать, как составлять меню, богатое витаминами и минералами, и как организовать свой рацион таким образом, чтобы всегда оставаться энергичными и здоровыми.

Наконец, особое внимание важно отвести развитию эмоционального интеллекта и навыков управления стрессом. В данном случае речь идет о знакомстве студентов с техниками релаксации, медитации и с дыхательными упражнениями, которые помогут обучающимся сохранять спокойствие в любых ситуациях и избегать переутомления.

Все мероприятия объединяет одна цель – развитие у подрастающего поколения осознанного и ответственного отношения к своему здоровью с тем, чтобы они смогли жить полноценной жизнью, достигая успехов во всех сферах деятельности.

Выводы:

1. Несоблюдение здорового образа жизни сегодня представляют собой одну из актуальных проблем, которую ощущают на себе не только взрослые члены общества, но и обучающиеся разных возрастных групп, в частности, студенческая молодежь. Как показал опрос, многие из них не придерживаются здорового образа жизни, считая это важным аспектом, но не самым главным в жизни.

2. Необходимо снижать частоту случаев пренебрежительного отношения к здоровому образу жизни, развивая у студентов соответствующие навыки и установки. Это можно делать с помощью проведения интерактивных занятий, семинаров и вебинаров, мастер-классов "Основы здорового питания", "Польза физической активности" и т.п., также через организацию спортивных мероприятий и внедрения программ здорового питания. Важен инновационный подход к организации комплекса мероприятий в данной области, учитывающий индивидуально-психологические особенности современного студента.

3. В решение задач формирования и развития у студентов осознанного отношения к своему здоровью значительный вклад вносят преподаватели и организаторы внеучебной деятельности, работающие с молодёжью. При организации педагогического сопровождения развития у студентов навыков здорового образа жизни особенно востребованными могут стать комплексные мероприятия, посвященные фор-

мированию у них ценности здоровья и мотивации к ведению ЗОЖ. Результатом такого сопро- вождения видится положительная динамика уровня сформированности у студентов здоро- вых привычек, а эффектом – улучшение состо- яния здоровья и повышение качества жизни в обществе.

Список литературы:

1. Антоненко М.Н., Соловьева Р.О. Формирование здорового образа жизни у студентов // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. - 2019. – Т.4. – 31. С. 30-34.
2. Берданов А.О. Формирование культуры здоровья и здорового образа жизни // Вестник науки. – 2019. – Т.3. - № 11 (20). – С. 33-36.
3. Захаренко Е.А., Захаренко А.С. Здоровье и формирование здорового образа жизни современных школьников // Вестник науки и образования. – 2024. - № 8 (151)-1. - С. 38-41.
4. Кудряшова С.К. Формирование у обучающихся здорового образа жизни // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. - №78-2. - С. 136-139.
5. Лобанова Э.Н. Формирование культуры здорового образа жизни // Вестник науки и образова- ния. – 2021. - № 5-1 (108). – С. 49-54.
6. Мясникова М.Д., Шумилина Н.С. Формирование здорового образа жизни студентов // Форум молодых ученых. – 2019. - № 2 (30). – С. 1050-1054.
7. Неклиенко А.А., Коробейникова Е.И. Формирование здорового образа жизни // Автономия личности. -2020. № 3 (23). - С 39-43.
8. Петрова Т.И., Петров С.С. Формирование здорового образа жизни у дошкольников // Мир науки, культуры, образования. – 2021. - №4 (89). С. 156-158.
9. Помещикова Ю.А., Коновалова А.А., Сущность здорового образа жизни. Факторы формиро- вания здорового образа жизни // Вестник науки. – 2018. – Т.1. - №9(9). – С. 55-56.
10. Романкина М.Ю., Тишукова И.А., Федулова Я.А. Формирование здорового образа жизни у подростков // Наука и образование. – 2022. -Т 5. - №1. - С. 178.
11. Сидоров Д.Г., Овчинников С.А. Социальные аспекты формирования здорового образа жизни студенческой молодежи: учебно-метод. пособие. - Н. Новгород: ННГАСУ, 2023. – 88 с.
12. Сысоева Л.Н., Котылевская Н.П. Формирование здорового образ жизни в школе // Евразий- ский научный журнал. – 2018. - №9. - С. 64-65.
13. Усачёва Л.В. Формирование здорового образа жизни студенческой молодежи // Наука и прак- тика в образовании: электронный научный журнал. – 2021. - №5 (7). – С. 46-59.
14. Шаронина А. А., Шейко Г.А. Здоровый образ жизни студента и его составляющие // Теория и практика современной науки. - 2022. - №12 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovyy-obraz-zhizni-studenta-i-ego-sostavlyayuschie>(дата обращения: 10.11.2024).
15. Шурыгина В.В., Федулина И.Р., Алферова А.П., Кушнир В.В., Шурыгин А.С., Каримова Г.Р. Формирование здорового образа жизни студентов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. - №5 (219). - С. 472-474.

K. A. Danchenko, I.V. Ivanova

IN RHYTHM OF LIFE: HOW DO STUDENTS SEE AND MAINTAIN HEALTHY LIFESTYLE?

Abstract. The article is devoted to the issues of studying the students' attitude to a healthy lifestyle, which today are among the most relevant and in-demand in the context of modern socio-cultural reality. The conclusions made in the article and the proposed recommendations are based not only on the results of the theoretical analysis of the literature on the problem under study, but also on the results of a survey conducted among students at Kaluga State University, which are also reflected in the content of this arti- cle. The study of students' attitudes to a healthy lifestyle made it possible to determine the level of aware- ness and motivation of students to a healthy lifestyle, identify obstacles and barriers that prevent students from leading and maintaining it, and also make some recommendations regarding the solution of the prob- lem under consideration. The materials presented in the article will be useful for educational and public organizations.

Key words: healthy lifestyle, sports, bad habits, diet, youth, students.

References:

1. Antonenko M.N., Solovieva R.O. Formation of healthy lifestyle among students // Physical Education. Sports. Tourism. Motor recreation. - 2019. - Vol.4. - 31. P. 30-34.
2. Berdanov A.O. Formation of health culture and a healthy lifestyle // Bulletin of science. - 2019. - Vol.3. - No. 11 (20). - P. 33-36.
3. Zakharchenko E.A., Zakharchenko A.S. Health and formation of modern schoolchildren's healthy lifestyle // Bulletin of science and education. - 2024. - No. 8 (151)-1. - P. 38-41.
4. Kudryashova S.K. Formation of healthy lifestyle among students // Problems of modern pedagogical education. - 2023. - No. 78-2. - P. 136-139.
5. Lobanova E.N. Formation of healthy lifestyle culture // Bulletin of science and education. - 2021. - No. 5-1 (108). - P. 49-54.
6. Myasnikova M.D., Shumilina N.S. Formation of students' healthy lifestyle // Forum of young scientists. - 2019. - No. 2 (30). - P. 1050-1054.
7. Neklienko A.A., Korobeynikova E.I. Formation of healthy lifestyle // Autonomy of personality. - 2020. No. 3 (23). - P. 39-43.
8. Petrova T.I., Petrov S.S. Formation of healthy lifestyle among preschoolers // World of science, culture, education. - 2021. - No. 4 (89). P. 156-158.
9. Pomeshchikova Yu.A., Konovalova A.A. Essence of healthy lifestyle. Factors of healthy lifestyle formation // Bulletin of science. - 2018. - Vol. 1. - No. 9 (9). - P. 55-56.
10. Romankina M.Yu., Tishukova I.A., Fedulova Ya.A. Formation of healthy lifestyle among adolescents // Science and education. - 2022. - Vol. 5. - No. 1. - P. 178.
11. Sidorov D.G., Ovchinnikov S.A. Social aspects of healthy lifestyle formation among student youth: teaching aid. - N. Novgorod: NNGASU, 2023. - 88 p.
12. Sysoeva L.N., Kotylevskaya N.P. Formation of healthy lifestyle at school // Eurasian scientific journal. - 2018. - No. 9. - P. 64-65.
13. Usacheva L.V. Formation of healthy lifestyle of student youth // Science and practice in education: electronic scientific journal. - 2021. - No. 5 (7). - P. 46-59.
14. Sharonina A.A., Sheiko G.A. Healthy lifestyle of student and its components // Theory and practice of modern science. - 2022. - No. 12 (90). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovyy-obraz-zhizni-studenta-i-ego-sostavlyayuschie> (date of application: 10.11.2024).
15. Shurygina V.V., Fedulina I.R., Alferova A.P., Kushnir V.V., Shurygin A.S., Karimova G.R. Formation of students' healthy lifestyle // Scientific notes of P.F. Lesgaft University. - 2023. - No. 5 (219) - P. 472-474.

Статья поступила в редакцию 10.12.2024 г.

Л.В. Павлей, О.Н. Солодчук

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ, ОСОБЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТИПА РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ СТУДЕНТОВ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования, целью которого выступило изучение смысловых ориентаций, имплицитного интеллекта и уровня реагирования на конфликт у студентов педиатрического факультета 1, 3 и 5 курсов. Методами исследования выступили: Методика «Смысловые ориентации» (Д.А. Леонтьев), «Диагностика ведущего типа реагирования» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева) и «Опросник имплицитных теорий интеллекта» (К. Двек, в модификации Т.В. Корниловой, С.Д. Смирнова). Статистические методы обработки данных: непараметрический критерий Манна-Уитни. Смысловые ориентации у студентов-медиков не претерпевают значимых изменений в процессе обучения. Студенты всех исследуемых курсов имеют высокую осмысленность жизни и воспринимают свою жизнь как интересную, насыщенную, наполненную смыслом. Установлены все типы реагирования на конфликт на всех исследуемых курсах студентов педиатрического факультета: агрессия, уход и разрешение. Принятие целей обучения более выражено у студентов педиатрического факультета 3 и 5 курсов, что проявляется в большей ориентированности на процесс обучения, сформированной мотивации и целеполагании. У студентов педиатрического факультета 1 курса самооценка обучения значимо выше, чем у 3 и 5 курсов.

Ключевые слова: способности, интеллект, профессиональное самоопределение, студенты, педиатрия, конфликт, смысловые ориентации.

Введение. Профессиональное самоопределение, становление в профессии врача – это достаточно долгий и интересный путь молодого человека. Профессия врача, врача-педиатра, работающего с детьми, требует не только высокого профессионализма, но и сформированной ценностно-смысловой сферы как основы личностного развития. Исследование ценностно-смысловой сферы личности, имплицитного интеллекта и типа реагирования на конфликт студентов педиатрического факультета, обучающихся на младших и старших курсах, приобретает свою актуальность в современном мире с интенсивным развитием технологий и средств медицины, а самое главное – усложнением межличностных отношений.

Обзор литературы. Под профессиональным самоопределением понимается явление, которое характеризует совокупность психических процессов, существенными признаками их являются: самосознание ценности профессии на основе осведомленности о ней, самооценка своих возможностей в освоении профессии и самореализации в ней, соотношенная с внешней оценкой [3, 5, 18]. В зарубежной психологии под профессиональным самоопределением понимается процесс раскрытия резервов личности, ее творческого начала, уникальности, неповторимости, и тесно связывается с самореализацией, самоактуализацией, самопознанием [39, 40]. Профессиональное самоопределение – это про-

цесс выбора и овладения профессией, а также личное отношение к разным профессиям [2, 9, 11, 30].

В зарубежной психологии под общими способностями понимается интеллект. Интеллект – это умственные способности: учиться из опыта, приспосабливаться, адаптироваться к новым ситуациям, применять знание. При изучении интеллекта было создано множество теорий. Все их можно разделить на эксплицитные и имплицитные теории» [1, 6, 31, 47].

Согласно исследованиям К. Двек, имплицитные теории играют ключевую роль в успешности обучения. К. Двек выделила два типа имплицитных теорий интеллекта – «entitytheories» и «incrementaltheories»: 1) entitytheories – теория «данности» или теория заданностей интеллекта – человек считает, что интеллект – это фиксированная способность – его нельзя изменить; 2) incrementaltheories – теории «наращиваемого интеллекта»: человек думает, что интеллектуальные способности можно изменить, и они развиваются в течение жизни [19].

В зависимости от того, какое представление люди имеют об интеллекте, они по – разному ведут себя, и у них разная мотивация достижений [1]. Люди, которые придерживаются теории заданности интеллекта, считают, что интеллект – это постоянное, фиксированное, мало контролируемое свойство, и каждый человек обладает некоторым его «количеством».

Такие люди ценят легкий успех, стремятся во всем быть лучше других, любые трудности, препятствия, успехи сверстников принуждают их подвергать сомнению свои интеллектуальные возможности. Приверженцы этой теории склонны к постановке performancegoals – результативных целей. Они стараются любой ценой получить положительную оценку окружающих и избежать негативной оценки своей компетентности. Данный тип людей проявляет беспокойство по поводу своих способностей, так как верит, что они не могут поменяться, а их только можно отразить в возможно более выгодном свете [1,6, 19].

Люди, которые являются приверженцами теории «наращиваемого интеллекта», считают, что интеллект можно развивать. Такие люди характеризуются тем, что они не боятся препятствий, трудностей, так как надеются в ходе их преодоления развить свой интеллект, что для них ценнее конкретного успеха и важнее временной неудачи. Те, кто считает, что их способности могут изменяться и развиваться, склонны ставить перед собой более сложные learninggoals - учебные и познавательные цели. О таких людях можно сказать, что они стремятся увеличить свою компетентность и мастерство, предпочитают трудные задачи, которые могут им помочь научиться новому, продвигаться в своем развитии, получить новый опыт, и даже совершить ошибки [1,6, 19].

Адекватные смысложизненные ориентации врачей-педиатров, работающих не только с ребенком, но и с его родителями, а опосредованно и с семьей в целом, способствуют повышению качества лечебного процесса, поскольку влияют на установление оптимальных межличностных отношений. Именно смысложизненные ориентации являются стержневым компонентом в структуре личности. Личностный смысл отражает не только значимость явления для человека, но и его эмоциональное отношение [7,8, 26, 27].

Условия, объекты, отношения и явления тогда становятся ресурсными, когда субъект наделяет их смыслом и связывает именно с ними ожидание позитивных достижений. Следовательно, не сам лечебный процесс есть ресурс, а представления субъекта о нем, как о поддерживающем ресурсе [37].

Одним из ценных внутренних ресурсов есть понимание того, что любое затруднение, возникающее в деятельности, это явление временное, таящее в себе возможности роста. Когнитивный ресурс расширяет возможности субъекта эффективно взаимодействовать в си-

туации конфликта посредством проявления гибкости, динамичности, ценностно-смысловой ориентированности.

В.А. Новгородской показано, что внутренний план личностных ресурсов включает когнитивно-эмоциональные, эмоционально-волевые, ценностно-смысловые и поведенческие ресурсы [28]. Личностный ресурс представляет собой значимую часть жизненных ресурсов человека, которая интегрирует свойства человека, необходимые ему для решения когнитивно-интеллектуальных, эмоционально-волевых, ценностно-смысловых задач [28].

Личностные ресурсы обеспечивают отношение к конфликтам как возможности приобретения личного опыта и возможности личностного роста, способность в сложной ситуации находить для себя смысл. Именно чувствительность к противоречиям в межличностных отношениях ресурсная субъектность способствуют отказу от не имеющих смысла стратегий и более гибкому реагированию на конфликт.

Ресурсная субъектность – системная характеристика, проявляющаяся в способности личности к накоплению, осознанию, своевременному и результативному использованию ресурсов в решении поставленных задач, в процессе осуществления деятельности и жизнедеятельности, реализации смысла жизни, преодоления трудных жизненных ситуаций, самоорганизации и саморазвитии личности [3].

Субъективная ресурсность рассматривается как необходимый фактор для качественной жизнедеятельности личности, достижения вершин ее самосовершенствования и саморазвития как в профессиональном, так и в личностном плане. Субъективный компонент подчеркивает роль самой личности в сохранении, преобразовании, накоплении, перераспределении ресурсов. Субъективная ресурсность – это осознание ресурсов личностью, объективное определение наличия ресурса и субъективное восприятие наличия и возможности использования данного ресурса самой личностью [3, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 32]. Субъективная ресурсность – это содержательная характеристика внутреннего мира субъекта в виде образов, представлений и знаний, в том числе «потенциальных», об особенностях ситуации и о собственных возможностях, рассматриваемое в рамках действительности, актуальности, непосредственно связанное с деятельностью, позволяющая качественно осуществлять деятельность и являющееся в некотором плане ее следствием [2, 3].

Уровень ценностно-смыслового отношения к профессии тогда снижается, когда мотивация

вация на самореализацию не поддерживается ресурсами или находит их лишь в частичных преобразованиях. Если же профессионал находит в себе ресурсы переосмыслить цели деятельности, отстоять свою независимость в условиях внешнего неблагоприятного давления, то происходит повышение его ресурсности, прежде всего, ресурсности его мышления [4, 6, 7, 10, 12, 15, 16, 17]. К основным характеристикам ресурсности мышления можно отнести осмысленность (наделенность определенным смыслом, восполняемость, гибкость, селективность, целостность осмысления). Разные особенности осмысленности проявляются в ресурсах, вступающих в действие в рамках конкретной ситуации. Такая селективность происходит благодаря перераспределению когнитивного ресурса [13, 14, 36].

При столкновении с трудностями в условиях профессиональной деятельности у субъекта возникает потребность в повышенном ресурсном обеспечении, которую можно осуществить посредством метакогнитивной регуляции, поскольку она в условиях творчества характеризуется инициативным выходом за пределы семантического пространства решаемой задачи [29, 34]. Основой такого пространства является смысл. Рассмотрение ресурсного смысла личности способствует пониманию перспектив ее творческого развития.

Высокоуровневые смысложизненные ориентации требуют понимания оптимальных способов реализации ресурсов и, в случае необходимости, их оперативного восполнения. Осознание своего смыслообразования означает способность находить новые смыслы. Важные смыслы человек способен помнить лучше благодаря перенаправлению когнитивного ресурса от процесса запоминания к процессу понимания. Основная задача подключения ресурсов характеризуется использованием знаний, полученных в процессе позитивного переосмысления, происходящего посредством нахождения новых смыслов, особенно в условиях напряженного, конфликтного взаимодействия.

Использование управления конфликтами для лучшего принятия решений [48] предполагает реализацию мышления, направленного на «приобретение ресурсов для расширения собственных возможностей» и предполагает оценку будущих событий, исходя из опыта, не как угрозу личности, а как вызов или как новые возможности для достижения личностного роста в условиях конкретной среды [43]. Ключевой характеристикой среды является сочетание личностных ресурсов, ситуативных ресурсов и

требований ситуации, провоцирующее те или иные состояния человека (вовлеченность, апатию, выгорание и др.). Примером может быть теория соотношения ресурсов и требований работы [39, 40, 48].

Поскольку внутри каждого этапа конфликт может развиваться как в конструктивном, так и в деструктивном направлении, то D. Bar-Tal предлагает так называемые «симптомы» деструктивной конфликтности: быстрое принятие внушаемых решений; отказ участников от анализа противоречивых аспектов проблемы. Оптимальным для разрешения конфронтации является доминирование среди его участников ориентации на взаимодействие, кооперацию, в результате чего вероятность конструктивного решения повышается [41].

Так, R.E. Walton выделяя две фазы конфликта, которые последовательно могут сменять друг друга, говорит, что это и будет конструктивной конфликтностью, т.е. конструктивность рассматривается как возможность реализации конфликтных отношений во всей целостности и полноте, от начала до логического (устраивающего обе стороны) завершения [49].

Такие авторы как M. Deutch M., J.P. Folger, M.S. Poole [42, 45] конструктивную конфликтность рассматривают как возможность на каждом этапе конфликта переориентироваться в позитивное русло, т.е. конструктивная конфликтность – это не только интеллектуальный процесс, но и процесс, содержащий, прежде всего, мотивационную направленность на позитивное решение. В связи с этим возрастает необходимость разработки и апробации стратегической симуляции межгруппового конфликта [44].

A.W. Kruglanski, вводя понятие конфликтной личности, фактически, выделяет два вида конфликтности: это повышенная склонность к восприятию ситуаций как конфликтных (и в случае творческой, над ситуативной направленности и восприятию конфликта как возможности позитивной самореализации это и будет конструктивной конфликтностью) и склонность к конфликтному реагированию на те или другие обстоятельства. Кроме того, конфликт рассматривается не просто как свойство ситуации, но, скорее, как выводы, делаемые на ее основе [46, 47].

Смысложизненные ориентации как целостная система избирательных и сознательных связей, отражающих направленность личности и её способность брать на себя ответственность, особенно ярко проявляются в условиях конфликта. Выбор типа реагирования на конфликт

обусловлен, прежде всего, стажем врача [33, 34, 35], а также конструктивной активностью как опосредованное сознательными усилиями поведение, направленное на преобразование ситуации в соответствии с субъективными потребностями и социально-приемлемыми целями [9,35]. Конструктивная конфликтность как интегративная характеристика личности, проявляется в частоте вступления в конфликт, и характеризуется направленностью личности на конструктивное разрешение конфликта с сохранением своего здоровья. Психологическими механизмами конструктивной конфликтности являются инсайт, катарсис, интерпретация, директива, обратная связь, поддержка, убеждение, идентификация, аналогия, мотивирование, моделирование, конструирование, фасилитация, конверсия, трансформация, инверсия [16, 17, 38].

При этом конструктивная конфликтность может реализоваться только при потере смысла эскалации (которая должна наступить в фазе дифференциации, когда конфликт приобретает открытую форму, и разногласия между сторонами усиливаются) и приобретении нового смысла развития конфликтных отношений (это означает наступление новой фазы – интеграции, когда участники стремятся к некоторому соглашению, приемлемому для обеих сторон). Если по каким-либо причинам интеграция не оказывается полностью успешной, то начинается новая фаза дифференциации [38].

Анализ некоторых зарубежных подходов к конструктивной конфликтности позволяет отметить, во-первых, нахождение нового смысла в конфликтной ситуации, во-вторых, умение анализировать мысли и чувства, делать оперативный выбор и подбор оптимального стиля для каждой ситуации с учетом психологических особенностей участников конфликта, в-третьих, позитивный настрой на успешное разрешение конфликта и мотивация на освоение новых способов реагирования в сходных конфликтных ситуациях [9, 29].

Конструктивная конфликтность представляет собой личностный конструкт [7]. Ставится вопрос о её связи с другими личностными особенностями у студентов будущих врачей; рассматривается проблема взаимоотношений конфликтного поведения и конфликтности личности студента-медика [18, 38]. Для решения этих и других вопросов в данной работе предпринимается попытка понимания соотношения смысложизненных ориентаций, особенностей имплицитного интеллекта и типов реагирования

на конфликт студентов педиатрического факультета

Цель: исследование смысложизненных ориентаций, имплицитного интеллекта и уровня реагирования на конфликт у студентов педиатрического факультета 1, 3 и 5 курсов Ярославского государственного медицинского университета (ЯГМУ).

Гипотеза: у студентов младших и старших курсов педиатрического факультета ЯГМУ существуют различия в смысложизненных ориентациях, а также в особенностях наращивания имплицитного интеллекта и типах реагирования на конфликт, а именно по мере повышения курса обучения у студента выше будет оценка наращивания своего интеллекта и изменится тип реагирования на конфликт.

Методы исследования: Эмпирическими методами исследования выступили: Методика «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев) [26, 27], «Диагностика ведущего типа реагирования» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева) и «Опросник имплицитных теорий интеллекта» (К. Двек, в модификации Т.В. Корниловой, С.Д. Смирнова) [19]. Обработка результатов включала в себя количественный и качественный анализ полученных данных. Статистический анализ полученных в результате исследования данных проводился с применением программы Statistica 10, проводилась оценка с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни. Исследование выполнено при участии студентки факультета клинической психологии ЯГМУ 3 курса Кацагоровой А.А.

В исследовании приняли участие студенты педиатрического факультета Ярославского государственного медицинского университета 1, 3 и 5 курсов в количестве 45 человек: 1 курс педиатрического факультета – 15 человек, 3 курс педиатрического факультета – 15 человек, 5 курс педиатрического факультета – 15 человек.

Результаты и дискуссия.

Студентам педиатрического факультета 1, 3 и 5 курсов медицинского ВУЗа предлагалось последовательно пройти методики исследования.

Проанализируем график средних значений по методике «Имплицитные теории интеллекта» К. Двек, в модификации Т.В. Корниловой, С.Д. Смирнова между группами студентов педиатрического факультета 1,3 и 5 курсов (рисунок 1).

На рисунке 1 мы видим, что по шкале «Принятие теории наращиваемого интеллекта» среднее выше у студентов 1 курса, чем у 3 и 5

курсов. По шкале «Принятие теории обогащаемой личности» у студентов 3 курса средние значения выше, чем у студентов 1 и 5 курсов. По шкале «Принятие целей обучения» средние значения выше у студентов 3 курса, у 5 курса

выше, чем у 1 курса. По шкале «Самооценка обучения» результаты уменьшаются с каждым курсом. Так у 1 курса результаты выше, чем у 3 и 5 курсов. А у обучающихся 5 курса меньше, чем у 1 и 3 курсов.

Рисунок 1 – График средних значений по методике имPLICITных теорий интеллекта К. Двек, в модификации Т.В. Корниловой, С.Д. Смирнова

Проанализируем значимые различия между группами студентов педиатрического факультета 1 и 3 курса, а также 1 и 5 курса по

методике «ИмPLICITный интеллект», полученные с помощью статистического анализа результатов по U-критерий Манна-Уитни.

Таблица 1 – Значимые различия между группами студентов педиатрического факультета 1 и 3 курсов по методике «ИмPLICITные теории интеллекта»

	1 курс	3 курс	U	Уровень значимости p
Принятие целей обучения	179	286	59	0,026354*

Примечание: U – значение критерия Манна-Уитни; * - различия на уровне значимости $p < 0,05$.

Из таблицы 1 следует, что показатели по шкале «Принятие целей обучения» в группе студентов 3 курса значимо выше, чем в группе студентов 1 курса. Так, ориентированность на процесс учения выше у студентов педиатрического факультета 3 курса. Можем предполо-

жить, что это связано с тем, что студенты 1 курса ещё находятся на стадии адаптации к обучению в медицинском ВУЗе и принятие целей обучения, формирование учебной мотивации находится на стадии формирования, а студенты 3 курса уже прошли этот этап.

Таблица 2 – Значимые различия между группами студентов педиатрического факультета 1 и 5 курсов по методике «ИмPLICITные теории интеллекта»

	1 курс	5 курс	U	Уровень значимости p
Принятие целей обучения	181,5	283,5	61,5	0,032944*
Самооценка обучения	294,5	170,5	50,5	0,008642**

Примечание: U – значение критерия Манна-Уитни; * - различия на уровне значимости $< 0,05$; ** - различия на уровне значимости $p < 0,01$.

Из таблицы 2 мы видим, что принятие целей обучения в группе студентов 5 курса статистически значимо выше, чем в группе 1 курса. Так, ориентированность на процесс учения, принятие целей обучения выше на 5 курсе, где

можно предполагать сформированную мотивацию к обучению, развитое целеполагание и построение профессиональной траектории. По шкале «Самооценка обучения» результаты статистически значимо выше, напротив, в группе

студентов 1 курса. Так, оценка вкладываемых в достижения усилий и отнесение себя к успешным или неуспешным студентам выше у студентов младших курсов. Студенты могут транслировать самооценку обучения, оформленную в процессе еще школьного обучения, а по мере усложнения обучающего материала, возникает некоторое снижение самооценки обучения.

Проанализируем график средних значений по методике «Диагностика ведущего типа реагирования на конфликт» (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева) между группами обучающихся 1, 3 и 5 курсов педиатрического факультета (рисунок 2).

На рисунке 2 мы видим, что у студентов педиатрического факультета присутствуют все

три стратегии реагирования: агрессия, уход и разрешение. По шкале «Агрессия» средние значения с каждым курсом от 1 к 5 увеличиваются, но не достигают критических значений. Так, совокупность поведенческих реакций, имеющих отрицательную эмоциональную окраску по отношению к партнеру, сопровождающихся грубостью, порицанием партнера с целью его подчинения, увеличивается по мере повышения курса обучения. Можно предположить, что для влияния на оппонента, с целью заставить его принять свою точку зрения, часто студентами используется власть путем принуждения, происходит отстаивание своей стратегии.

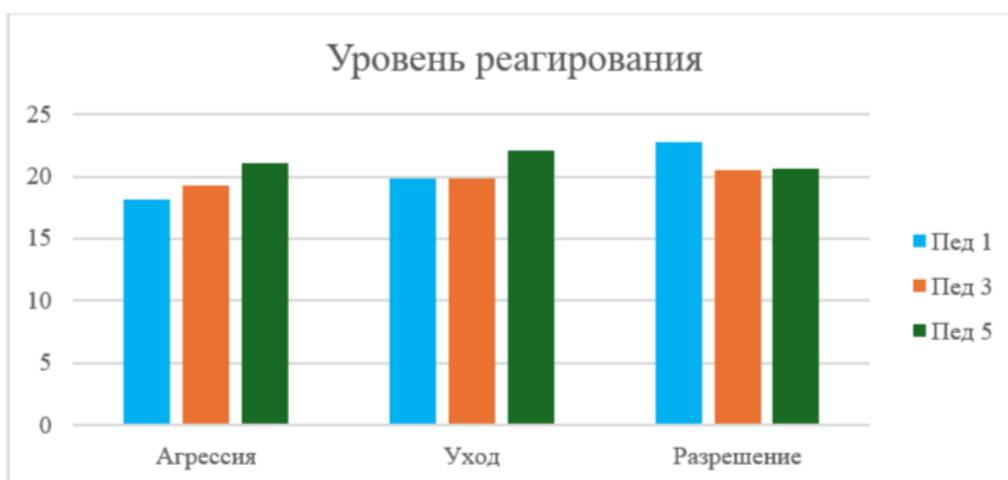

Рисунок 2 – График средних значений по методике «Диагностика ведущего типа реагирования на конфликт» М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева

По шкале «Уход» средние значения у 1 и 3 курсов находятся на одном уровне и ниже, чем у 5 курса. Тип реагирования «Уход» подразумевает, что человек старается избежать конфликта и у студентов 5 курса такой тип реагирования преобладает. Можно предположить, что по мере обучения возрастает способность студентов избегать конфликтных ситуаций, хотя, безусловно, эта стратегия не всегда является оптимальной в профессиональном и личностном плане.

По шкале «Разрешение» средние значения у студентов 3 и 5 курсов находятся в равном соотношении и ниже, чем у студентов 1 курса. Тип реагирования «Разрешение» означает признание личностью различия во мнениях и готовность ознакомиться с иными точками зре-

ния, чтобы понять причины конфликта и найти действия, приемлемые и взаимовыгодные для обеих сторон и обеспечивающие достижение социально полезной цели. Представляет интерес такое распределение результатов и показывает необходимость психологического сопровождения студентов для выработки ими стратегий разрешения конфликтов. Такая целенаправленная работа осуществляется в Центре социально-психологического сопровождения студентов ЯГМУ.

Далее рассмотрим статистически значимые различия между группами студентов 1 и 5 курсов по методике «Диагностика ведущего типа реагирования» с помощью критерия U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 3 – Значимые различия между группами студентов педиатрического факультета 1 и 5 курсов по методике «Ведущий тип реагирования на конфликт»

Тип реагирования	1 курс	5 курс	U	Уровень значимости p
Агрессия	175,5	289,5	55,5	0,016432*
Уход	203	262	83	0,232812
Разрешение	266	199	79	0,173609

Примечание: U – значение критерия Манна-Уитни; * - различия на уровне значимости $p < 0,05$

Из таблицы 3 видно, что по шкале «Агрессия» в группе студентов 5 курса данный тип реагирования статистически значимо выше, чем в группе 1 курса. Уровень значимости $p < 0,05$. Это может быть связано с тем, что у студентов совокупность поведенческих реакций, имеющих отрицательную эмоциональную окраску по отношению к партнеру, сопровождающихся грубостью, порицанием партнера с целью его подчинения, увеличивается по мере повышения курса обучения. Можно предполо-

жить, что для влияния на оппонента, с целью заставить его принять свою точку зрения, часто используется власть путем принуждения, происходит отстаивание своей стратегии, т.к. студенты 5 курса становятся более компетентными и уверенными в профессиональных вопросах.

Рассмотрим график средних значений по методике «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева между группами педиатров 1,3 и 5 курсов (рисунок 3, 4, 5).

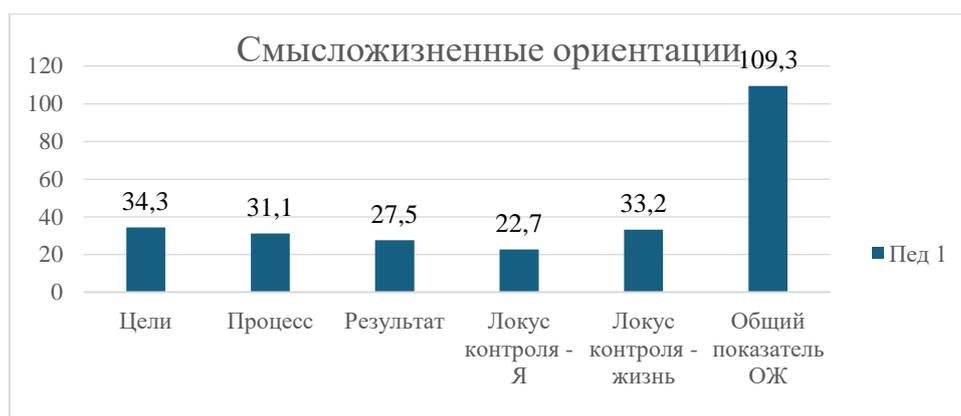

Рисунок 3 – График средних значений по методике «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева

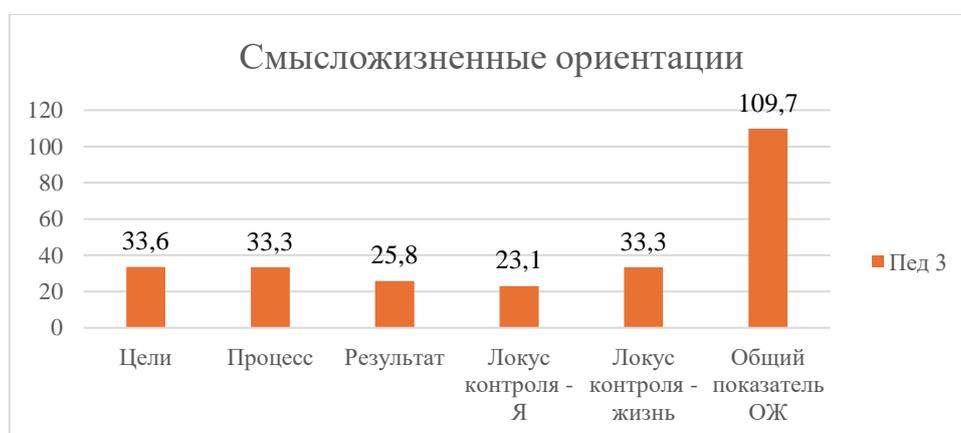

Рисунок 4 – График средних значений по методике «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева

Мы практически не обнаруживаем видимых различий в смысложизненных ориентациях студентов 1-5 курсов. Статистически достоверных различий при проверке по критерию Ман-

на-Уитни также не обнаружено. Это можно объяснить устойчивостью таких образований личности, как смысложизненные ориентации.

Рисунок 5 – График средних значений по методике «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева

Высокие средние значения по общему показателю осмысленности жизни (рисунок 5), говорят о том, что студенты педиатрического факультета 3- 5 курсов воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом.

Заключение

В процессе профессионализации будущего детского врача происходит дальнейшее становление его личности, самосознания, профессиональной самооценки. Обучаясь в медицинском ВУЗе, учебный процесс которого включает разнообразные способы обогащения знаниями и наращивания собственного интеллекта, вплетенные в будущую профессиональную деятельность, студент использует разные типы реагирования на конфликт.

Смысложизненные ориентации, оформляясь еще до начала обучения и во многом определяя выбранное направление и будущую профессию, не претерпевают значимых изменений по мере повышения курса обучения. При этом студенты всех исследуемых курсов имеют высокую осмысленность жизни и воспринимают свою жизнь как интересную, насыщенную, наполненную смыслом.

Установлены все типы реагирования на конфликт на всех исследуемых курсах студен-

тов педиатрического факультета: агрессия, уход и разрешение. Проявление агрессивного, настойчивого типа реагирования в различных ситуациях, более свойственно студентам 5 курса педиатрического факультета. По мере роста профессионализации они более настойчиво, а порой и агрессивно отстаивают собственную точку зрения в конфликте. В социально-психологическом сопровождении в рамках центра ВУЗа могут нуждаться как студенты старших курсов в связи с не всегда эффективным типом реагирования на конфликт, так и отдельные студенты 1 курса в связи с адаптацией к обучению в медицинском ВУЗе.

Особенности принятия необходимости наращивания собственного интеллекта присутствуют на младших и старших курсах обучения. Принятие целей обучения более выражено у студентов педиатрического факультета 3 и 5 курсов, что проявляется в большей ориентированности на процесс обучения, сформированной мотивации и целеполагании. У студентов педиатрического факультета 1 курса самооценка обучения значимо выше, чем у 3 и 5 курсов. Студенты могут транслировать самооценку обучения, оформленную в процессе еще школьного обучения, а по мере усложнения обучающего материала, возникает некоторое снижение самооценки обучения.

Список литературы:

1. Зиренко М.С. ИмPLICITные теории интеллекта и личности: связи с интеллектом, мотивацией и личностными чертами / М.С. Зиренко. // Психология. Журнал высшей школы экономики.

- Серия: Интеллект, толерантность к неопределенности, мотивация и самосознание личности, принимающей решения - 2018. -Т. 15, вып. 1. - С. 39–53.
2. Илюшина М.И. Субъективная ресурсность как психолого-акмеологический феномен // - Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), ModernResearchofSocialProblems, No 12(68), 2016. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-12-188-202 www.ej.soc-journal.ru
 3. Илюшина М.И., Краснощеченко И.П. Концептуализация представлений о ресурсной субъектности // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1. С. 138-146. с. 138.
 4. Кашапов М.М. Консультационная работа психолога. Учебное пособие / Ярославль, 2005.
 5. Кашапов М.М. Акмеология. Учебное пособие / Ярославль, 2011.
 6. Кашапов М.М. Учёт в медиации специфики типов реагирования на конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2012. № 3. С. 31-41.
 7. Кашапов М.М. Психология конфликта // Учебник и практикум / Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. (2-е изд., испр. и доп.) Москва, 2016.
 8. Кашапов М.М. Протестный потенциал как средство реализации ментальных ресурсов продуктивной конфликтности личности. В сборнике: Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования. материалы третьего международного симпозиума. Ответственные редакторы: М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова, 2016. С. 226-232.
 9. Кашапов М.М., Башкин М.В. Психология конфликтной компетентности. Учебное пособие / Сер. 63 Бакалавр. Академический курс. Модуль. (2-е изд., испр. и доп.) Москва, 2017.
 10. Кашапов М.М., Солодчук О.Н Динамика личностных качеств врача на этапах профессионального становления //Современные проблемы науки и образования. 2017. № 1(4). С. 1.
 11. Кашапов М.М., Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Событийно-когнитивные компоненты профессионализации субъекта. Ярославль, 2018.
 12. Кашапов М.М., Перевозкина Ю.М., Перевозкин С.Б., Кашапов А.С. Специфика развития ролевых ожиданий в процессе формирования личности // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 2. С. 127-140.
 13. Кашапов М.М. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2021. № 14. С. 35-46.
 14. Кашапов М.М. Ресурсность мышления как технология реализации творческого потенциала субъекта // Методология современной психологии. 2022. № 15. С. 152-165.
 15. Кашапов М.М., Филатова Ю.С. Психология конфликта. Учебник и практикум / Сер. 76 Высшее образование. (3-е изд., пер. и доп.) Москва, 2024.
 16. Кашапов М.М. Роль аккультурации в реализации конструктивной конфликтности // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18. № 2 (68). С. 306-317.
 17. Кашапов М.М. Взаимосвязь юмора и ресурсности мышления как основа автокреационных процессов // Теоретическая и экспериментальная психология, 2024. Т. 17. № 2. С. 181–199. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-20>
 18. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. – Москва: Академия, 2010. – 304 с.
 19. Корнилова, Т.В. Модификация опросников К. Двек в контексте изучения академических достижений студентов / Корнилова, Т.В., С.Д. Смирнов, М.В. Чумакова, С.А. Корнилов, Е.В. Новотоцкая-Власова. // Психологический журнал. Серия: Методы и методики. - 2008. - № 3. - С. 106–120.
 20. Краснощеченко И.П. Ценностные основания психологической подготовки будущих психологов/ Психология в вузе. 2007. №4.
 21. Краснощеченко И.П. Реализации концепции становления и развития профессиональной субъектности будущих психологов в образовательном пространстве вуза // В мире научных открытий. Серия «Проблемы науки и образования». 2011. Т. 21. №9.4. С. 1060-1078.
 22. Краснощеченко И.П. Акмеологическая концепция становления и развития профессиональной субъектности будущих психологов с учетом регионального запроса // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 2. С. 124-131.
 23. Краснощеченко И.П. Профессиональная субъектность студентов-психологов регионального вуза: стадии, траектории, условия и тенденции становления и развития // Личность профессионала в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 430-447.

24. Краснощеченко И.П. Ценностные основания профессиональной подготовки психологов // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1 (34). С. 29-37.
25. Краснощеченко И.П., Илюшина М.И. Концептуализация представлений о ресурсной субъектности // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38). С. 138-146.
26. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2000. – 18 с.
27. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2012.
28. Новгородская В.А. Личностный ресурс студентов вуза как детерминанта эффективного профессионального самоопределения. Автореф. ...канд. пс. н. Сочи, 2012. 27 с.
29. Панов В.И., Кашапов М.М., Чумаков М.В., Коршунов Н.И., Яльцева Н.В., Смирнов А.А., Пошехонова Ю.В., Томчук С.А., Филатова Ю.С., Серафимович И.В., Башкин М.В., Селезнева М.В., Кашапов А.С., Постнова А.А., Бузмакова А.В., Воскресенский А.М. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности. Ярославль, 2012.
30. Пряжников, Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика / Н.С. Пряжников. – Москва: Академия, 2007. – 501 с.
31. Самоопределение учащейся молодежи в профильном обучении: становление и развитие проблемы / под редакцией С.Н. Чистяковой. – Москва: МЭСИ, 2007. – 296 с.
32. Синякина А.В., Краснощеченко И.П., Сережникова Р.К. Конфликтная компетентность бортпроводников авиакомпании: оценка сформированности и предложения к разработке обучающей программы // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2019. Т. 2. № 1. С. 62-73.
33. Филатова Ю.С. Взаимосвязь стажа врача с коммуникативной и конфликтной компетентностью // Социальный мир человека. - Вып. 8. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация», 5–7 апреля 2018 года, г. Ижевск / под ред. Н.И. Леонова. - Ижевск: ERGO, 2018. С. 232 – 235. (440 с.) (Серия «Язык социального»).
34. Филатова Ю.С. Выбор стратегии конфликтного поведения как фактор формирования клинического мышления на ранних этапах профессионализации // «Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация»: мат-лы VIII Всероссийской научно-практической конференции по психологии с международным участием / Под общ. ред. Е.В. Прониной; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Владимир. Изд-во Транзит-ИКС, 2019. С. 347-350.
35. Филатова Ю.С. Влияние личностных характеристик на профессионализацию клинического мышления терапевтов // Методология современной психологии. 2019, № 9. С 300-307.
36. Филатова Ю.С. Ситуационный анализ как средство профессионализации клинического мышления студентов. В книге: Актуальные проблемы совершенствования высшего образования. Тезисы докладов XIV всероссийской научно-методической конференции. Ярославль, 2020. С. 315-317.
37. Филатова Ю.С., Кашапов А.С. Ресурсные основы профессионализации мышления субъекта // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 385-404.
38. Филатова Ю.С., Золотова И.А. Формирование профессиональных коммуникативных умений врача на разных этапах профессионализации // Актуальные вопросы медицинской науки. 2024. № 1 (2). С. 32-37.
39. Bakker A. B., Demerouti E. The job demands-resources model: State of the art // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22, no. 3. P. 309-328. <https://doi.org/10.1108/02683940710733115>
40. Baker M. K., Kennedy D. J., Bohle P. L., Campbell D., Wiltshire J. H., Singh M. A. F. Core self-evaluation as a predictor of strength training adoption in older adults // Maturitas. 2011. Vol. 68, iss. 1. P. 88-93. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2010.10.001>
41. Bar-Tal D. From Intractable Conflict Through Conflict Resolution to Reconciliation: Psychological Analysis // Political Psychology, Vol. 21, No. 2, 2000. P. 351-365.
42. Deutch M. Distributive justice. A Social-psychological Perspective. NewHavenandLondon, Yaleuniv. press, 1985.
43. Drummond S., Brough P. Proactive coping and preventive coping: Evidence for two distinct constructs? // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 92. P. 123-127. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2015.12.029>

44. Fisher Ronald J., Grant Peter R., Hall Donald G., KeashlyLorraine, Kinzel Ruth. The development and testing of a strategic simulation of intergroup conflict // J. Psychol. 1990. –124, № 2. P. 223-240.
45. Folger J.P., Poole M.S. Working through conflict. Glenview [Ill]: Scott, Foresman a, co, 1984.
46. Kruglanski, A. [1988]. Psychological Constructivism in therapy and counseling: Some unresolved issues. Counseling Psychologist, 16, 245-248.
47. Kruglanski, A.W. [2004]. The quest for the gist: On challenges of going abstract in social personality psychology. Personality and Social Psychology Review, 8, 156-163.
48. Singh A., Vlatas D. Using conflict management for better decision making // Manag. Eng.. 1991. –7, № 1. P. 70-82.
49. Walton R.E. Managing Conflict. N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1987.

L.V. Pavley, O.N. Solodchuk

LIFE-MEANING ORIENTATIONS, FEATURES OF IMPLICIT INTELLIGENCE AND TYPE OF CONFLICT RESPONSE OF PEDIATRIC FACULTY STUDENTS

Abstract. The article presents the results of the research aimed at studying life-meaning orientations, implicit intelligence and the level of response to conflict among 1st-, 3rd- and 5th-year students of the Pediatric faculty. The research methods were: the methodology “Life orientations” (D.A. Leontiev), “Diagnostics of the leading type of response” (M.M. Kashapov, T.G. Kiseleva) and “Questionnaire of implicit theories of intelligence” (K. Dvek, modified by T.V. Kornilova, S.D. Smirnova). Statistical methods of data processing: the nonparametric Mann-Whitney criterion. The life-meaning orientations of medical students do not undergo significant changes in the learning process. Students of all courses studied have a high meaningfulness of life and perceive their lives as interesting, rich, filled with meaning. All types of conflict response have been established among all Pediatric faculty students of years studied: aggression, care and resolution. The acceptance of education goals is more pronounced among Pediatric faculty students of the 3rd and 5th years, which manifests itself in a greater focus on the learning process, formed motivation and goal setting. Pediatric faculty students of the 1st year have a significantly higher self-assessment of learning than those of the 3rd and 5th years.

Key words: abilities, intelligence, professional self-determination, students, pediatrics, conflict, life-meaning orientations.

References:

1. Zirenko M.S. Implicit theories of intelligence and personality: connections with intelligence, motivation and personality traits / M.S. Zirenko. // Psychology. Journal of Higher School of Economics. Series: Intelligence, tolerance to uncertainty, motivation and self-awareness of decision-making personality - 2018. -Vol. 15, Issue 1. - P. 39-53.
2. Ilyushina M.I. Subjective resourcefulness as psychological and acmeological phenomenon // Modern studies of social problems (electronic scientific journal), Modern Research of Social Problems, No. 12(68), 2016. DOI: 10.12731/2218-7405-2016-12-188-202 www.ej.soc-journal.ru
3. Ilyushina M.I., Krasnoshchechenko I.P. Conceptualization of ideas about resource subjectivity // Applied Legal Psychology. 2017. No. 1. P. 138-146. P. 138.
4. Kashapov M.M. Consulting work of psychologist. Textbook / Yaroslavl, 2005.
5. Kashapov M.M. Acmeology. Textbook / Yaroslavl, 2011.
6. Kashapov M.M. Accounting of specifics of conflict response types in mediation // Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy. 2012. No. 3. P. 31-41.
7. Kashapov M.M. Psychology of conflict // Textbook and practicum / Ser. 58 Bachelor. Academic course. (2nd ed., corr. and additional) Moscow, 2016.
8. Kashapov M.M. Protest potential as means of realizing mental resources of productive conflict personality. In collection: Mental resources of personality: theoretical and applied research. proceedings of third international symposium. Responsible editors: M. A. Kholodnaya, G. V. Ozhiganova, 2016. P. 226-232.
9. Kashapov M.M., Bashkin M.V. Psychology of conflict competence. Textbook / Ser. 63 Bachelor. Academic course. Module. (2nd ed., corr. and additional) Moscow, 2017.

10. Kashapov M.M., Solodchuk O.N. Dynamics of personal qualities of doctor at stages of professional development // Modern problems of science and education. 2017. No. 1(4). P. 1.
11. Kashapov M.M., Filatova Y.S., Kashapov A.S. Event-cognitive components of subject's professionalization. Yaroslavl, 2018.
12. Kashapov M.M., Perevozkina Yu.M., Perevozkin S.B., Kashapov A.S. The specifics of the development of role expectations in the process of personality formation // Siberian Pedagogical Journal. 2020. No. 2. P. 127-140.
13. Kashapov M.M. Resource bases of professionalization of subject's thinking // Methodology of modern psychology. 2021. No. 14. P. 35-46.
14. Kashapov M.M. Resourcefulness of thinking as technology for realizing subject's creative potential // Methodology of modern psychology. 2022. No. 15. P. 152-165.
15. Kashapov M.M., Filatova Yu.S. Psychology of conflict. Textbook and practicum / Ser. 76 Higher education. (3rd ed., trans. and add.) Moscow, 2024.
16. Kashapov M.M. Role of acculturation in implementation of constructive conflict // Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Humanities series. 2024. vol. 18. No. 2 (68). P. 306-317.
17. Kashapov M.M. Relationship of humor and resourcefulness of thinking as basis of autocreation processes // Theoretical and experimental Psychology, 2024. Vol. 17. No. 2. P. 181-199. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-20>
18. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination / E.A. Klimov. – Moscow: Akademiya, 2010. – 304 p.
19. Kornilova, T.V. Modification of questionnaires by K. Dvek in context of studying students' academic achievements / T.V. Kornilova, S.D. Smirnov, M.V. Chumakova, S.A. Kornilov, E.V. Novototskaya-Vlasova. // Psychological Journal. Series: Methods and techniques. - 2008. - No. 3. - P. 106-120.
20. Krasnoshchechenko I.P. Value bases of psychological training of future psychologists / Psychology at university. 2007. No.4.
21. Krasnoshchechenko I.P. Realization of concept of formation and development of future psychologists' professional subjectivity in university educational space // In world of scientific discoveries. Series "Problems of science and education". 2011. Vol. 21. No. 9.4. P. 1060-1078.
22. Krasnoshchechenko I.P. Acmeological concept of formation and development of future psychologists' professional subjectivity, taking into account regional demand // Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2012. Vol. 18. No. 2. P. 124-131.
23. Krasnoshchechenko I.P. Professional subjectivity of psychology students at regional university: stages, trajectories, conditions and trends of formation and development // Personality of professional in modern world. M.: Publishing house "Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences", 2014. P. 430-447.
24. Krasnoshchechenko I.P. Value bases of psychologists' professional training // Applied Legal Psychology. 2016. No. 1 (34). P. 29-37.
25. Krasnoshchechenko I.P., Ilyushina M.I. Conceptualization of ideas about resource subjectivity // Applied Legal Psychology. 2017. No. 1 (38). P. 138-146.
26. Leontiev D.A. Test of life orientations / D.A. Leontiev. – Moscow: Smysl, 2000. — 18 p.
27. Leontiev D.A. Psychology of meaning. M.: Smysl, 2012.
28. Novgorodskaya V.A. Personal resource of university students as determinant of effective professional self-determination. Abstract. ...Candidate of Psych. Sc., Sochi, 2012. 27 p.
29. Panov V.I., Kashapov M.M., Chumakov M.V., Korshunov N.I., Yaltseva N.V., Smirnov A.A., Poshekhonova Yu.V., Tomchuk S.A., Filatova Yu.S., Serafimovich I.V., Bashkin M.V., Selezneva M.V., Kashapov A.S., Postnova A.A., Buzmakova A.V., Voskresensky A.M. Metacognitive foundations of conflict competence. Yaroslavl, 2012.
30. Pryazhnikov N.S. Professional self-determination: theory and practice / N.S. Pryazhnikov. – Moscow: Akademiya, 2007. – 501 p.
31. Self-determination of students in specialized education: formation and development of problem / edited by S.N. Chistyakova. – Moscow: MESI, 2007. – 296 p.
32. Sinyakina A.V., Krasnoshchechenko I.P., Serezhnikova R.K. Conflict competence of airline flight attendants: assessment of formation and proposals for development of training program // Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological sciences. Pedagogical sciences. 2019. Vol. 2. No. 1. P. 62-73.

33. Filatova Yu.S. Relationship of doctor's experience with communicative and conflict competence // Social world of man. - Issue 8. Materials of VII International Scientific and Practical Conference "Man and World: Worldview, conflict and mediation", April 5-7, 2018, Izhevsk / edited by N.I. Leonov. Izhevsk: ERGO, 2018. P. 232 – 235. (440 p.) (Series "Language of social").
34. Filatova Yu.S. Choosing strategy for conflict behavior as factor in formation of clinical thinking at early stages of professionalization // "Youth and future: professional and personal self-realization": proceedings of VIII All-Russian Scientific and practical conference on Psychology with international participation / Under general editorship of E.V. Pronina; Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletovs. Vladimir. Transit-X Publishing House, 2019. P. 347-350.
35. Filatova Yu.S. Influence of personal characteristics on professionalization of therapists' clinical thinking // Methodology of modern Psychology. 2019, No. 9. P. 300-307.
36. Filatova Yu.S. Situational analysis as means of professionalizing students' clinical thinking. In the book: Actual problems of improving higher education. Abstracts of XIV All-Russian Scientific and Methodological Conference. Yaroslavl, 2020. P. 315-317.
37. Filatova Yu.S., Kashapov A.S. Resource bases of professionalization of subject's thinking // Methodology of modern psychology. 2020. No. 11. P. 385-404.
38. Filatova Yu.S., Zolotova I.A. Formation of doctor' professional communicative skills at different stages of professionalization // Actual issues of medical science. 2024. No. 1 (2). P. 32-37.
39. Bakker A. B., Demerouti E. The job demands-resources model: State of the art // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22, no. 3. P. 309-328. <https://doi.org/10.1108/02683940710733115>
40. Baker M. K., Kennedy D. J., Bohle P. L., Campbell D., Wiltshire J. H., Singh M. A. F. Core self-evaluation as a predictor of strength training adoption in older adults // Maturitas. 2011. Vol. 68, iss. 1. P. 88-93. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2010.10.001>
41. Bar-Tal D. From Intractable Conflict Through Conflict Resolution to Reconciliation: Psychological Analysis // Political Psychology, Vol. 21, No. 2, 2000. P. 351-365.
42. Deutch M. Distributive justice. A Social-psychological Perspective. NewHavenandLondon, Yaleuniv. press, 1985.
43. Drummond S., Brough P. Proactive coping and preventive coping: Evidence for two distinct constructs? // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 92. P. 123-127. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2015.12.029>
44. Fisher Ronald J., Grant Peter R., Hall Donald G., KeashlyLoraleigh, Kinzel Ruth. The development and testing of a strategic simulation of intergroup conflict // J. Psychol. 1990. –124, № 2. P. 223-240.
45. Folger J.P., Poole M.S. Working through conflict. Glenview [ill]: Scott, Foresmana, co, 1984.
46. Kruglanski A. [1988]. Psychological Constructivism in therapy and counseling: Some unresolved issues. Counseling Psychologist, 16, 245-248.
47. Kruglanski A.W. [2004]. The quest for the gist: On challenges of going abstract in social personality psychology. PersonalityandSocialPsychologyReview, 8, 156-163.
48. Singh A., Vlatas D. Using conflict management for better decision making // Manag. Eng. 1991. –7, № 1. P. 70-82.
49. Walton R.E. Managing Conflict. N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1987.

Статья поступила в редакцию 28.11.2024 г.

Е.М. Грачева, А.Е. Фомин

ФАКТОРЫ УВЕРЕННОСТИ В ОВЛАДЕНИИ НОВОЙ ПРОФЕССИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи праксеологических убеждений и уверенности обучающихся в успешности овладения новой профессией. Праксеологические убеждения рассматриваются как представления учащихся о возможности использования своего предыдущего профессионального опыта в контексте освоения новой специальности. Анализируется соотношение между уверенностью в успехе и степенью положительного восприятия возможности применения прошлых профессиональных навыков. Результаты корреляционного анализа показывают, что учащиеся, уверенные в полезности своего прежнего опыта, демонстрируют большую уверенность в успешном овладении новыми профессиональными навыками. Кроме того, обсуждается влияние личностных характеристик, таких как добросовестность и нейротизм, на уверенность в овладении новой профессией. В заключение подчеркивается важность внутреннего настроя и самооценки в процессе профессионального переобучения.

Ключевые слова: профессионализация, непрерывное обучение, монопрофессионал, квалификация, переквалификация, убеждения, эпистемологические убеждения, интеллектуальное развитие, самоопределение, рефлексивность, тип профессии, социокультурные факторы.

Традиционная профессионализация и совершенствование трудового функционала работника до недавнего времени рассматривались как целенаправленное развитие значимых для выполнения трудовых обязанностей, знаний, умений, навыков и способностей личности монопрофессионала, то в соответствии с концепцией непрерывного обучения современная система профессионального образования должна оказывать работнику содействие не только в повышении уже имеющейся квалификации, но и в частичной или полной переквалификации на базе приобретенной ранее специальности (специальностей), а при необходимости и в освоении совершенно новых видов профессиональной деятельности [11].

В данной статье описан анализ соотношения между уверенностью в успешности овладением новой профессией и праксеологическими убеждениями у людей с различными личностными характеристиками.

Чтобы определить психологическое содержание подобного рода представлений, следует обратиться к довольно известной традиции, где изучаются особенности интерпретации обучающимися собственного образовательного опыта. Речь идет об исследованиях, которые направлены на изучение эпистемологических убеждений обучающихся. Считается, что они включают убеждения учащегося относительно природы человеческого знания: его структуре, критериях достоверности, способах концептуализации и приобретения в процессе обучения. С психологической точки зрения эпистемологические убеждения представляют собой когнитивные структуры, подобные схемам, предложен-

ным в теории интеллектуального развития Ж. Пиаже, и также обнаруживают тенденцию к изменению и развитию в течение учебной жизни студента [13]. В рамках данной исследовательской традиции предполагается и эмпирически доказывается, что эпистемологические убеждения имеют самое непосредственное отношение к тому, насколько успешно учащиеся представляют и разрешают самые разнообразные академические задачи [12]. В целом эти положения довольно близко соотносятся с представлениями о том, что такое убеждение, которые были предложены в отечественной психологической литературе. Так, Г.Е. Залесский, обобщая различные определения понятия «убеждение», данные в отечественных работах, обозначил три его основных признака: знания как основа принятия решений, позитивное личное отношение к этому знанию, потребность поступать в соответствии с имеющимися знаниями, что предопределяет их действовать относительно реального поведения человека [5].

По аналогии с конструктором «эпистемологические убеждения» представления, обучающихся о возможности переноса прошлого профессионального опыта на новую профессию также следует отнести к классу убеждений. Вместе с тем эти убеждения обучающихся относятся не к области собственного знания, а к сфере деятельности. В свою очередь в философской литературе, где эпистемология рассматривается как общая теория познания, общая теория деятельности носит название праксиологии. Она изучает строение и развитие различных видов деятельности, исследует методику изучения отдельных действий или групп

действий с точки зрения их эффективности, анализирует средства и способы достижения целей [6], [9]. В этой связи представляется уместным обозначить убеждения о возможно-

сти переноса прошлого профессионального опыта на приобретение новой специальности термином праксеологические убеждения [10].

Таблица 1 – Взаимосвязь между праксеологическими убеждениями и уверенностью в том, насколько успешно решаются новые профессиональные задачи

	r	t(N-2)	p-уров.
НУВИПО /ОУвОНП	-0,15	-1,2	0,25
ПУВИПО /ОУвОНП	0,30	2,4	0,02

Примечание: НУВИПО – негативные праксеологические убеждения о возможности использовать прошлый профессиональный опыт, ОУвОНП – уверенность в успешности овладения новой профессией, ПУВИПО – позитивные праксеологические убеждения о возможности использовать прошлый профессиональный опыт.

По результатам корреляционного анализа выявлено, что учащиеся, которые считают, что могут использовать свой прошлый профессиональный опыт при освоении новой профессии более высоко уверены в том, что новой профессией они овладевают успешно.

Таким образом, гипотеза о положительной связи позитивных убеждений о возможности использовать прошлый профессиональный опыт и уверенностью обучающихся в том, насколько успешно они решают новые профессиональные задачи, подтвердилась. Другими словами, позитивные убеждения положительно влияют на уверенность в успешности освоения новой профессией.

По результатам корреляционного анализа негативные убеждения не связаны с уверенностью в успешности овладении профессией.

Современные социально-экономические реалии таковы, что человек нередко вынужден не только проходить переподготовку в рамках ранее выбранной, однако сильно изменившейся профессии, но и радикально менять сферу деятельности. Причем трудно предсказать, в каком возрасте предстоит это сделать. Д. Е. Белова, рассуждая о профессиональном самоопределении студентов-психологов, отмечает: «Профес-

сиональная деятельность выступает как одна из ведущих сфер приложения сил и возможностей человека, при этом она характеризуется высокой динамичностью в связи с развитием технологий, социокультурными и экономическими факторами и поэтому требует от человека постоянной работы по самоопределению, разработке творческой модели профессионального пути в течение всей жизни. В этой связи профессиональное самоопределение как проявление субъектности представляет собой не единичный факт выбора, а длительный многоступенчатый динамичный процесс осознания и конструирования личностью индивидуальных ценностей и смыслов будущей или уже выполняемой деятельности» [3].

В работах как отечественных, так и зарубежных психологов, изучающих вопросы профессионализации, в качестве одного из основополагающих понятий выдвигается «самоопределение» личности. Так, в концепции профессионального развития, предложенной в свое время А. Маслоу, самоопределение занимает центральное место и трактуется как стремление человека совершенствоваться, выражать и проявлять себя в лично значимом деле [8].

Таблица 2 – Взаимосвязь личностных качеств и уверенностью в успешности овладении новой профессией

	r	t(N-2)	p-уров.
Добросовестность / ОУвОНП	0,374	3,09	0,003
Нейротизм / ОУвОНП	-0,334	-2,72	0,009
Открытость к опыту / ОУвОНП	0,168	1,31	0,197
Экстраверсия / ОУвОНП	0,187	1,46	0,149
Доброжелательность / ОУвОНП	0,068	0,53	0,601

Примечание: ОУвОНП – уверенность в успешности овладения новой профессией.

По результатам корреляционного анализа выявлено, что добросовестность положительно коррелирует с уверенностью в успешности овладении новой профессией. Это можно объяс-

нить тем, что добросовестные учащиеся в целом лучше справляются с новыми задачами, имеют положительный опыт в решении этих задач и в этой связи в целом демонстрируют более высокую уверенность и в овладении новой профессией.

По результатам корреляционного анализа выявлено, что нейротизм отрицательно связан с

уверенностью в успешности овладении новой профессией. Эту взаимосвязь можно объяснить тем, что эмоционально нестабильные обучающиеся более остро реагируют на ситуацию обучения новой профессией, поскольку она является достаточно напряженной и это вызывает меньше уверенности в овладении новой профессией.

Таблица 3 – Взаимосвязь типа рефлексивности и уверенностью в успешности овладении новой профессией

	r	t(N-2)	p-уров.
<i>Интроспекция / ОУвОНП</i>	-0,229	-1,83	0,071
<i>Системная рефлексия / ОУвОНП</i>	0,154	1,22	0,227
<i>Квазирефлексия / ОУвОНП</i>	0,040	0,31	0,758

Примечание: ОУвОНП – уверенность в успешности овладения новой профессией.

По результатам корреляционного анализа выявлено, что корреляционные связи между типом рефлексивности и уверенностью в овладении новой профессией отсутствуют, но вместе с тем обнаруживается отрицательная корреляционная связь между интроспективной рефлексией и уверенностью в успешном овладении будущей профессией на уровне тенденции. Если бы выборка была больше, то скорее всего этот коэффициент оказался бы значимым. Данная взаимосвязь тоже может иметь объяснение. Представители интроспективного типа рефлексии в ситуациях практической деятельности больше ориентированы на состояние, а не на действие. Поэтому они реагируют на учебные успехи и неудачи рассуждениями о своих внутренних переживаниях, эмоциях, а не на анализ того, как решить очередную профессиональную задачу. Следовательно, они будут менее уверены в своей состоятельности осваивать новую профессию.

На следующем этапе анализа был оценен вклад фактора близости прошлого профессионального опыта и новой профессии, которая осваивается. Для этого у всех испытуемых было определено, то каким типом профессии (по типологии А.Е. Климова) они овладели ранее и какой тип профессии они осваивают в настоящее время. В группе испытуемых были выявлены те, чей тип профессий совпадали. Например, испытуемый ранее осваивал тип профессии человек-человек и в настоящее время осваивает профессию этого же типа. В то же время были также испытуемые, у которых тип профессий не

совпадал. Предполагалось, что испытуемому, у которого тип прошлой и новой профессий совпадает продемонстрируют более высокую уверенность в том, как они осваивают новую специальность. Для проверки этого предположения была сопоставлена уверенность в успешности овладении новой профессией у испытуемых с совпадением/не совпадением типом профессий. Сравнение осуществлялось с помощью U-критерия Манна-Уитни. Проведенное сравнение не выявило статистически значимых различий между группами: $U=407$, $p=0,537$.

Затем было проведено дополнительное сравнение только для испытуемых, которые осваивали ранее профессии типа человек-человек и в настоящее время также осваивали профессию этого же типа, с испытуемыми, которые ранее осваивали профессию типа человек-знаковые системы, а в настоящее время осваивают профессию типа человек-человек. Это было сделано потому что количество испытуемых с таким вариантом соотношения типа прошлой и будущей профессии было наибольшим. В этом случае также не было обнаружено значимых различий между этими группами испытуемых: $U=151$, $p=0,319$.

Таким образом, гипотеза о влиянии фактора совпадения/не совпадения типа прошлой и новой профессии на уверенность в овладении новой профессией не подтвердилась. Другими словами, фактор смены типа профессий не имеет значения для уверенности в овладении новой профессией по сравнению с внутренними факторами.

Список литературы:

1. Алмазова Т.В. Праксеологический подход в дополнительном профессиональном образовании // Педагогический вестник. 2021. №18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakseologicheskii-podhod-v-dopolnitelnom-professionalnom-obrazovanii>
2. Атамурадова Р. К. Убеждение - основной способ коммуникативного воздействия учителя на учащихся / Р. К. Атамурадова, М. Б. Шеранова, С. О. Алимкулов, А. Б. Эшматов. - Текст : непосредственный // Образование и воспитание. - 2015. - № 2 (2). - С. 1-3. - URL <https://moluch.ru/th/4/archive/5/111/>
3. Белова Д. Е. Смысловое будущее в контексте профессионального самоопределения: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Екатеринбург, 2004.
4. Гридасов А. П., Захарова Т. И., Ляндау Ю. В., Садыкова К. В., Стюрина Д. Е. Убеждения и их влияние на поведение людей // Инновации и инвестиции. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubezhdeniya-i-ih-vliyanie-na-povedenie-lyudey>
5. Залесский, Г.Е. Психология мировоззрения и убеждений личности / Г.Е. Залесский. – Москва: Изд-во Московского гос. ун-та, 1994. – 144 с.
6. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / Т. Котарбинский. – Москва: Экономика, 1975. – 272 с.
7. Ленглер Ольга Анатольевна Применение праксеологического подхода в процессе становления субъектности учащихся // Педагогическое образование в России. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-prakseologicheskogo-podhoda-v-protsesse-stanovleniya-subektnosti-uchaschihsya>
8. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. Москва: Евразия, 2007. 224 с.
9. Мизес, Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. Мизес. – Москва: Экономика, 2000. – 878 с.
10. Фомин А.Е., Жарков А.В. Разработка и апробация опросника, измеряющего убеждения учащихся о возможности сочетать учебную и спортивную деятельность // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта №3. 2020.
11. Хасанова И.И., Котова С.С. Психологическая готовность педагогов СПО к освоению новых видов деятельности в условиях профессиональной реориентации // Образование и наука. 2018. Том 20. № 7. С. 147-167.
12. Hofer, B.K. The development of epistemological theories: Beliefs about knowledge and knowing and their relation to learning / B.K. Hofer, P.R. Pintrich // Review of educational research. – 1997. – V. 67, №1. – P.88-140.
13. Perry, W.G. Forms of intellectual and ethical development in the college years: scheme / W.G. Perry. – San Francisco, Calif: Jossey-Bass Publishers, 1999. – 285 p.

E.M. Gracheva, A.E. Fomin

CONFIDENCE FACTORS IN MASTERING NEW PROFESSION AMONG STUDENTS

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between praxeological beliefs and students' confidence in the success of mastering a new profession. Praxeological beliefs are considered as students' ideas about the possibility of using their previous professional experience in the context of mastering a new specialty. The relationship between confidence in success and the degree of positive perception of the possibility of applying possessed professional skills is analyzed. The results of the correlation analysis show that students who are confident in the usefulness of their previous experience demonstrate greater confidence in the successful acquisition of new professional skills. In addition, the influence of personality characteristics such as conscientiousness and neuroticism on confidence in mastering a new profession is discussed. In conclusion, the importance of internal attitude and self-esteem in the process of professional retraining is emphasized.

Key words: professionalization, continuous learning, monoprofessional, qualification, retraining, beliefs, epistemological beliefs, intellectual development, self-determination, reflexivity, type of profession, socio-cultural factors.

References:

1. Almazova T.V. Praxeological approach in additional professional education // Pedagogical Bulletin. 2021. №18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakseologicheskiy-podhod-v-dopolnitelnom-professionalnom-obrazovanii>
2. Atamuradova R.K. Persuasion is main way of teacher's communicative influence on students/ R.K. Atamuradova, M.B. Sheranova, S.O. Alimkulov, A.B. Eshmatov. - Text: direct // Education and upbringing. - 2015. - №2(2). - P.1-3. URL <https://moluch.ru/th/4/archive/5/111/>
3. Belova D.E. Semantic future in the context of professional self-determination: abstract of Dissertation....Cand. Psychological Sciences. Ekaterinburg, 2004.
4. Gridasov A.P., Zakharova T.I., Lyandau Yu.V., Sadykova K.V., Styurina D.E. Beliefs and their influence on human behavior // Innovation and investment. 2020. №3. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/ubezhdeniya-i-ih-vliyanie-na-povedenie-lyudey>
5. Zalessky G.E. Psychology of a person's worldview and beliefs /G.E. Zalessky. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1994. 144 p.
6. Kotarbinsky T. Treatise on good work / T. Kotarbinsky. Moscow: Ekonomika, 1975. 272p.
7. Langler O.A. Application of praxeological approach in process of students' subjectivity formation // Teacher education in Russia. 2012. №5. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-prakseologicheskogo-podhoda-v-protseesse-stanovleniya-subektnosti-uchaschihsya>
8. Maslow A. The far reaches of the human psyche. Moscow: Eurasia, 2007. 224 p.
9. Mises L. Human activity: treatise on economic theory / L. Mises. Moscow: Ekonomika, 2000. 878 p.
10. Fomin A.E., Zharkov A.V. Development and testing of questionnaire measuring students' beliefs about the possibility of combining educational and sports activities. //Scientific notes of P.F. Lesgaft University No.3. 2020.
11. Khasanova I.I., Kotova S.S. Psychological readiness of vocational education teachers to master new types of activities in context of professional reorientation // Education and Science. 2018. Volume20. No.7. P.147-167.
12. Hofer B.K. The development of epistemological theories: Beliefs about knowledge and knowing and their relation to learning / B.K. Hofer, P.R. Pintrich // Review of educational research. – 1997. – V. 67, №1. – P.88-140.
13. Perry, W.G. Forms of intellectual and ethical development in the college years: scheme / W.G. Perry. – San Francisco, Calif: Jossey-Bass Publishers, 1999. – 285 p.

Статья поступила в редакцию 15.12.2024 г.

А.В. Литвин, С.В. Шаров
**АКТИВНАЯ ФОРМА ПОСТРОЕНИЯ КАРЬЕРЫ:
ЭТАПЫ, ИНСТРУМЕНТЫ И ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ КАРЬЕРЫ
МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА**

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые этапы и инструменты активной формы построения карьеры молодого человека. Описаны основные стадии жизненного цикла карьеры: рост, зрелость и кризис, а также процесс диверсификации карьеры. Автор акцентирует внимание на этапах жизненного цикла карьеры – росте, зрелости и возможных кризисах, подчеркивая важность гибкости, саморазвития и адаптивности в условиях изменяющегося рынка труда. Анализируются ключевые теоретические подходы, такие как концепция карьерных якорей Э. Шейна и теория профессионального самоопределения Д. Супера, раскрывающие мотивы и ценности профессионального пути. Уделяется внимание значимости «гибких» навыков, наставничества и сетевого взаимодействия как факторов успешного карьерного роста. Автор отмечает роль технологий, программ корпоративного развития и коучинга в поддержании профессиональной актуальности специалистов. Особое внимание уделено практическим рекомендациям, включая постановку карьерных целей, диверсификацию навыков и эффективное использование онлайн-ресурсов. В статье предлагается комплексный подход к активному построению карьеры, подчеркивая важность осознанного управления карьерным развитием для достижения профессиональных целей.

Ключевые слова: карьера, жизненный цикл карьеры, этапы карьеры, профессиональное развитие, молодые специалисты, диверсификация карьеры, карьерное планирование, адаптация к рынку труда, резюме.

Карьерное развитие молодого человека – это сложный и многослойный процесс, включающий этапы становления, профессионального роста и изменений. Активная форма построения карьеры предполагает осознанное управление своим профессиональным развитием, использование современных инструментов и стратегий для достижения профессиональных целей. В современных условиях активная карьера связана не только с профессиональными навыками, но и с умением строить собственный бренд, развиваться на разных этапах карьеры и адаптироваться к изменениям на рынке труда [5].

Жизненный цикл карьеры молодого специалиста состоит из трёх основных этапов: роста, зрелости и возможного кризиса. На каждом из них человек проходит различные стадии профессионального развития. На этапе роста специалист осваивает навыки и накапливает опыт, формируя основу для будущих достижений. Этап зрелости характеризуется стабильностью и повышением уровня компетенций. В кризисной стадии возможно профессиональное выгорание или ощущение стагнации, требующее переоценки целей и карьерных приоритетов. Все эти этапы играют ключевую роль в формировании успешной карьеры, помогая специалисту адаптироваться к меняющимся условиям рынка труда и поддерживать устойчивое профессиональное развитие [7].

Исследования показывают, что успешные специалисты на стадии роста уделяют особое внимание развитию «гибких» навыков, таких как коммуникация, управление временем и способность к самообучению. Эти навыки позволяют более эффективно адаптироваться к быстро меняющимся условиям профессиональной среды [9]. Кроме того, на этапе роста крайне важны наставничество и поддержка со стороны более опытных коллег, что способствует быстрому освоению новых навыков и методов работы.

Теоретически, процесс карьерного роста можно рассматривать через призму таких моделей, как теория карьерных якорей Э. Шейна и концепция профессионального самоопределения Д. Супера. Шейн выделяет восемь карьерных якорей, которые отражают ключевые мотивы и ценности человека в профессиональной деятельности: техническая компетентность, управленческая компетентность, автономия, стабильность, предпринимательство, вызов, стиль жизни и служение. Эти якоря помогают понять, какие факторы наиболее значимы для человека в выборе и развитии карьеры [11].

Д. Супер в своей теории акцентирует внимание на жизненном пути человека и роли профессионального самоопределения в его различных этапах. Он рассматривает карьеру как последовательность ролей, которые человек выполняет на протяжении жизни, включая про-

фессиональную, семейную, общественную и личную. Супер выделяет пять стадий карьеры: рост, исследование, закрепление, поддержание и спад. Каждая стадия характеризуется своими задачами и проблемами, что требует от человека определённых усилий для их преодоления и успешного прохождения этапа [9].

Кроме того, теория Супера подчёркивает важность профессиональной идентичности, которая формируется на протяжении всей карьеры. На этапе исследования человек активно пробует различные роли и профессии, чтобы определить свои интересы и склонности. Эта стадия особенно значима для молодых специалистов, так как именно она задаёт направление их профессионального пути. Исследования подтверждают, что люди, прошедшие этап исследования с акцентом на развитие профессиональных навыков и понимание своих сильных сторон, достигают более высоких результатов в карьере.

В условиях быстрого изменения технологий и требований рынка труда диверсификация карьеры становится неотъемлемой частью карьерного планирования. Она предполагает расширение профессиональных компетенций за счет изучения новых областей, поиска новых форм занятости и гибкости в выборе профессии. Молодые специалисты, ориентированные на диверсификацию карьеры, более устойчивы к кризисным ситуациям и легче адаптируются к изменениям на рынке труда [8]. Например, исследования 2023 года показывают, что 75% молодых специалистов, прошедших дополнительные курсы или освоивших смежные профессии, быстрее находят работу после кризисных ситуаций.

Практическое применение теорий карьерного роста можно наблюдать в корпоративной среде, где компании разрабатывают специальные программы для своих сотрудников. Такие программы, как планирование преемственности, наставничество, тренинги по развитию навыков и гибкому мышлению, позволяют организациям формировать компетентные команды, способные адаптироваться к изменениям. Например, компании из сферы ИТ активно внедряют программы обучения новым технологиям, что позволяет сотрудникам оставаться востребованными на рынке труда.

Кроме того, в последние годы всё большую популярность приобретают программы профессионального коучинга. Коучи помогают специалистам не только ставить карьерные цели, но и разрабатывать стратегии их достижения, учитывая личные особенности и профес-

сиональные приоритеты. Исследования показывают, что работники, участвующие в таких программах, демонстрируют более высокий уровень удовлетворённости своей карьерой и лучшую адаптацию к изменениям на рынке труда.

Одной из ключевых стратегий активного построения карьеры является участие в программах наставничества. Наставничество предоставляет молодым специалистам возможность учиться у опытных коллег, которые уже прошли основные этапы профессионального становления. Исследования показывают, что наличие наставника увеличивает вероятность карьерного успеха на 25-30%. Наставничество особенно важно на начальных этапах карьеры, когда молодые специалисты испытывают недостаток опыта и уверенности [12].

Наставничество может быть как формальным, организованным работодателем, так и неформальным, возникающим на основе личных связей. Формальные программы наставничества чаще всего включают регулярные встречи, постановку карьерных целей и контроль их выполнения. Неформальное наставничество, напротив, строится на основе личных симпатий и профессионального интереса.

Гибкость стала важным фактором успешного построения карьеры в условиях глобальных изменений на рынке труда. Гибкость проявляется в готовности осваивать новые компетенции, менять сферы деятельности и адаптироваться к требованиям работодателей. Другой аспект гибкости — это освоение навыков, которые востребованы в разных профессиональных контекстах. Такие навыки, как эмоциональный интеллект, способность работать в команде, креативность и управление конфликтами, применимы в самых разных отраслях [15].

Постановка целей является важной частью активного управления карьерой. Карьерные цели можно разделить на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. Краткосрочные цели обычно охватывают период от нескольких месяцев до года и связаны с конкретными задачами, например, завершением образовательной программы или освоением нового навыка. Среднесрочные цели, такие как получение повышения, обычно планируются на несколько лет. Долгосрочные цели включают стратегические аспекты карьеры, например, достижение руководящей позиции [11]. Эффективная постановка целей базируется на принципе SMART: цель должна быть конкретной (Specific), измеримой (Measurable), достижимой (Achievable), релевантной (Relevant) и ограниченной во времени (Time-bound). Пример такой

цели: «В течение следующего года пройти курс по анализу данных и получить соответствующий сертификат для перехода на аналитическую позицию».

Сетевое взаимодействие является ещё одним важным компонентом активного построения карьеры. Это процесс установления и поддержания профессиональных контактов, которые могут помочь в поиске работы, обмене знаниями и развитии профессиональных навыков. Исследования показывают, что до 70% вакансий заполняются через личные связи, что подчёркивает важность нетворкинга. Для эффективного построения сети контактов рекомендуется участвовать в профессиональных мероприятиях, таких как конференции, семинары и тренинги. Кроме того, социальные сети предоставляют уникальные возможности для взаимодействия с профессионалами из разных сфер [13].

Корпоративная культура играет важную роль в развитии карьеры сотрудников. Компании с сильной культурой поддержки и развития персонала создают условия, в которых специалисты могут раскрыть свой потенциал. Например, программы ротации позволяют сотрудникам попробовать себя в разных ролях, что способствует их профессиональному росту. Некоторые компании активно продвигают политику непрерывного обучения, организуя внутренние тренинги, оплачивая курсы и сертификацию. Это не только помогает сотрудникам развиваться, но и повышает лояльность к организации.

В условиях стремительного прогресса технологий и изменения рынка труда навыки, полученные во время формального обучения, быстро устаревают. Это делает саморазвитие и самообучение важнейшими компонентами активного карьерного роста. Популярные онлайн-платформы, такие как Coursera, Udemy и Skillshare, предоставляют доступ к образовательным материалам практически по любой теме, позволяя специалистам учиться в удобное для них время. Саморазвитие включает не только освоение новых знаний, но и работу над личными качествами, такими как стрессоустойчивость, управление эмоциями и мотивация. Например, медитация и техники осознанности помогают справляться с профессиональными стрессами и сохранять продуктивность [14].

Технологии не только изменили характер труда, но и открыли новые возможности для карьерного роста. Автоматизация, искусственный интеллект и цифровые платформы помогают специалистам управлять своей карьерой, создавая портфолио, размещая резюме и отслеживая вакансии. Например, алгоритмы на плат-

формах по поиску работы подбирают вакансии, соответствующие навыкам и интересам пользователя. Кроме того, технологии облегчают доступ к информации о трендах на рынке труда, что помогает специалистам быть в курсе изменений и вовремя адаптироваться [16].

Психология играет важную роль в активном построении карьеры. Осознание своих сильных и слабых сторон, понимание личностных особенностей и предпочтений помогает выбирать подходящие роли и должности. Например, интроверты могут предпочесть индивидуальную работу, в то время как экстраверты чувствуют себя комфортно в командной среде. Мотивация является ещё одним ключевым фактором. Внешняя мотивация, такая как зарплата и карьерный рост, может стимулировать активные действия, но для долгосрочного успеха важно развивать внутреннюю мотивацию, основанную на интересе к профессии и стремлении к самореализации [3].

В условиях активного карьерного роста специалисты часто сталкиваются с риском профессионального выгорания. Это состояние эмоционального и физического истощения, вызванного длительным стрессом и перегрузкой. Для предотвращения выгорания важно соблюдать баланс между работой и личной жизнью, вовремя брать отпуска и находить время для отдыха. Одним из эффективных способов борьбы с выгоранием является участие в программах корпоративного благополучия, которые предлагают занятия спортом, психологическую поддержку и обучение навыкам управления стрессом [14].

Важным в построении карьеры является подготовка и размещение резюме. Рассмотрим основные этапы его формирования:

1. Анализ профессиональных навыков и опыта: важно провести анализ своих сильных и слабых сторон, выделить ключевые компетенции и достижения, которые могут быть полезны для потенциальных работодателей [3].

2. Структурирование резюме: резюме должно быть структурированным и логичным. Стандартное резюме включает разделы: личная информация, цель, образование, опыт работы, профессиональные навыки, достижения и дополнительные сведения (сертификаты, языки, увлечения).

3. Оптимизация под требования рынка: Резюме должно быть адаптировано под конкретные вакансии. Важно подчеркнуть ключевые навыки, которые требуются работодателю, и выделить соответствующий опыт работы [10].

4. Проверка и редактирование: После составления резюме его следует внимательно проверить на наличие ошибок и неточностей. Необходимо убедиться, что резюме соответствует профессиональному стилю и не содержит орфографических ошибок.

Размещение резюме в интернете является важным инструментом для активного поиска работы. Существуют различные онлайн-платформы, такие как сайты по поиску работы, социальные сети и специализированные СМИ, которые помогают молодым специалистам заявить о себе на рынке труда. Эффективное использование этих ресурсов увеличивает шансы на успешное трудоустройство [6].

Активная форма построения карьеры предполагает проактивное поведение, целенаправленное развитие и использование инструментов для управления своей карьерой. Исследования показывают, что люди, которые осознанно управляют своим карьерным ростом, чаще достигают успеха и быстрее продвигаются по карьерной лестнице. Важно понимать, что активное карьерное развитие требует постоянных инвестиций времени и усилий в обучение, развитие личных и профессиональных навыков, а также построение сетей контактов [4].

Современные исследования показывают, что молодые специалисты всё чаще сталкиваются с необходимостью проактивного карьерного планирования. В условиях стремительных изменений на рынке труда 58% респондентов из числа молодых работников отмечают, что их карьера требует гибкости и адаптивности, в том числе благодаря обучению и развитию навыков управления карьерой. Однако порядка 30%

опрошенных заявляют, что испытывают затруднения в самостоятельной проработке карьерного плана, поскольку часто ориентируются на краткосрочные цели или не используют доступные инструменты для продвижения и построения сети профессиональных контактов. Основная проблематика здесь – это недостаток навыков самоуправления и планирования, что может привести к стагнации или кризису на этапе зрелости [1].

Для эффективного карьерного роста молодым специалистам рекомендуется:

- Пройти тесты для оценки своих профессиональных и личностных компетенций (например, тесты Хогана или типология мотивации Герчикова) [2].

- Составить краткосрочный и долгосрочный карьерный план, ориентированный на постоянное развитие навыков, необходимых на рынке.

- Развивать адаптивные навыки, такие как кризисное управление, что позволяет легче переживать кризисы в карьере.

- Регулярно актуализировать резюме и размещать его на специализированных платформах для работы, что повысит шансы на успешное трудоустройство [9].

Таким образом, активная форма построения карьеры становится важным элементом профессионального роста молодого человека. Правильное понимание этапов карьеры, умение адаптироваться к изменениям и использование современных инструментов, таких как грамотное составление и размещение резюме, способствует успешной карьере.

Список литературы:

1. Алексеева, М. П. Роль гибкости в карьерном росте молодых специалистов // Современные исследования профессионального развития. — 2022. — № 2. — С. 89-95.
2. Алексеева, М. П. Теория и практика карьерного планирования // Вестник СПбГУ. Экономика. — 2020. — № 3. — С. 45-58.
3. Герчиков, В. И. Типология мотиваций: методы диагностики и их использование. — М.: Психология, 2021. — 276 с.
4. Григорьев, А. В. Проблемы карьерного роста молодых специалистов в условиях цифровой экономики // Современные исследования социальных проблем. — 2022. — Т. 9. — № 4. — С. 72-81.
5. Иванова, Л. Г. Основные аспекты управления карьерой в организациях // Управление персоналом. — 2021. — № 2. — С. 85-91.
6. Иванова, Т. С., Петрова, Л. Н. Наставничество как инструмент профессионального развития // Управление персоналом. — 2021. — № 4. — С. 56-63.
7. Коваленко, А. В. Развитие навыков самообучения в условиях современного рынка труда // Вопросы психологии. — 2024. — № 3. — С. 72-81.
8. Коваленко, А. В. Роль softskills в профессиональном развитии // Вопросы психологии. — 2023. — № 5. — С. 56-64.

9. Медведев, А. Н. Программы профессионального коучинга: тенденции и результаты // Управление персоналом. — 2023. — № 6. — С. 34-47.
10. Нетворкинг в профессиональной деятельности: рекомендации и примеры // Harvard Business Review Russia [Электронный ресурс]. — URL: <https://hbr-russia.ru/networking/> (дата обращения: 12.01.2025).
11. Педагогические стратегии обучения студентов позитивной психологии: аспекты содействия планирования карьеры // Науки об образовании // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-strategii-obucheniya-studentov> (дата обращения: 26.10.2024).
12. Супер, Д. Э. Подход к развитию карьеры на протяжении жизни // Психология карьеры: выбор, развитие и достижение. — Сан-Франциско: Jossey-Bass, 1990.
13. Хоган, Р. Личностные тесты и оценка профессиональной пригодности. — Нью-Йорк: Psychology Press, 2007.
14. Чернышев, И. А. Развитие карьеры в эпоху цифровой трансформации // Менеджмент XXI века. — 2023. — № 1. — С. 34-47.
15. Holland, J. L. Making Vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments. — 3rd ed. — Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1997. — 368 p.
16. SkyPro. Планирование карьеры: что это, принципы, этапы, примеры составления карьерного плана [Электронный ресурс]. — URL: <https://skypro.com/career-planning/> (дата обращения: 26.10.2024).
17. Super, D. E. A life-span, life-space approach to career development // Career Choice and Development / D. Brown, L. Brooks & Associates. — 2nd ed. — San Francisco: Jossey-Bass, 1990. — P. 197-261.
18. Tinkoff Journal. Как избежать профессионального выгорания: рекомендации экспертов [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/burnout-prevention/> (дата обращения: 26.10.2024).
19. Tinkoff Journal. Карьерный рост: как планировать и ставить цели, виды, этапы и факторы продвижения [Электронный ресурс]. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/career-planning/> (дата обращения: 26.10.2024).

A. V. Litvin, S. V. Sharov

ACTIVE FORM OF CAREER BUILDING: STAGES, TOOLS AND LIFE CYCLE OF A YOUNG SPECIALIST'S CAREER

Abstract. The article discusses the key stages and tools of an active form of building a young person's career. The main stages of the career life cycle are described: growth, maturity and crisis, as well as the process of career diversification. The authors pay special attention to the stages of career life cycles – growth, maturity and possible crisis underlining the importance of flexibility, self-development and adaptability in the terms of changing labour market. There are analysed key theoretical approaches such as the concept of career anchors by E. Shein and the theory of professional self-development by D. Super, exposing motives and values of professional way. The attention is paid to the importance of “flexible” skills, mentoring and net interaction as factors of successful career growth. The authors note the role of technologies, programmes of corporation development and coaching in supporting professional relevance of specialists. Special attention is paid to the practical recommendations including career goal setting, skills diversification and effective online resources usage. In the article there is proposed a complex approach to active career building, emphasizing the importance of conscious management of career development for achieving professional goals

Key words: career, career life cycle, career stages, professional development, young specialists, career diversification, career planning, adaptation to labor market, resume.

References:

1. Alekseeva M.P. Role of flexibility in career growth of young specialists // Modern studies of professional development. - 2022. - No. 2. - P. 89-95.

2. Alekseeva M.P. Theory and practice of career planning // Bulletin of St. Petersburg State University. Economics. - 2020. - No. 3. - P. 45-58.
3. Gerchikov V.I. Typology of motivations: diagnostic methods and their use. - Moscow: Psychology, 2021. - 276 p.
4. Grigoriev A.V. Problems of young specialists' career growth in digital economy // Modern studies of social problems. - 2022. - Vol. 9. - No. 4. - P. 72-81.
5. Ivanova L.G. Main aspects of career management in organizations // Personnel management. — 2021. — No. 2. — P. 85-91.
6. Ivanova T.S., Petrova L.N. Mentoring as tool for professional development // Personnel management. — 2021. — No. 4. — P. 56-63.
7. Kovalenko A.V. Developing self-study skills in terms of modern labor market // Issues of Psychology. — 2024. — No. 3. — P. 72-81.
8. Kovalenko A.V. Role of softskills in professional development // Issues of Psychology. — 2023. — No. 5. - P. 56-64.
9. Medvedev A.N. Professional coaching programmes: trends and results // Personnel management. — 2023. — No. 6. P. 34-47.
10. Networking in professional activities: recommendations and examples // Harvard Business Review Russia [Electronic resource]. - URL: <https://hbr-russia.ru/networking/> (date of application: 12.01.2025).
11. Pedagogical strategies for teaching students positive psychology: aspects of promoting career planning // Educational Sciences // CyberLeninka [Electronic resource]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-strategii-obucheniya-studentov> (date of application: 26.10.2024).
12. Super D.E. Approach to career development throughout life // Psychology of career: choice, development and achievement. - San Francisco: Jossey-Bass, 1990.
13. Hogan R. Personality tests and assessment of professional suitability. — New York: Psychology Press, 2007.
14. Chernyshev I.A. Career development in era of digital transformation // Management of XXI century. — 2023. — No. 1. — P. 34-47.
15. Holland J. L. Making Vocational Choices: A Theory of Vocational Personalities and Work Environments. — 3rd ed. — Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1997. — 368 p.
16. SkyPro. Career planning: what is it, principles, stages, examples of drawing up a career plan [Electronic resource]. — URL: <https://skypro.com/career-planning/> (date of application: 26.10.2024).
17. Super D.E. A life-span, life-space approach to career development // Career Choice and Development / D. Brown, L. Brooks & Associates. — 2nd ed. — San Francisco: Jossey-Bass, 1990. — P. 197-261.
18. Tinkoff Journal. How to Avoid Professional Burnout: Expert Recommendations [Electronic resource]. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/burnout-prevention/> (date of application: 26.10.2024).
19. Tinkoff Journal. Career Growth: How to Plan and Set Goals, Types, Stages, and Factors of Promotion [Electronic resource]. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/career-planning/> (date of application: 26.10.2024).

Статья поступила в редакцию 15.11.2024 г.

В.А. Макарова, Г.В. Копченков
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ ПОНЯТИЯ
«СОЦИАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ»

Аннотация. В статье анализируются взгляды ученых на понятие «социальная грамотность», которое в последние годы становится все более актуальным в условиях стремительных изменений в социальном и информационном пространствах, а также подчеркивается важность формирования у молодёжи навыков взаимодействия в различных социальных средах. Раскрывается многогранность данного понятия, уточняется важность интеграции правовых знаний и социальных умений, что в свою очередь способствует формированию правовой компетентности личности. В работе рассматриваются ключевые компоненты социальной грамотности, а именно: когнитивный, поведенческий, технологический, ценностный, нормативный, мотивационный и эмоционально-волевой, которые способствуют формированию полноценной личности в современных условиях. В статье обращается внимание на значимость развития социальной грамотности как ключевого фактора в формировании гармоничных отношений в современном мире, учитывая важность внедрения концепции социальной грамотности в образовательные программы, указывая, при этом, на первостепенную значимость создания личностно-ориентированной образовательной среды что, в свою очередь, будет способствовать формированию гармоничного и устойчивого общества, готового к вызовам современности.

Ключевые слова: социальная грамотность, молодёжь, личность, научные подходы, формирование, развитие.

В настоящее время, проблема развития социальной грамотности у молодёжи является актуальной и затрагивается в научных исследованиях многих отечественных ученых. Подходы к пониманию сущности определения понятия «социальная грамотность» в научной литературе различны.

Рассмотрим основные направления и подходы к пониманию процессов социализации и социальной грамотности, но, следует отметить, что глубокое изучение этого феномена начинается только с 80-х годов двадцатого столетия, когда социальная грамотность становится предметом пристального внимания многих ученых.

Одним из основных является социокультурный подход, представленный трудами таких исследователей, как А.С. Ахиезер, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Л.В. Мардахаев, И.В. Рудакова, В.В. Сафонова, Г.У. Солдатова и А.М. Ходырев. Этот подход позволяет рассматривать формирование социальной грамотности не изолированно, а в тесной взаимосвязи с социальными и культурными условиями взросления молодых людей в XXI веке [3, 11, 17].

Существенное место, в рассмотрении понятия «социальная грамотность», занимает компетентностный подход, разрабатываемый такими исследователями, как А.Г. Асмолов, В.М. Басова, Д.С. Ермаков, И.А. Зимняя, В.В. Краевский, И.Я. Лернер, А.К. Маркова, М.И.

Махмутов и А.В. Хуторской. Данный подход позволяет определить сущность и содержание социальной грамотности как фундаментальной основы для формирования социальной компетентности. В рамках данного подхода определяются ключевые компетенции, необходимые для успешной социализации в современном обществе, такие как коммуникативная, саморегуляционная, социально-перцептивная, кооперативная и другие [2, 10, 25].

Формирование социальной грамотности рассматривается в рамках процесса социализации личности. Значительный вклад в изучение процессов социализации внесены такими учеными, как Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, В.Г. Бочарова, М.В. Воропаев, Н.Ф. Голованова, Ю.И. Кривов, А.В. Мудрик, А.В. Петровский, В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов, А.А. Реан и других [1, 7, 13, 15, 16].

Как многогранное понятие, социальная грамотность включает в себя не только базовые знания о социальных отношениях и устройстве общества, но и умение применять эти знания на практике. Это означает, что молодые люди должны понимать, как функционируют различные социальные институты, такие как семья, школа, государство и общественные организации, но и как осуществляется взаимодействие с ними. Важно также развивать у подростков чувство ответственности за свои действия и по-

нимание последствий, которые они могут иметь для себя и окружающих.

Так, по мнению А. В. Молоковой, социальная грамотность включает в себя способность не только социализироваться, но и предвидеть последствия своих действий, а также корректировать свое поведение в зависимости от обстоятельств. Это подразумевает наличие навыков саморегуляции и понимания собственных ресурсов, которые можно использовать для достижения успеха в различных сферах жизни. [12, с. 19].

Интересный подход предлагает А. Б. Белинская, которая рассматривает социальную грамотность через призму социальной ответственности. Это расширяет рамки понятия, добавляя к нему компонент, который акцентирует внимание на важности ответственности перед обществом и окружающими. Социальная ответственность подразумевает осознание своих действий и их последствий для других людей, что является важным аспектом формирования гармоничного общества. [5, с. 270].

Е. А. Сосновская акцентирует внимание на связи социальной грамотности с правовой грамотностью, рассматривая ее как знание своих прав и обязанностей. Это знание позволяет личности не только защищать свои интересы, но и понимать, как действовать в сложных правовых ситуациях. Таким образом, правовая грамотность становится неотъемлемой частью социальной грамотности, поскольку она обеспечивает уверенность в своих действиях и понимание правовых норм [20, с. 60]. Л. В. Низамудинова и Е. В. Каурина подчеркивают, что правовые знания необходимы не сами по себе, а как «основа для адекватного поведения в различных жизненных ситуациях» [14, с. 112], это подчеркивает важность интеграции правовых знаний и социальных умений, что в свою очередь способствует формированию правовой компетентности личности.

Н. С. Данакин и М. В. Замаева предлагают более детализированное понимание социальной грамотности, рассматривая её как способность и готовность индивидов к успешному социальному взаимодействию. Они выделяют семь ключевых компонентов, которые составляют структуру социальной грамотности [8, с. 241-245].

Первый компонент — когнитивный, включает в себя знание и понимание не только сути социального взаимодействия, но и его контекста, а также осознание себя и других участников. Это знание помогает людям эффективно

взаимодействовать и находить общий язык в различных ситуациях.

Второй компонент — поведенческий. Он проявляется в социальных умениях, которые позволяют человеку адаптироваться к различным социальным ситуациям. Это может включать навыки общения, сотрудничества и разрешения конфликтов.

Третий компонент — технологический, который можно назвать социальным навыком. Он подразумевает наличие конкретных навыков, необходимых для осуществления социального взаимодействия, таких как умение вести переговоры, работать в команде или организовывать мероприятия.

Четвёртый компонент — ценностный, отражает важность социальной грамотности в системе ценностей индивида. Это означает, что человек осознаёт значимость социальных взаимодействий и готов вкладываться в их развитие.

Пятый компонент — нормативный, связан с соблюдением социальных норм и стандартов поведения, что является необходимым для поддержания гармонии в обществе.

Шестой компонент — мотивационный, включает внутренние побуждения, которые способствуют успешному взаимодействию. Это может быть стремление к сотрудничеству, желание помочь другим или необходимость в социальной поддержке.

Наконец, седьмой компонент, который выделен Н. С. Данакиным и М. В. Замаевой, это эмоционально-волевой, характеризующий способность человека справляться с эмоциональными стрессами и управлять своими эмоциями в процессе взаимодействия. Это качество особенно важно в условиях конфликтов или напряжённых ситуаций, когда необходимо сохранять спокойствие и находить конструктивные решения [8, с. 241-245].

Культура, в которой формируется личность молодого человека, задает определенные социальные ориентиры, но именно образовательная система играет ключевую роль в формировании их социальной грамотности. Образование не только обеспечивает возможность получения знаний, но и развивает навыки взаимодействия, понимания и анализа социальных процессов. Важным аспектом является внедрение в учебный процесс элементов, направленных на развитие эмоционального интеллекта, навыков коммуникации и сотрудничества.

Особое внимание уделяется роли образовательной среды в формировании социальной грамотности. Л.С. Выготский был одним из первых, кто подчеркивал важность взаимодей-

ствия личности и среды. Его идеи легли в основу многих исследований. Так, в работах О.В. Баркуновой, Н.В. Сорокина и М.Е. Фроловой социальная грамотность рассматривается в контексте внеурочной деятельности. Другие исследования, например, работы А.В. Григорьева, сосредоточены на связи социальной грамотности с мотивационно-потребностной сферой личности. В.А. Ельцова рассматривает социальную грамотность как фактор формирования ценностно-ориентационной структуры. Все эти исследования подчеркивают многоаспектность социальной грамотности и ее тесную связь с различными психологическими и социальными процессами [9, 23].

Как отмечают И.Ю. Тарханова и Е.В. Фаламеева, развитие социальной грамотности обучающихся – задача, требующая комплексного подхода, и создание личностно-ориентированной образовательной среды имеет первостепенную значимость [22, с. 272]. Образовательное учреждение, как отмечают авторы, должно стать пространством, где удовлетворяются и развиваются самые разнообразные потребности ребёнка:

в безопасности – чувство защищённости и предсказуемости, исключаящее буллинг, дискриминацию и психологическое давление;

в усвоении этических норм и правил – формирование чувства справедливости, ответственности и уважения к другим, что включает в себя обучение эмпатии, решению конфликтных ситуаций и грамотному выражению своих эмоций;

в любви, признании и общественном одобрении – создание атмосферы взаимоуважения, где каждый ученик чувствует себя ценным и важным членом коллектива;

в значимой деятельности и труде – предоставление возможностей для самореализации, участия в проектах и волонтерской деятельности, позволяющих ученикам почувствовать свою причастность к общей цели; в самопознании и познавательной активности – стимулирование интереса к обучению, включая развитие критического мышления и поддержку индивидуальных способностей и талантов [22, с. 272].

Как замечает Е.Ю. Савин, создание такой образовательной среды – это реализация гуманистической концепции образования на практике, пронизывающая все аспекты педагогического процесса [18, с. 65]. Действительно, это не просто создание комфортной атмосферы, а целенаправленная работа по формированию у обучающихся социальных компетенций, способствующих их адаптации в обществе.

Однако современный мир, особенно в условиях быстрой цифровой трансформации, требует углубления подходов к изучению социализации и формирования социальной грамотности. Появление новых технологий и виртуальных сред влияет на механизмы взаимодействия, коммуникации и формирования личности. Исследования А.А. Бочавер, Г.У. Солдатовой и И.Ю. Тархановой сосредоточены именно на специфике социализации формирующейся личности в цифровой среде и на анализе как положительных, так и негативных последствий для социализации в процессе постоянного онлайн-взаимодействия [6, 19, 21].

В исследовании А.В. Хавыло на основе анализа англоязычных источников показана связь между медиаконтентом и сном, а также риском ожирения детей. Автор обосновывает связь восприятия подростками рискованного поведения в цифровой среде и подражания, анализирует данные по взаимосвязи между использованием социальных сетей и депрессией, а также формулирует риски столкновения детей с кибербуллингом и секстингом. В работе также делается вывод о важности поддержания баланса между технологиями и семейным взаимодействием [24].

В.Ф. Бадретдинова справедливо указывает на внушительную численность молодежи в возрасте от 15 до 24 лет – 1,2 миллиарда человек, составляющих 16% мирового населения. Это поколение взрастает в условиях беспрецедентной сложности и стремительных перемен, характеризующихся глобальными вызовами, которые пронизывают все аспекты жизни современного общества. Речь идет, как отмечает В.Ф. Бадретдинова, о быстром развитии технологий и, как следствие, возрастающем цифровом неравенстве [4]. Нельзя не согласиться с тем, что социальная грамотность становится при этом не просто желательным качеством, а необходимым фактором успешной адаптации и самореализации.

Таким образом, социальная грамотность является многоуровневым понятием, которое охватывает широкий спектр навыков и знаний, необходимых для успешной социализации и взаимодействия с окружающим миром. Существенно учитывать, что развитие социальной грамотности должно начинаться с раннего возраста, поэтому важно включать в образовательные программы элементы, которые помогут детям, подросткам, юношам и девушкам не только усваивать знания, но и развивать навыки, необходимые для эффективного участия в жизни общества. В этом контексте роль образо-

вательных организаций становится ключевой, так как они могут создать условия для формирования у обучающихся социальной ответственности, правосознания и способности к саморегуляции.

Список литературы:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 288 с.
2. Асмолов А.Г. Стратегия и методология социокультурной модернизации образования // Проблемы современного образования. 2010. № 4. С. 4-18.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического. Москва: Новый хронограф, 2008. 568 с.
4. Баретдинова В.Ф. Социальная грамотность – основа устойчивого развития // «Санкт-Петербургские ведомости» 2021, URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/sotsialnaya-gramotnost-osnova-ustoychivogo-razvitiya/>
5. Белинская А.Б. Социальная ответственность как параметр функциональной грамотности личности // Москва: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2018. С. 269-274.
6. Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 1–18.
7. Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Санкт-Петербург: Речь, 2004. 272 с.
8. Данакин Н.С. Концептуализация понятия «социальная компетентность» // Миссия конфессий. 2020. Том 9. № 2. С. 241-245.
9. Ельцова В.А. Развитие социальной активности учащихся как фактор становления ценностно-ориентационной составляющей личностного самоопределения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук: 19.00.07 / Самара, 2003. 20 с.
10. Ермаков Д.С. Компетентный подход в образовании // Педагогика. 2011. № 4. С. 8-15.
11. Мардахаев Л.В. Социализация в становлении личности: социально-педагогический подход // ЦИТИСЭ. 2018. № 1 (14). С. 17-21.
12. Молокова А.В. Особенности формирования социальной грамотности младших школьников в информационно-образовательной среде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (200). С. 18-26.
13. Мудрик А.В. Социализация: новации последних десятилетий // Сибирский педагогический журнал. 2023. № 3. С. 6-15.
14. Низамутдинова Л.В. Формирование социально-правовой грамотности у современных подростков // Научный альманах. 2022. № 5(91). С. 111-116.
15. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. Москва: Политиздат, 1982. 255 с.
16. Реан А.А. Психология личности: Социализация, поведение, общение. Москва: ОЛМА-Пресс, 2004. 407 с.
17. Рудакова И.В. Социокультурный подход как методологический принцип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (85). С. 159-162.
18. Савин Е.Ю. Компетентность как эффект организации индивидуального ментального опыта. Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: материалы научной конференции, посвященной В.Н. Дружинину. — Москва: ИП РАН, 2015. С. 62 – 67.
19. Солдатова Г.У. Итоги цифровой трансформации: от онлайн- реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 87-93.
20. Сосновская Е.А. Формирование социально-правовой грамотности подростков как средство предупреждения дезадаптации // Научный форум: педагогика и психология: сборник статей по материалам LXXIII Международной научно-практической конференции. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Международный центр науки и образования», 2023. - С. 59-65.
21. Тарханова И.Ю. К вопросу о факторах социализации подростков в условиях сетевого общества // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). - С. 88-99.
22. Тарханова И.Ю., Фаламеева Е.В. Формирование социальной грамотности подростков в условиях образовательной организации // МНКО. 2020. №3 (82). - С. 271-273.

23. Фролова П.И. К вопросу об историческом развитии понятия «функциональная грамотность» в педагогической теории и практике // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 1 (23). С. 179-185.
24. Хавыло А.В. Психологические эффекты взаимодействия детей и молодежи с цифровой средой // Социализация молодежи в современном мире: трансформации, угрозы, конструктивные векторы. Коллективная монография. Калуга, Издательство Калужского университета. - 2023. - С.32-73.
25. Хуторской А.В. Компетентностный подход как воплощение договора между социумом и личностью // Вестник Института образования человека. 2012. - № 2. С. 1-16.

V.A. Makarova, G.V. Korchenov

THEORETICAL ASPECTS OF «SOCIAL LITERACY» CONCEPT CONSIDERATION

Abstract. The article analyzes the views of scientists on the concept of «social literacy», which in recent years has become increasingly relevant in the context of rapid changes in social and information spaces, and also emphasizes the importance of developing young people's skills of interaction in various social environments. The versatility of this concept is revealed, the importance of integrating legal knowledge and social skills is clarified, which in turn contributes to the formation of a person's legal competence. The paper examines the key components of social literacy, namely: cognitive, behavioral, technological, value, normative, motivational and emotional-volitional, which contribute to the formation of a full-fledged personality in modern conditions. The article draws attention to the importance of the development of social literacy as a key factor in the formation of harmonious relations in the modern world, regarding the importance of introducing the concept of social literacy into educational programs, pointing out, at the same time, the paramount importance of creating a personality-oriented educational environment, which, in turn, will contribute to the formation of a harmonious and sustainable society ready for the challenges of modernity.

Key words: social literacy, youth, personality, scientific approaches, formation, development.

References:

1. Ananyev B.G. Man as object of knowledge. St. Petersburg: Peter, 2001. 288 p.
2. Asmolov A.G. Strategy and methodology of socio-cultural modernization of education // Problems of modern education. 2010. № 4. P. 4-18.
3. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical. - Moscow: Novy Khronograph, 2008.- 568 p
4. Baretdinova V.F. Social literacy is basis of sustainable development // St. Petersburg Bulletin. 2021, URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/sotsialnaya-gramotnost-osnova-ustoychivogo-razvitiya/>
5. Belinskaya A.B. Social responsibility as parameter of person's functional literacy // Moscow: International Center for Research Projects, 2018. - P. 269-274.
6. Bochaver A.A., Dokuka S.V., Sivak E.V., Smirnov I.B. Usage of social networks on Internet and depressive symptoms in adolescents // Clinical and Special Psychology. 2019. Volume 8. № 3. - P. 1-18.
7. Golovanova N.F. Socialization and upbringing of child: textbook for students of higher educational institutions. St. Petersburg: Rech, 2004. - 272 p.
8. Danakin N.S. Conceptualization of “social competence” term // Mission of confessions. 2020. Volume 9. № 2. - P. 241-245.
9. Yeltsova V.A. Development of students' social activity as factor of forming value-oriented component of personal self-determination: abstract of Dissertation for degree of Candidate of Psychological Sciences: 19.00.07 / Samara, 2003. - 20 p.
10. Ermakov D.S. Competence-based approach in education // Pedagogy. 2011. № 4. P. 8-15.
11. Mardakhaev L.V. Socialization in personality formation: socio-pedagogical approach // CITISE. 2018. № 1 (14). - P. 17-21.
12. Molokova A.V. Features of forming social literacy among younger schoolchildren in information and educational environment // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2019. № 3 (200). P. 18-26.

13. Mudrik A.V. Socialization: innovations of recent decades // Siberian Pedagogical Journal. 2023. № 3. P. 6-15.
14. Nizamutdinova L.V. Formation of social and legal literacy among modern adolescents // Scientific almanac. 2022. № 5(91). P. 111-116.
15. Petrovsky A.V. Personality. Activity. Group. Moscow: Politizdat, 1982. 255 p.
16. Rean A.A. Personality psychology: Socialization, behavior, communication. Moscow: OLMA-Press, 2004. 407 p.
17. Rudakova I.V. Sociocultural approach as methodological principle // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice. 2017. № 11 (85). P. 159-162.
18. Savin E.Y. Competence as effect of organization of individual mental experience. Psychology of abilities: current state and prospects of research: materials of scientific conference dedicated to V.N. Druzhinin. — Moscow: IP RAS, 2015. P. 62-67.
19. Soldatova G.U. The results of digital transformation: from online reality to mixed reality // Cultural and historical psychology. 2020. Vol. 16. № 4. P. 87-93.
20. Sosnovskaya E.A. Formation of adolescents' socio-legal literacy as means of preventing maladaptation // Scientific Forum: Pedagogy and Psychology: collection of articles based on materials of LXXIII International scientific and practical conference. — Moscow: Limited Liability Company "International Center for Science and Education", 2023. P. 59-65.
21. Tarkhanova I.Yu. On issue of factors of adolescents' socialization in network society // Sociopolitical research. 2021. № 3 (12). P. 88-99.
22. Tarkhanova I.Yu., Falameeva E.V. Formation of adolescents' social literacy in conditions of educational organization // MNKO. 2020. № 3 (82). P. 271-273.
23. Frolova P.I. On issue of historical development of "functional literacy" concept in pedagogical theory and practice // Science of Man: humanitarian studies. 2016. № 1 (23). P. 179-185.
24. Khavylo A.V. Psychological effects of children and youth interaction with digital environment// Socialization of youth in modern world: transformations, threats, constructive vectors. Collective monograph. Kaluga, Kaluga University Publishing House. 2023. P.32-73.
25. Khutorskoy A.V. Competence approach as embodiment of contract between society and personality // Bulletin of Institute of Human Education. 2012. № 2. P. 1-16.

Статья поступила в редакцию 13.12.2024 г.

Е.А. Лазарева, Т.А. Жорнова

СРЕДСТВА МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЯ-ЭКСПОЗИЦИИ «АЛЛЕЯ СЛАВЫ»

Аннотация. Достижение национальных целей развития России актуализирует поиск и применение эффективных средств воспитания патриотичной и социально ответственной личности. В статье представлен опыт применения современных средств музейной педагогики в музей-экспозиции «Аллея Славы», обобщенный в рамках экспериментальной деятельности МБОУ ДО «Дворец детского (юношеского) творчества» города Кургана, вошедшего в состав участников инновационной площадки ФГБУК «Всероссийский центр развития художественного творчества и гуманитарных технологий», г. Москва. В опытно-экспериментальной деятельности выделены и апробированы интерактивные формы, социально-культурные проекты, построенные на принципах «культуры участия», музейные медиации.

Ключевые слова: базовые национальные ценности, социально активная деятельность, музейная педагогика, многофункциональное пространство музея, интерактивность, музейная медиация, культура участия, социокультурные проекты.

Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности определены национальными целями развития Российской Федерации [10].

Воспитание юных россиян невозможно без осмысления понятия «ценность», трансляции знаний о базовых национальных ценностях, погружения детей и молодежи в социально активную деятельность. В социально активной деятельности происходит присвоение ценностей, становление характера человека, зарождение и развитие его личностных качеств. Ответственность, инициатива, самостоятельность, готовность к целенаправленной общественно полезной деятельности, желание и умение действовать характеризуют социально активную личность.

Сегодня ученые пишут о том, что воспитание современного ребенка должно учитывать специфику становления его субъектности, особенности социализации в современном социокультурном пространстве [1; 11; 13].

Безусловно, образовательный процесс сегодня строится с активным применением инновационных технологий, ориентированных на саморазвитие обучающихся, поиск себя, присвоение и трансляцию нравственных ценностей и ориентиров для самореализации [2; 4].

Особое внимание ученые и практики отводят системе дополнительного образования детей, воспитательные возможности которого широки и успешно применяются в воспитательной практике в работе с обучающимися разных возрастных групп [3; 4; 12].

Патриотическое воспитание как одно из ключевых направлений воспитательной дея-

тельности в условиях дополнительного образования также приобретает свою методическую специфику, которая ориентирует педагога на применение инновационных подходов и педагогических средств в воспитании современного ребенка [2; 5; 7].

Сегодня важно, чтобы любое воспитательное дело было событием для ребенка, носило событийный характер [3; 6; 12].

В свою очередь, обращение к воспитательным возможностям музейной педагогики позволяет реализовать принцип событийности в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Музейную педагогику считают одним из современных эффективных средств, способствующих формированию ценностей и социально активной личности в целом [10].

Понятие «музейная педагогика» впервые было сформулировано в конце XIX века в Германии. Директор Гамбургского художественного музея Альфред Лихтварк применил «музейные диалоги» для развития умения зрителей творчески воспринимать произведение искусства через понимание замысла художника.

В нашей стране термин «музейная педагогика» стал употребляться с 70-х годов XX века. Сегодня музейная педагогика рассматривается как особый раздел педагогической науки и область научно-практической деятельности музея, в содержание которой входит передача культурного опыта в условиях музейной среды. Предметом музейной педагогики являются культурно-образовательные аспекты музейной коммуникации [15].

Музейная среда способна вызывать у посетителей эмоционально-ценностную, эстетиче-

скую реакцию, что особенно значимо для формирующейся личности. Личное эмоциональное переживание углубляет полученную вербальную информацию.

Музейная педагогика включает не только информативную, но и интерактивную и перцептивную стороны коммуникации. Музейно-педагогические методы и приемы создают для детей и молодежи возможность выхода за свои собственные границы, мотивируют к взаимодействию и соучастию, побуждают к самостоятельной навигации, продуктивному сотрудничеству и культуротворчеству.

Музей-экспозиция «Аллея Славы» Дворца детского (юношеского) творчества города Кургана посвящен зауральцам фронтовикам и труженикам тыла, всем тем, кто внес свой вклад в общую Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

История музея началась в 1975 году, когда воспитанники Клуба красных следопытов Дворца пионеров и школьников имени Коли Мяготина под руководством И.А. Угрюмовой начали разыскивать ветеранов и собирать материалы о 369-ой стрелковой Карачевской Краснознаменной дивизии, которая формировалась в годы войны на территории Кургана. Участники клуба выезжали к местам боев дивизии, в том числе побывали в Брянске, Карачеве, Смоленске, Ржеве. Следопыты встречались и вели переписку с ветеранами, хранили фронтовые реликвии, переданные в музей ветеранами или их родственниками.

Открытие обновленной экспозиции музея состоялось в 2015 году. Музей-экспозиция «Аллея Славы» находится в центральной части города на территории мемориального ансамбля воинам-курганцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. С 2018 года музей участвует в федеральном проекте «Территория Победы» и имеет статус филиала ФГБУК «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» (Музей Победы, г. Москва).

Музей располагает тремя экспозиционными залами — «Зал фронта», «Зал тыла», «Зал СВО», оснащенные современным оборудованием; также имеются интерактивные и фото зоны, пространство для творческой активности посетителей.

Коллектив Дворца детского (юношеского) творчества города Кургана реализует программу опытно-экспериментальной деятельности по трансформации содержания работы музея-экспозиции «Аллея Славы». С октября 2023 года учреждение имеет статус региональной инновационной площадки по теме «Многофунк-

циональное пространство музеев Дворца как среда интерактивного общения детей и взрослых». В декабре 2023 года с этим проектом организация вошла в число участников инновационной площадки ФГБУК «Всероссийский центр развития художественного творчества и гуманитарных технологий».

Опытно-экспериментальная деятельность имеет целью организацию многофункционального пространства музея как условия формирования «культуры участия» детей и взрослых.

Задачи инновационного проекта:

- обеспечить доступность музейной образовательной среды Дворца через конструирование клубного пространства, Интернет-сообщества, реализацию проектной деятельности и иных форм активности;

- способствовать развитию у участников проекта «культуры участия», образовательных, «навигационных», познавательных, информационных компетенций в процессе интерактивного общения;

- создать и организовать дальнейшее продвижение «цифровых ресурсных ящиков» для аккумуляции методических, информационных и наглядных материалов.

В настоящее время завершен подготовительный этап. Команда проекта приступила к реализации мероприятий основного этапа.

Содержание экспозиционной деятельности музея составляют тематические и сюжетные экспозиции, которые способствуют формированию у посетителей образа изучаемого события, благоприятствуют музейной коммуникации.

Команда проекта убеждена, что многофункциональное музейное пространство, использование интерактивных форм работы и применение принципа «культуры участия» в практике деятельности музея повышает эффективность социально-патриотического воспитания.

Под интерактивностью понимаются диалогические отношения посетителя с экспозицией и создание особой среды, с которой он может вступать в непосредственное взаимодействие. Интерактивность предполагает обращение к мотивации посетителя, его психологическим потребностям, его познавательным стратегиям [9]. В практику деятельности музея включены так называемые действия с «включенными» руками, игровое взаимодействие посетителей друг с другом и с педагогом, ролевые игры, поддержка самостоятельной поисковой активности посетителей (например, с помощью путеводителей с заданиями). Участвуя в интерактивных программах в музее, дети «включают» не толь-

ко зрение и слух, но и другие каналы восприятия, а также кинестетический и другие типы познавательной активности. Результатами такого диалога становятся приращение знаний и навыков, осмысление и присвоение ценностей или даже просто удовольствие.

Становясь участниками квест-навигации «Вместе с папой», ребенок и его родитель самостоятельно перемещаются по залам музея с использованием маршрутного листа, совместно выполняют творческие задания на основе поиска и изучения экспозиций и экспонатов.

В рамках проекта «Громкие читки» в залах музея звучат отрывки из писем и воспоминаний фронтовиков, труженников тыла, газетных статей военного времени, художественной и публицистической литературы патриотического содержания. Чтецами могут стать самодеятельные и профессиональные театральные коллективы города, известные личности, представители общественных объединений, обучающиеся и волонтеры Дворца. К чтению вслух материалов о войне привлекаются и сами зрители: школьники, студенты, взрослое население. Прочитанные истории приглашают и исполнителей, и слушателей к диалогу с героическим прошлым нашей страны через эмоциональное сопереживание личному и общему.

При переводе в цифровой формат документов, участники проекта «Сохраняя память» обращаются к первоисточнику, узнают не только важные сведения, но и чувствуют настроение солдат, понимают обстановку, в которой они находились. По речевым оборотам, сокращениям, грамотности написания текста ребята могут определить даже воинское звание автора письма. В процессе изучения писем участники знакомятся с новыми географическими объектами, находят их на карте.

Комплекс работ по переводу документов в цифровой формат повышает мотивацию подростков и молодежи к дальнейшему изучению темы и сохранению исторической памяти, позволяет более полно прочувствовать героизм советских воинов.

В практике деятельности музея апробируется медиация, как стратегия работы с аудиторией, основанная на вовлечении и соучастии. В центре медиации – внимание к опыту и запросам посетителя. Она смещает акцент с пассивной передачи знаний на общение, совместное понимание и сотворчество посредством публичной дискуссии, где каждый посетитель может поделиться своим мнением и чувствами, и может быть услышан. Цель медиации – дать интересный и вдохновляющий опыт каждому ее

участнику, независимо от его жизненного опыта и глубины познаний.

Медиация «Партизанская поляна» является самой востребованной за последнее время. Для максимального погружения в тему «Подвиги партизан и подпольщиков» воссоздан партизанский блиндаж. Деревянные лавки, стол, алюминиевые котелки, кружки, макеты автоматов, средства маскировки находятся в открытом доступе, наиболее интересные экспонаты сопровождаются QR-кодами, ссылками на источник с подробной информацией. Находясь на данной локации, посетители музея не только знакомятся с бытом красноармейцев, партизан и подпольщиков, но и могут окунуться в атмосферу, в которой жили партизаны, ощутить отсутствие комфорта их повседневной жизни, преодолеть барьеры музейного восприятия, активно воспринимать и осмысливать информацию.

Маленькие посетители экспозиции знакомятся со словами: «партизан», «народный мститель», «подпольщик», «фронт», «тыл», «фашист», «оккупант». Ребята постарше учатся определять на карте границы территорий действия партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны. Взрослые узнают о подвигах партизан, живших в довоенное или послевоенное время на территории современной Курганской области.

На основе имеющихся ресурсов в музее реализуются разнообразные социально-культурные проекты, построенные на принципах «культуры участия» (participatory culture) и ориентированные на воспитание социально-активной личности.

В специализированной литературе под культурой участия понимается «свободное, деятельное и осознанное участие людей в культурных и социальных процессах, возможность быть не только «потребителями» или объектами воздействия, но и вносить свой собственный вклад в принятие решений и создание культурных событий ..., в процесс осмысления и актуализации культурного наследия» [9, с. 8].

Популярны и высоко оценены участниками социально-культурные проекты музея:

- «Сохраняя память» (создание цифрового архива документов);

- «Громкие читки» (чтение статей и заметок из местных газет 1941 – 1945 гг., художественных произведений, посвященных подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны);

- «Праздник в музее» (тематические интерактивные программы на основе событий ка-

лендаря государственных праздников, памятных и знаменательных дат Российской Федерации, Дней воинской славы, значимых событий и юбилеев Курганской области);

- «Музейное преОбразование» (тематические и интерактивные программы, мастер-классы, творческие мастерские, патриотические акции в рамках школьного абонеента «Музейная пятёрка» и абонеента для дошкольников «Музейка»);

- «Киносуббота» (ежемесячные просмотры художественных, документальных фильмов гражданско-патриотической тематики советского и современного периодов на площадке музея, с последующим обсуждением увиденного);

- «Музейные выходные», «Музейный интенсив «Важное дело» (циклы семейных познавательно-игровых мероприятий выходного дня и каникулярного досуга в музее).

С начала 2024 года участниками указанных социально-культурных проектов стали порядка 2 тысяч человек – учащиеся Дворца, дети города Кургана и Курганской области в возрасте от 6 до 18 лет.

Информационное освещение мероприятий проектов осуществляется на официальном сайте Дворца <https://dt45.ru/> (19643 уникальных посетителей), в социальной сети ВКонтакте на госпаблике Дворца <https://vk.com/ddut45> (6794

подписчиков) и в группе Музея-экспозиции «Аллея Славы» https://vk.com/alleya_slavyi (934 подписчиков).

Дальнейшее развитие темы опытно-экспериментальной деятельности связано с реализацией социально-культурного проекта «Музей говорит». Целью проекта определено содействие формированию социально-патриотических ценностей у детей, молодежи города Кургана и Курганской области посредством создания и использования иммерсивных мультимедийных локаций музея-экспозиции «Аллея Славы» в течение 2024-2025 учебного года. В план реализации проекта «Музей говорит» включены мероприятия по трансформации музейного пространства в «говорящее», создание цифровых продуктов (аудио, видео контент, оцифрованные документы, радиоуправляемые модели, интерактивные художественные инсталляции и др.), создание единой экспозиции, гармонично сочетающей в одно целое реальные музейные экспонаты и мультимедийные эффекты, разработка IT-системы образовательных маршрутов в формате квизнавигации - «путевых листов», «бродилочек» по трем иммерсивным локациям «Зал фронта», «Зал тыла», «Зал СВО», обновление форматов событий, вызывающих интерес и востребованных участниками проекта.

Список литературы:

1. Байбородова Л.В., Иванова И.В., Рожков М.И. Нравственный идеал современного ребенка: сопровождение выбора // Образование и саморазвитие. – 2024. – Т.19. – №3. – С.84-97. DOI: 10.26907/esd.19.3.07
2. Ванеева О. В. Комплексное использование интерактивных технологий в рамках музейного пространства // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – Санкт-Петербург, 2015. – Т. 212: Музей в мире культуры. Мир культуры в музее. – С. 189 – 196. – URL: <https://clck.ru/3DWyXg> (дата обращения: 18.09.2024).
3. Герасимова Ю. Н. Нестандартные подходы к патриотическому воспитанию подрастающего поколения // Журнал педагогических исследований. – 2022. – Т.7. – № 4. – С. 24-27.
4. Иванова И.В. Рефлексивные педагогические технологии в формировании готовности подростков к саморазвитию в дополнительном образовании // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2020. – Т.3. – №1 (6). – С.90-96.
5. Иванова И.В. Саморазвитие личности подростка в процессе социальной полезной деятельности // Ярославский педагогический вестник. – 2019. - №4(109). – С.15-22.
6. Иванова И.В. Событийные научные мероприятия в формировании общероссийской гражданской идентичности учащейся молодежи // Профильная школа. – 2022. – Т.10. -№ 6. – С.14-26. DOI: [10.12737/1998-0744-2022-10-6-14-26](https://doi.org/10.12737/1998-0744-2022-10-6-14-26)
7. Иванова И.В., Макарова В.А., Портнова О.А. Патриотическое воспитание – основа самореализации молодежи // Нижегородское образование. – 2024. - №1. – С.60-67.
8. Методические рекомендации по основам патриотического воспитания граждан Российской Федерации. – Москва: ФГБУ «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи», 2022. – 93 с.

9. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Отв. ред. А. Щербакова. Сост. Н. Копелянская. – Москва: ТГ «Музейные решения», 2012. – С. 8-20. – URL: <https://clck.ru/3DWxER> (дата обращения: 16.09.2024).
10. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 17.10.2024).
11. Рожков М.И., Иванова И.В. Коллектив и межличностные отношения современных детей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2022. – Т. 28. – № 2. – С. 5–11.
12. Рожков М.И., Иванова И.В. Социально-ориентирующие игры как фактор экзистенциального выбора в условиях дополнительного образования // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2024.- Т.7. – №1(22). – С.18-25 DOI: [10.54072/26586568_2024_7_1_18](https://doi.org/10.54072/26586568_2024_7_1_18)
13. Романовский В.К. Патриотическое воспитание подрастающего поколения как актуальная задача и важнейший приоритет современной России // Нижегородское образование. - 2021. - №2. – С. 21 – 27. - URL: <https://clck.ru/3DWzux>(дата обращения: 25.09.2024).
14. Троянская С.Л. Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности. - Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2007. – URL: <https://clck.ru/3EjNFt> (дата обращения: 11.11.2024).
15. Шляхтина Л.М. Музейная педагогика. – СПб :СПбГИК, 2021. – 60 с. - <https://clck.ru/3Ejo8U> (дата обращения: 01.11.2024).

Е.А. Lazareva, Т.А. Zhornova

MEANS OF MUSEUM PEDAGOGY IN ACTIVITIES OF MUSEUM-EXPOSITION “ALLEY OF GLORY”

Abstract. Achievement of national development goals of Russia actualizes the search and application of effective means of educating a patriotic and socially responsible individual. The article presents the experience of using modern means of museum Pedagogy in the museum-exposition “Alley of Glory”, summarized within the framework of the experimental activities of MBEI AE “Palace of Children's (Youthful) Creativity” of Kurgan city, which became one of the participants of the innovative platform of the FSBIC “All-Russian Center for Development of Artistic Creativity and Humanitarian Technologies”, Moscow. In the experimental activities there were identified and tested interactive forms, socio-cultural projects built on the principles of “participatory culture”, museum mediations.

Key words: basic national values, socially active work, museum Pedagogy, multifunctional museum space, interactivity, museum mediation, participatory culture, socio-cultural projects.

References:

1. Bayborodova L.V., Ivanova I.V., Rozhkov M.I. Moral ideal of modern child: support for choice // Education and self-development. - 2024. -Vol.19. - No.3. - P. 84-97. DOI: 10.26907/esd.19.3.07
2. Vaneeva O.V. Integrated use of interactive technologies within museum space // Proceedings of St. Petersburg State Institute of Culture. - St. Petersburg, 2015. - Vol. 212: Museum in world of culture. World of culture in museum. - P. 189 - 196. - URL: <https://clck.ru/3DWyXg> (date of application: 18.09.2024).
3. Gerasimova Yu.N. Non-standard approaches to patriotic education of younger generation // Journal of pedagogical research. - 2022. - Vol. 7. - No. 4. - P. 24-27.
4. Ivanova I.V. Reflexive pedagogical technologies in formation of adolescents' readiness for self-development in additional education // Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological sciences. Pedagogical sciences. - 2020. - Vol. 3. - No. 1 (6). - P. 90-96.
5. Ivanova I.V. Self-development of teenager's personality in process of socially useful activity // Yaroslavl pedagogical bulletin. - 2019. - No. 4 (109). - P. 15-22.
6. Ivanova I.V. Event-based scientific activity in formation of all-Russian civic identity of student youth // Profile school. – 2022. – V.10. -№ 6. – P. 14-26. DOI: 10.12737/1998-0744-2022-10-6-14-26

7. Ivanova I.V., Makarova V.A., Portnova O.A. Patriotic education – basis of youth self-realization // Nizhny Novgorod education. – 2024. - №1. – P.60-67.
8. Methodical recommendations on basics of patriotic education of Russian Federation citizens. – Moscow: FSBI “Russian Center for Civic and Patriotic Education of Children and Youth”, 2022. – 93 p.
9. Museum as educational space: play, dialogue, participatory culture / Resp. ed. A. Shcherbakova. Comp. N. Kopolyanskaya. – Moscow: TG “Museum Solutions”, 2012. – P. 8-20. – URL: <https://clck.ru/3DWxER> (date of application: 16.09.2024).
10. On national development goals of Russian Federation for period up to 2030 and for future up to 2036: Decree of President of Russian Federation on May 7, 2024 No. 309. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (date of application: 17.10.2024).
11. Rozhkov M.I., Ivanova I.V. Team and interpersonal relationships of modern children // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. – 2022. – Vol. 28. – No. 2. – P. 5–11.
12. Rozhkov M.I., Ivanova I.V. Socially oriented games as factor of existential choice in context of additional education // Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological sciences. Pedagogical sciences. – 2024.- Vol. 7. – No. 1(22). – P. 18-25 DOI: 10.54072/26586568_2024_7_1_18
13. Romanovsky V.K. Patriotic education of younger generation as urgent task and most important priority of modern Russia // Nizhny Novgorod education. - 2021. - No. 2. – P. 21 – 27. - URL: <https://clck.ru/3DWzux> (date of application: 25.09.2024).
14. Troyanskaya S.L. Museum Pedagogy and its educational opportunities in development of general cultural competence. - Izhevsk: Association “Nauchnaya kniga”, 2007. - URL: <https://clck.ru/3EjNFt> (date of application: 11.11.2024).
15. Shlyakhtina L.M. Museum Pedagogy. - St. Petersburg: SPbSIC, 2021. - 60 p. - <https://clck.ru/3Ejo8U> (date of application: 01.11.2024).

Статья поступила в редакцию 12.11.2024 г.

И.Г. Шукина
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКТА
«ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В ВОЛОНТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Аннотация. В статье представлен психологический анализ конструкта "вовлечённость в волонтерскую деятельность" как многогранного феномена, включающего мотивационные, когнитивные, эмоциональные и средовые аспекты. Рассмотрены основные теоретические подходы к изучению вовлечённости, такие как теория самодетерминации и модель социальных обменов, а также ключевые аспекты конструкта, рассмотренные в работах советских и российских ученых: мотивационный, ценностный, деятельностный и социальный.

Особое внимание уделяется психологическим факторам, влияющим на вовлечённость в волонтерскую деятельность, а также влиянию личностных особенностей волонтеров (эмпатия, проактивность, саморегуляция) и внешних факторов (поддержка организации, возможности для роста, признание достижений) на формирование и поддержание вовлечённости.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для некоммерческих организаций, направленных на повышение эффективности работы с волонтерами, включая внедрение программ обучения, поддержку эмоционального состояния и использование современных технологий. Анализ результатов позволяет глубже понять механизмы вовлечённости и предложить стратегии её оптимизации, способствующие устойчивому развитию волонтерской деятельности.

Ключевые слова: вовлечённость, волонтерская деятельность, психологические факторы, мотивация, психологический анализ.

В последние годы вовлечённость в волонтерскую деятельность привлекает всё больше внимания исследователей и практиков, особенно в контексте её значимости для личностного роста, социальной интеграции и повышения эффективности некоммерческих организаций. Волонтерская деятельность, основанная на добровольной и бескорыстной помощи, предполагает высокий уровень самоотдачи и личного интереса участников. При этом именно степень вовлечённости играет ключевую роль в определении эффективности и устойчивости участия в таких инициативах.

Психология вовлечённости рассматривает этот феномен как многоуровневый процесс, включающий эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты. Вовлечённость не только влияет на результативность деятельности, но и оказывает значительное воздействие на психологическое благополучие самих волонтеров, их мотивацию и удовлетворённость жизнью. Для организаций, работающих с волонтерами, понимание факторов, способствующих вовлечённости, позволяет разрабатывать стратегии удержания участников и повышения их лояльности.

Цель данной статьи — анализ теоретических подходов к исследованию вовлечённости в волонтерскую деятельность с учётом психологических факторов, а также поиск применения полученных данных в практике. В статье также

рассматриваются личностные и средовые особенности, влияющие на вовлечённость, а также предлагаются рекомендации для оптимизации работы с волонтерами. Рассматриваемый материал может быть полезен как научным работникам, так и практикам, заинтересованным в улучшении качества взаимодействия с волонтерами.

Теоретические подходы к изучению вовлечённости в волонтерскую деятельность

Вовлечённость (англ. "engagement") в психологической литературе рассматривается как состояние высокой включённости индивида в определённый процесс или деятельность. В контексте волонтерской деятельности вовлечённость может быть описана через призму эмоциональной, когнитивной и поведенческой активностей.

Примеры трактовки понятия вовлечённости:

- Шауфели и Баккер: Вовлечённость определяется как положительное, наполненное энергией состояние, характеризующееся высокой приверженностью, поглощённостью и энергией в процессе выполнения задач [14].
- Клари и Снайдер: Вовлечённость рассматривается через призму личных мотивов и потребностей, которые удовлетворяются через добровольческую деятельность, включая альтруистические и эгоистические факторы [3].

• Деси и Райан: В рамках теории самодетерминации вовлечённость связана с удовлетворением базовых психологических потребностей (автономии, компетентности и связи) [1].

Вовлеченность в волонтерскую деятельность можно рассматривать как социально-психологическое явление, характеризующее активное участие индивидов в деятельности, направленной на добровольное и безвозмездное оказание помощи другим людям или обществу в целом. В рамках отечественной научной литературы (советской и российской) понятие вовлеченности охватывает несколько ключевых аспектов: мотивационный, ценностный, деятельностный и социальный.

Мотивационно-ценностный аспект. Российские исследователи (Г. М. Андреева, Л. И. Новикова) подчеркивают, что вовлеченность в волонтерскую деятельность основывается на внутренней мотивации, системе ценностей и ориентации на общественное благо. Ценности альтруизма, социального служения и солидарности играют центральную роль. Например, Новикова Л. И. отмечает, что "основа добровольного участия в общественно полезной деятельности – это не внешние стимулы, а внутренние побуждения личности, реализующиеся в свободно выбранной социальной активности" [7].

Деятельностный аспект. В советской педагогике и психологии (А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский) особое внимание уделялось "трудовому воспитанию" и активному участию молодежи в общественной жизни как способу формирования личности. Здесь вовлеченность в волонтерство рассматривается как форма практической деятельности, которая развивает трудолюбие, коллективизм и ответственность [11]. А.С. Макаренко писал: "Труд и общественная деятельность становятся основой развития характера и ответственности личности" [5].

Социально-психологический аспект. В современных российских исследованиях [9] вовлеченность в волонтерскую деятельность рассматривается как фактор, способствующий социализации и адаптации личности в обществе. Волонтерство помогает индивидам развивать социальные связи, удовлетворять потребность в принадлежности и самоактуализации [10]. Пономарева М. Г. в своих работах указывает: "Участие в волонтерской деятельности – это механизм включения индивида в социальное взаимодействие, способствующий его личностному и профессиональному развитию" [9].

Психологическая вовлеченность. Включает эмоциональное и когнитивное по-

гружение индивида в процесс помощи. Д. А. Леонтьев, используя концепцию смысла жизни и активности личности, утверждает, что волонтерская деятельность способствует формированию смыслов, повышая уровень удовлетворенности жизнью. "Волонтерская деятельность выступает как один из способов обретения жизненного смысла, который создается через служение другим" [4].

Итак, вовлеченность в волонтерскую деятельность в научной традиции советских и российских авторов является многомерным понятием. Оно объединяет ценностные установки, внутреннюю мотивацию, социальную активность и личностное развитие, способствуя формированию гуманистических идеалов и социально ответственной личности.

Психологические факторы, влияющие на вовлечённость

Мотивация

Мотивация является центральным фактором, определяющим уровень вовлеченности. Согласно исследованиям [1], внутренняя мотивация оказывает более устойчивое влияние на вовлеченность, чем внешние стимулы. Волонтеры, движимые внутренними целями, такими как помощь другим или самореализация, чаще испытывают удовлетворение от своей деятельности и остаются вовлеченными на длительный срок.

С другой стороны, внешние мотиваторы, такие как социальное признание или материальные бонусы, могут способствовать вовлеченности, но их эффект обычно менее продолжителен. Исследования показывают, что оптимальное сочетание внутренней и внешней мотивации способствует устойчивой вовлеченности [2].

Эмоциональное выгорание

Эмоциональное выгорание представляет собой значительный барьер для поддержания вовлеченности. Оно проявляется в виде усталости, цинизма и снижения профессиональной эффективности. Факторы, способствующие выгоранию, включают:

- Чрезмерную нагрузку без достаточной поддержки.
- Отсутствие четких целей или обратной связи.
- Высокий уровень эмоциональной вовлеченности при недостатке ресурсного восстановления.

Для снижения риска выгорания важно предоставлять волонтерам возможность отдыха, психологической поддержки и обучения [6].

Средовые факторы

Окружающая среда, в которой работают волонтеры, играет значимую роль в формировании их вовлеченности. Среди ключевых средовых факторов можно выделить [12]:

- Культура организации. Организации с поддерживающей и открытой культурой стимулируют вовлеченность за счёт чувства принадлежности и общей миссии.

- Возможности для профессионального и личностного роста. Обучение и развитие способствуют повышению мотивации и чувства значимости.

- Обратная связь. Регулярная и конструктивная обратная связь позволяет волонтерам понимать свой вклад и корректировать свою деятельность.

Личностные особенности

Личностные особенности играют ключевую роль в формировании уровня вовлеченности в волонтерскую деятельность. Среди наиболее значимых черт можно выделить следующие:

- Эмпатия. Волонтеры с высоким уровнем эмпатии более активно реагируют на потребности других, что усиливает их эмоциональную вовлеченность. Такие люди склонны глубже сопереживать и находить смысл в помощи другим, что служит мощным мотиватором для продолжения деятельности.

- Проактивность. Проактивные личности склонны брать на себя инициативу, искать новые возможности и решать возникающие проблемы. Они легче адаптируются к изменениям в работе и быстрее находят способы улучшить своё участие в волонтерских проектах.

- Уровень саморегуляции. Люди с высоким уровнем саморегуляции лучше управляют своими эмоциями и поведением, что помогает им справляться с трудностями и избегать эмоционального выгорания. Они более устойчивы к стрессу и способны сохранять вовлеченность даже в сложных ситуациях.

- Личностные ценности. Волонтеры, для которых характерны альтруизм, гуманизм и ориентация на социальное взаимодействие, чаще испытывают удовлетворение от своей деятельности и проявляют высокую вовлеченность.

- Открытость новому опыту. Эта черта связана с готовностью к обучению и принятию нестандартных решений, что позволяет волонтерам находить инновационные подходы к выполнению задач и глубже погружаться в процессы волонтерской деятельности [8].

Личностные особенности не только определяют индивидуальный уровень вовлеченности, но и влияют на взаимодействие с командой

и организацией. Исследования показывают, что сочетание высоких уровней эмпатии, проактивности и саморегуляции является ключевым фактором успешной работы волонтеров.

Вовлеченность играет центральную роль в обеспечении устойчивости волонтерских программ. Высокий уровень вовлеченности способствует:

- Повышению производительности и качества работы;

- Укреплению приверженности волонтеров к организации;

- Уменьшению уровня текучести кадров среди волонтеров.

Кроме того, вовлеченность оказывает позитивное влияние на психологическое состояние самих волонтеров, способствуя снижению уровня стресса и увеличению удовлетворенности жизнью.

Практическое применение конструкта вовлеченности

Поддержка волонтеров

Для повышения вовлеченности важно обеспечивать волонтерам доступ к ресурсам, таким как профессиональная поддержка, обучение и информационные материалы. Регулярное проведение тренингов и воркшопов по развитию личностных навыков помогает волонтерам чувствовать себя уверенно и компетентно в своей работе.

Признание достижений

Признание вклада волонтеров является мощным инструментом повышения их вовлеченности. Это может включать публичные награды, личные благодарности, сертификаты или просто устное признание достижений. Регулярные встречи, где отмечаются успехи волонтеров, создают чувство значимости их работы и укрепляют приверженность организации.

Развитие лидерских качеств

Программы по развитию лидерских качеств способствуют формированию чувства ответственности и значимости у волонтеров. Это могут быть тренинги по управлению проектами, навыкам коммуникации или организации мероприятий. Такие программы помогают волонтерам не только развиваться профессионально, но и чувствовать себя активными участниками процесса, что повышает их мотивацию.

Создание возможностей для обратной связи

Эффективная система обратной связи позволяет волонтерам чувствовать, что их мнение важно. Регулярные опросы, личные встречи с координаторами и обсуждение результатов помогают выстраивать доверительные отноше-

ния между организацией и волонтерами, а также выявлять области для улучшения.

Интеграция цифровых технологий

Использование современных технологий, таких как платформы для управления проектами, мобильные приложения и социальные сети, упрощает коммуникацию и координацию волонтерской деятельности. Это позволяет волонтерам более эффективно участвовать в процессах, а организациям — оперативно предоставлять поддержку и информацию.

Вовлечённость в волонтерскую деятельность представляет собой многокомпонентный конструкт, который объединяет мотивационные, эмоциональные, личностные и средовые аспекты. Изучение данного феномена позволяет глубже понять механизмы, поддерживающие участие волонтеров в деятельности, и способы их повышения [13].

Практическая значимость исследования заключается в возможности разработки реко-

мендаций для организаций, работающих с волонтерами. Это включает создание поддерживающей организационной среды, внедрение программ профессионального роста и признания достижений, а также использование современных технологий для повышения эффективности взаимодействия. Особое внимание следует уделять предотвращению эмоционального выгорания, предоставляя волонтерам ресурсы для восстановления и психологической поддержки.

Будущие исследования могут быть направлены на изучение влияния культурных различий, специфики отдельных направлений волонтерства и долгосрочных эффектов вовлечённости на личностное развитие волонтеров. Это позволит ещё глубже понять природу вовлечённости и разрабатывать более эффективные подходы к её поддержанию.

Список литературы

1. Деси Э.Л., Райан Р.М. Теория самоопределения: основные психологические потребности в мотивации, развитии и благополучии. – Нью-Йорк: Публикации Гилфорда, 2017.
2. Жилле Н., Валеран Р.Ж., Лафреньер М.К., Бюро Дж.С. Опосредующая роль страсти в связи между активностью и психологическим благополучием // Мотивация и эмоции. – 2018. – № 42(3). – С. 345–362.
3. Клэри Э.Г., Снайдер М. Мотивация к волонтерству: теоретические и практические соображения // Современные направления психологической науки. – 2015. – № 24(6). – С. 484–488.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. – Москва: Смысл, 2003.
5. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. – Москва: Госиздат, 1935.
6. Маки А., Снайдер М. Исследование сходств и различий между волонтерским поведением: разработка шкалы волонтерского интереса и мотивации // Ежеквартальный журнал некоммерческого и добровольного сектора. – 2017. – № 46(1). – С. 5–27.
7. Новикова Л.И. Проблемы ценностных ориентиров молодежи. – Москва: Педагогика, 2003.
8. Пеннер Л.А., Довидио Дж.Ф., Пилявин Дж.А., Шредер Д.А. Просоциальное поведение: многоуровневые перспективы // Ежегодный обзор психологии. – 2018. – № 69. – С. 14–34.
9. Пономарева М.Г. Волонтерство как фактор социализации молодежи // Вестник педагогических исследований. – 2014. – № 2(8). – С. 54–59.
10. Рувинский Л.И. Социально-психологические аспекты волонтерства. – Москва: Наука, 2002.
11. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. – Киев: Радянська школа, 1968.
12. Уилсон Дж. Исследования волонтерства: обзорное эссе // Ежеквартальный журнал некоммерческого и добровольного сектора. – 2015. – № 44(3). – С. 445–467.
13. Ху К., Шауфели В.Б., Тарис Т.В. Расширение модели «требования к работе и ресурсы» за счет выполнения задач и мотивации: исследование с участием нескольких выборок // Управление группами и организациями. – 2016. – № 41(4). – С. 519–553.
14. Шауфели В.Б., Баккер А.Б. Вовлеченность в работу: теоретическая основа и измерение. – Психология Пресс, 2016.

I.G. Shchukina

**THEORETICAL ANALYSIS OF CONSTRUCT
«INVOLVEMENT IN VOLUNTEER ACTIVITY»**

Abstract. The article presents a psychological analysis of the construct “involvement in volunteer activity” as a multifaceted phenomenon that includes motivational, cognitive, emotional and environmental aspects. The main theoretical approaches to the study of involvement, such as the theory of self-determination and the model of social exchanges, and also key aspects of the construct discussed in the works by Soviet and Russian scientists: motive, value, active and social ones, are considered.

Special attention is paid to the psychological factors influencing the involvement into the volunteer activity, and also to the influence of the volunteers’ personal characteristics (empathy, proactivity, self-regulation) and external factors (support for the organization, opportunities for growth, recognition of achievements) on the formation and maintenance of involvement.

The practical significance of the study lies in the development of recommendations for non-profit organizations aimed at improving the effectiveness of work with volunteers, including the introduction of training programs, emotional support and the use of modern technologies. The analysis of the results allows us to understand better the mechanisms of involvement and propose strategies for optimizing it, contributing to the sustainable development of volunteer activities.

Key words: involvement, volunteer activity, psychological factors, motivation, psychological analysis.

References:

1. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: basic psychological needs in motivation, development, and welfare. – New York: Guilford Publications, 2017.
2. Gillett N., Vallerand R.J., Lafrenière M.K., Bureau J.S. Mediating role of passion in relationship between activity and psychological well-being // *Motivation and emotion*. – 2018. – No. 42(3). – P. 345–362.
3. Clary E.G., Snyder M. Volunteer motivation: theoretical and practical considerations // *Current directions in psychological science*. – 2015. – No. 24(6). – P. 484–488.
4. Leontiev D.A. Psychology of sense: nature, structure, and dynamics of meaningful reality. – Moscow: Smysl, 2003.
5. Makarenko A.S. Pedagogical poem. – Moscow: Gosizdat, 1935.
6. Maki A., Snyder M. Exploring similarities and differences in volunteer behavior: development of volunteer interest and motivation scale // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. – 2017. – No. 46(1). – P. 5–27.
7. Novikova L.I. Problems of value orientations of youth. – Moscow: Pedagogy, 2003.
8. Penner L.A., Dovidio J.F., Piliavin J.A., Schroeder D.A. Prosocial behavior: multilevel perspectives // *Annual review of Psychology*. – 2018. – No. 69. – P. 14–34.
9. Ponomareva M.G. Volunteering as factor of youth socialization // *Bulletin of pedagogical research*. – 2014. – No. 2(8). – P. 54–59.
10. Ruvinsky L.I. Social-psychological aspects of volunteering. – Moscow: Nauka, 2002.
11. Sukhomlinsky V.A. I give my heart to children. – Kyiv: Radianska Shkola, 1968.
12. Wilson J. Research on volunteering: review essay // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. – 2015. – No. 44(3). – P. 445–467.
13. Hu C., Schaufeli W.B., Taris T.W. Extending job demands and resources model with task performance and motivation: multi-sample study // *Group & Organization Management*. – 2016. – No. 41(4). – P. 519–553.
14. Schaufeli W.B., Bakker A.B. Work engagement: theoretical foundation and measurement. – Psychology Press, 2016.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024 г.

А.Г. Биба, О.О. Картавенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МНЕМОТЕХНИКИ В ОБУЧЕНИИ СОСТАВЛЕНИЮ РАССКАЗА ДЕТЕЙ С РЕЧЕВЫМИ ПАТОЛОГИЯМИ

Аннотация. В статье выделены трудности детей с нарушениями лексико-грамматического строя речи в создании монологического высказывания. Уточнены теоретические основы обучения составлению описательного рассказа детей с речевой патологией средствами мнемотехники. За счет анализа онтогенеза связной речи, психолого-педагогической характеристики детей с нарушениями лексико-грамматического строя речи и эмпирического их обучения составлению рассказа выделяются методические положения по использованию мнемотехники в работе логопеда. Авторы показывают, что использование пиктограмм, моделирования должно включаться в подготовку создания монологического высказывания, в прогнозирование речи и ее контроль; применение мнемотехники отвечает требованию поэтапного усложнения моделирования в дидактике; в отборе средств мнемотехники учитываются трудности детей в выборе описательных прилагательных и точных глаголов; в построении фразовой речи. Раскрыт определённый ресурс пиктограмм и моделирования в развитии вербальной памяти детей, психической операции планирования и речевого самоконтроля.

Ключевые слова: связная речь, нарушения лексико-грамматического строя речи, мнемотехника, этапы обучения описательному рассказу.

Введение

Развитие устной связной речи детей с речевыми патологиями является важнейшей задачей работы педагогов. Она необходима не только для подготовки обучающихся к полноценному общению, но и для предупреждения у них нарушений чтения и письма, следовательно, трудностей в освоении образовательной программы [2]. В целом, обучение рассказыванию – важный этап онтогенеза речи ребёнка. Однако, для обучающихся с речевыми нарушениями эта форма деятельности является затруднительной. В этой связи, особую актуальность приобретает использование мнемотехники, значимость которой состоит в фиксации содержания речи и ее планировании [3; 8; 12]. В теории и практике логопедии исследован определённый ресурс названной технологии в коррекции речи (С.В. Архипова [1], В.В. Дмитриева [8], М.С. Мазейна [10], Т.В. Полипенко [11], Y. Kazemi, M. Nakhshab, M. Arabpour [13]; R.M. Roslan [14] и др.), однако использование мнемотехнических приемов и средств в обучении рассказу детей с нарушениями лексико-грамматического строя речи, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Данная проблема определила цель нашего исследования, которая достигалась за счет анализа онтогенеза связной речи, психолого-педагогической характеристики детей с нарушениями словаря и грамматического строя речи, а также эмпирического их обучения составлению рассказа. Представим далее результаты проведенной работы.

Теоретические основы исследования

Мнемотехника представляет собой систему запоминания, основанную на создании ассоциативных связей. Внутри данной системы выделяется метод моделирования, разработанный в педагогике и психологии (Д.Б. Эльконин, Л.А. Венгер, Н.А. Ветлугина и др.). Он основан на принципе замещения и позволяет за счет знаково-символических средств абстрагироваться от второстепенной информации и сосредоточиться на сути явления, объекта и т.п. Одновременно данный метод способствует развитию мышления ребёнка с помощью специальных схем и моделей. Применительно к построению монолога, модели выражаются в упрощённых изображениях, которые служат символами для описания характеристик предметов, последовательности событий. Они могут отображать форму, размер, цвет, материал, тактильные свойства предмета (какой он на ощупь), его функциональность (что с ним можно делать) или же описывать уникальные особенности конкретного объекта [1]. Данные модели наглядно и доступно показывают скрытые свойства и связи объектов, делая их понятными для ребёнка [4]. Метод моделирования позволяет создать наглядную опору для рассказа, визуализировать его структуру и облегчить процесс запоминания и воспроизведения информации детям с нарушениями лексико-грамматического строя речи. Модели могут быть разнообразными, и в упрощённом виде представляют собой пиктограммы, в более сложном – мнемотаблицы (которые в методике речевой работы назы-

ваются «мнемодорожками» [10]). Они используются на определённом этапе обучения, когда дети осваивают развернутый алгоритм составления высказывания. Затем их применение постепенно сокращается (что соответствует концепции поэтапного формирования умственных действий Гальперина П.Я. [6]).

Использование мнемотехники в развитии речи детей с патологиями лексического и грамматического компонентов речи должно учитывать как специфику их речевой деятельности, так и познавательные трудности. Обучающиеся названной категории имеют словарь значительно меньше по сравнению с нормой, нуждаются в стимулировании употребления разнообразной лексики в собственной речи [5]. Они испытывают дефицит описательных прилагательных, точных глаголов. Дети, допускающие грамматические ошибки, часто не могут верно по аналогии употреблять модель словоизменения и согласования слов, нуждаются в специальных указаниях педагога, в наглядном подкреплении образования словосочетаний [15]. Несовершенство логических операций и функции планирования, медленное развитие объема памяти затрудняют овладение обучающимися монологической речью [9]. Неподготовленный рассказ ребенка, имеющего нарушения лексики и грамматики, часто отличается отсутствием связности речи, искажением причинно-следственных связей, однообразием синтаксических конструкций, невыразительностью и повторяемостью слов [2]. На наш взгляд, использование элементов мнемотехники в коррекционно-развивающей работе с данными детьми, позволяет минимизировать названные трудности, повысить их мотивацию собственной речевой деятельности.

В методике развития связной речи рекомендуется работать прежде всего над описательным рассказом (А.М. Бородич, В.К. Воробьева и др.). С учетом методических положений развития связной речи логопатов (в частности, методика В.П. Глухова [7]) считаем возможным выделить следующие главные направления в работе по обучению составлению описательного рассказа:

- тренировка в выделении главных особенностей и частей описываемых предметов;
- активизация языковых средств, необходимых для составления текста-описания;
- знакомство с построением описательного рассказа; тренировка в интонационном оформлении описаний в тексте;
- тренировка в составлении описательных предложений;

- обучение составлению собственных описательных рассказов.

Опыт использования мнемотехники в обучении составлению описательного рассказа детей с речевыми патологиями

В эмпирической работе по обучению составлению описательных рассказов средствами мнемотехники были выделены подготовительный, основной и заключительный этапы. Раскроем далее их содержание, отобранное нами на основе анализа методик авторов, указанных выше.

На *подготовительном этапе* с помощью моделирования мы тренировали детей в выделении и запоминании внешних и внутренних признаков предметов. Работе с моделями предшествовала игра «Волшебная шляпа», в ходе которой дети на ощупь узнавали предмет и совместно с логопедом выделяли его существенные признаки с помощью вопросов. Позднее выявленные признаки закреплялись в игре «Составь пары»: в ней каждый ребенок получал пиктограмму - карточку со схематичным изображением предмета. Логопед демонстрировал реалистичную иллюстрацию, соответствующую одной из пиктограмм. Ребенок, у которого была такая же картинка, собирал пару: реальная картинка + пиктограмма. После этого дети отвечали на вопросы логопеда, помогавшие им выделить отличительные признаки предмета, например: «Какого цвета яблоко?», «Какого оно размера?». Помимо закрепления признаков предметов, игра помогала познакомить детей с традиционными символами моделей, привыкнуть к их значению; они тренировались соотносить предмет с моделью.

Проводилась работа по расширению и закреплению словарного запаса. С помощью моделирования была организована «Какой? Какая? Какие? Какое?». Логопед называл слово, обозначающее предмет. Дети должны были подобрать к нему как можно больше слов, отвечающих на данные вопросы. Например: *ёж (какой он?) – серый, овальный (когда идет), круглый (когда свернется в клубок), колючий*. В качестве подсказок использовались пиктограммы, схематично изображающие признаки предметов: цвет – цветное пятно или цветная художественная кисточка, форма – знакомая детям фигура, поверхность – контур ладони и т.п.

Выполнялись упражнения на подбор синонимов, которые назывались «приятелями». Мы учили детей находить слова, близкие по значению, с помощью модели. Логопед показывал модель, изображающую двух людей, держащихся за руки, чтобы дети поняли, что слова

«приятели» – это слова, имеющие похожее значение. Затем логопед предлагал ребёнку выбрать из ряда слов синонимы – слова-приятели. Например, опираясь на модель, из слов *смелый, бесстрашный* и *трусливый* ребёнок должен был выбрать *смелый* и *бесстрашный*, так как они «являются приятелями» и «держатся за руки», а слово *трусливый* имеет противоположное значение, оно «не держится за руки» с другими словами. Аналогично использовались модели для завершения предложений синонимами. Логопед читал начало предложения, а ребёнок должен был закончить его, подбирая синоним. В случае затруднения логопед показывал ему модель, изображающую двух людей, держащихся за руки, чтобы напомнить, что слова-приятели – это слова с похожим значением. Например, логопед демонстрировал модель и говорил: «Закончи предложение. *«Динозавры были большими и»*. Ребёнок должен закончить предложение: *«Динозавры были большими и огромными»*. В случае затруднения в согласовании слов педагог демонстрировал речевой образец, утрированно произнося окончания слов.

В работу включалось обучение составлению словосочетаний для создания точных описаний. В игре «Кто больше увидит и назовёт» у каждого ребёнка был набор пиктограмм - мнемоквадратов: одни с изображением предметов, другие – с моделями, обозначающими признаки предметов (цвет, форма, материал). Задача логопедов состояла в том, чтобы из предложенного материала найти и назвать предметы, обладающие определёнными свойствами, составить описательное словосочетание. Ребёнок должен был найти все круглые предметы и составить пару, например, «круг + мяч» – *круглый мяч* или «круг + пуговица» – *круглая пуговица*. Одновременно уделялось внимание коррекции и профилактике нарушений грамматического строя речи: обучающиеся тренировались согласовывать слова в роде, числе. Для закрепления связи между родом, числом и окончанием педагог также использовал модели с цветным выделением конца слов.

На *основном этапе* дети знакомились с текстом-описанием, практиковались в определении его особенностей. Знакомство с данным типом текста осуществлялось за счет восприятия устных рассказов. Мы учили детей понимать содержание текстов, определять их тему. Для формирования навыка восприятия описания логопед задавал специальные вопросы. Например, *«Что описывается в тексте?»*, *«Какие признаки предмета описываются?»*.

Если дети затруднялись с ответом, педагог предлагал альтернативные вопросы (например, *«В тексте описывается лимон или яблоко?»*) или вспомогательные вопросы (например, *«Описывает ли автор форму лимона?»*). В помощь использовалась модель-мнемоквадрат, схематично отображающий содержание текста. Чтобы научить детей определять тему описательного рассказа, логопед предлагал им выбрать из предложенных названий наиболее подходящее и пиктограмму, отражающую предмет речи. Например, детям предлагалось послушать описательный рассказ о котенке (*«Мой шалун»*) и выбрать из трех предложенных мнемоквадратов тот, который подходит к тексту (*с контуром маленького спящего котенка, с контуром большого кота с взъерошенной шерстью, с контуром маленького игривого котенка*). Сначала использовались контрастные по содержанию описания и изображения, затем отличающиеся только одной существенной деталью, признаком. Позже дети самостоятельно подбирали название к тексту и соответствующую пиктограмму.

В работу на основном этапе включалось изучение особенностей языка описательного текста, включающего яркие прилагательные, глаголы, синтаксические конструкции сравнения. Педагог проводил с детьми беседу о словах, которые автор использовал в описательном рассказе. Он читал текст и обращал внимание на слова-определения, сравнительные конструкции, которые помогали описать предмет. Например, логопед спрашивал: *«Использовались ли в тексте слова-приятели?»*, *«Использовались ли в тексте сравнения?»*, *«С чем сравнивает автор цвет шерсти котенка?»* и т.п. Педагог использовал модели синонимов в качестве наглядной опоры, модель сравнения представляла собой равенство, вида *иллюстрация апельсина = иллюстрация мяча*. Одновременно с анализом лексики описательного текста дети учились перечислительной интонации. Педагог объяснял, что при перечислении признаков предмета нужно делать небольшие паузы, а голос «поднимать» вверх. С целью научить детей правильно использовать мелодику перечисления, логопед использовал модели предложений: демонстрировал образец перечислительной интонации, используя схему, где квадраты обозначали признаки предмета, вертикальные черточки – паузы, округлые стрелки вверх – мелодике голоса. После этого логопед предлагал детям повторить предложение с перечислительной интонацией, используя модель в качестве опоры-подсказки.

После анализа специфики описательного текста дети тренировались в построении фраз с описанием предмета или явления. Для обучения составлению описательной фразы, педагог использовал составление моделей предложений из предметных иллюстраций. Детям показывали по одному мнемоквадрату и задавали вопрос: «Скажи, что здесь нарисовано?». Два мнемоквадрата фиксировались, и у ребенка спрашивали: «Скажи, что здесь нарисовано?», указывая на модель предложения. Если ребёнок затруднялся с ответом, логопед задавал второй вопрос, подсказывающий умственное действие: «Что ты видишь на картинке?». Например, показывали мнемоквадрат с изображением лимона, затем мнемоквадрат с изображением желтой кисточки. Таким образом, отвечая на вопрос с опорой на иллюстративную модель, логопат мог составить фразу: «Лимон жёлтый».

После составления описательных предложений мы тренировали детей в определении границ текста-описания. С этой целью логопед использовал задания, направленные на формирование умения обнаруживать лишнюю информацию в тексте (не относящуюся к предмету речи или не являющуюся описанием). Например, педагог читал рассказ-описание, в котором были предложения, не относящиеся к теме рассказа. Логопед объяснял, что эти предложения лишние, потому что они не связаны с основной идеей текста («Они не рассказывают о котенке»). Затем педагог читал рассказ-описание и просил детей самостоятельно найти лишнюю информацию. Во время чтения логопед выкладывал мнемоквадраты, иллюстрирующие предложения, чтобы логопатам было удобнее ориентироваться в содержании. Дети должны были определить лишнюю информацию и убрать соответствующий мнемоквадрат.

Для обучения планированию рассказа использовались серии мнемоквадратов – мнемодорожки. Логопед читал рассказ-описание и по ходу описания выкладывал мнемодорожку. Дети рассматривали последовательность мнемоквадратов и отвечали на вопросы, восстанавливающие порядок описания. Затем мнемодорожку на доске закрывали, и дети из своих наборов должны были восстановить правильную последовательность моделей, опираясь на историю, которую запомнили. Затем детей просили рассказать историю дидактическому герою, «идя по мнемодорожке». После усвоения детьми данного вида работы, задание усложняли: логопед предлагал работать не с готовыми моделями, а составлять их совместно. Дети вместе с педагогом обсуждали варианты изображения

той или иной информации, тем самым активизировался их словарь, грамматические конструкции. Помимо этого, непосредственное участие детей в изготовлении моделей позволяло активнее вовлечь их в процесс работы, повысить мотивацию речевой деятельности.

Обучая отбору языковых средств для составления описательного текста, логопед использовал задания на подбор эпитетов, сравнений. С этой целью педагог читал рассказ-описание, а затем просил детей воспроизвести слова, которыми автор описывал определенный признак предмета. Если они затруднялись, нужное предложение читалось повторно. Детям давали задание найти повторяющееся слово в тексте и заменить его синонимом (словом-приятелем). В задании «На что похоже?» логопед показывал предметные иллюстрации и предлагал логопатам найти слова, которые описывают сходство между предметами, и выложить из мнемоквадратов пары. Например: «Снежинка маленькая как точка» - мнемоквадрат «снежинка» = «точка». С помощью задания: «Нравится/Не нравится» мы тренировали детей употреблять оценочные слова. Логопаты выбирали предмет и отвечали на вопросы «Тебе нравится или не нравится...?», «Ты любишь или не любишь...?», «Почему тебе он (она) нравится/не нравится? Почему ты это любишь/не любишь?». В помощь для составления оценочной фразы дети использовали модели. Например, ребёнок выкладывал модель: предмет речи – иллюстрация *лука*, отношение к предмету речи – *злой смайлик*, *знак вопроса* использовался для объяснения причины такого отношения. По данной модели составлялось предложение: «Я не люблю лук, потому что он горький».

Для обучения интонации перечисления в тексте-описании педагог демонстрировал модель предложения и объяснял значение мнемоквадратов, иллюстрирующих интонацию: *квадрат с изображением рта*, а также *стрелки вверх и вниз*. Логопед показывал образец изменения голоса по модели и для наглядности сопровождал процесс движениями рук, помогая детям визуально уловить интонацию перечисления. Обучающиеся слушали, следили за указанием и воспроизводили нужную интонацию. Затем перечислительная интонация отрабатывалась с помощью мнемоквадратов без дополнительных жестов и указаний педагога.

На *заключительном этапе* эмпирической работы дети осваивали целый комплекс умений, необходимых для составления описательных рассказов, и наша задача заключалась в побуждении детей к самостоятельному выска-

зыванию, в инициации контроля собственной речи. Для достижения результата использовались следующие средства:

- игра «Помоги герою». Логопед создавал игровую ситуацию, в которой дидактические герои написали рассказы-описания и хотели опубликовать их в газете, но не решались, боялись ошибиться. Логопед зачитывал рассказ героев и предлагал детям оценить правильность их речи. В помощь оценке педагог использовал вопросы на проверку: *понимания темы*: «Понял ли Лунтик тему? Рассказал ли он то, что хотел? Должен ли он рассказать о ... или о ...? Какое название вы бы дали рассказу Лунтика?»; *определения границ темы*. «Не сказал ли Лунтик лишних предложений? Почему это предложение лишнее?»; *планирования рассказа*: «По порядку ли Лунтик рассказал? Понятен ли его рассказ? В каком порядке нужно рассказать? С чего начать? Что сказать дальше? Чем закончить?»; *отбор языковых средств*. «Правильным ли словом Лунтик описывает ...? Красивое ли это слово? На какое слово мы можем его заменить?». В качестве опоры для детей использовалась последовательность мнемодорожек (мнемодорожка), соответствующая рассказу героя, и предметные иллюстрации описываемого объекта;

- сюжетно-ролевые игры вида «Магазин», когда дети самостоятельно составляли описательные рассказы, по очереди принимая на себя роли покупателя и продавца. Задача «покупателя» состояла в подробном описании необходимого ему предмета, а «продавца» – в описании

альтернативного товара, так как нужного не было в наличии;

- создание предмета описания (например, из магнитного конструктора) и рассказ о нем по мере составления объекта.

Детям, для которых составить описательный рассказ было всё ещё трудно, первое время предлагали опираться на модели, демонстрирующие порядок описания и подсказывающие удачную лексику. Постепенно использование моделей сокращалось, сворачивалось до применения отдельных, ключевых пиктограмм и затем исключалось полностью.

Заключение

Обобщая эмпирический опыт, отметим, что использование мнемотехники помогало формировать у логопатов базовые речевые умения монологической речи, развивать речевой самоконтроль, активизировать необходимые для составления рассказа психические процессы: внимание, память, логические операции, действие планирования. За счет использования ярких и разнообразных моделей, смены видов деятельности с ними и включения их в игры повышалась мотивация речевой деятельности детей, которые по причине лексико-грамматических недостатков не проявляли желания говорить. Эффект применения моделирования достигался на основе поэтапного обучения описанию в соответствии с закономерностями постепенного усложнения моделирования и его сворачивания в освоении умственного действия; с учетом психолого-педагогических особенностей логопатов и онтогенеза связной речи.

Список литературы:

1. Архипова С. В. Научно-методические аспекты развития связной речи дошкольников с речевыми нарушениями средствами наглядного моделирования / С. В. Архипова О. Р. Лазуткина // Гуманитарные науки и образование. – 2023. – № 2(54). – С. 7–15.
2. Биба А.Г. Психолингвистические причины дислексии младших школьников/ А.Г. Биба, Ю.В. Лукьянова // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. – 2020. – Том 3. Выпуск 3.– С. 45–48.
3. Биба А.Г. Техники моделирования в логопедической работе с детьми-билингвами и инофонами/ А.Г. Биба, А.В. Квятковская, К.С. Смородина // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Серия: Психолого-педагогические науки. 2023. – Калуга: Издательство КГУ имени К.Э. Циолковского, 2023. – 113 с. – С. 20–25.
4. Венгер Л.А. Игры и упражнения по развитию умственных способностей у детей дошкольного возраста / Л.А. Венгер, О.М. Дьяченко. – Москва: Просвещение, 2008. – 135 с.
5. Воробьева В.К. Методика развития связной речи у детей с системным недоразвитием речи: учеб. пособие / В.К. Воробьева. — М.: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2006. — 158 с.
6. Гальперин П.Я. Введение в психологию/ П.Я. Гальперин. – Москва: КДУ, 2015. - 336 с.
7. Глухов В. П. Методика формирования связной речи детей дошкольного возраста с системным речевым недоразвитием / В.П. Глухов. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2017. – 232 с.

8. Дмитриева В.В. Развитие связной речи дошкольников посредством наглядного моделирования / В.В. Дмитриева // Новые горизонты русистики. – 2022. – № 17. – С. 112-117.
9. Логопатопсихология: учеб. пособие для студентов / под ред. Р.И. Лалаевой, С.Н. Шаховской. – Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2011. – 462 с.
10. Мазеина М.С. Мнемодорожки как средство развития связной речи у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития / М.С. Мазеина // Открытый мир: объединяем усилия: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Пермь, 09–10 ноября 2022 года / Под редакцией О.Р. Ворошиной. – Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет", 2022. – С. 144–148.
11. Пилипенко Т. В. Технология наглядного моделирования в коррекции общего недоразвития речи дошкольников / Т. В. Пилипенко // Образование и воспитание. — 2018. — № 1 (16). — С. 22–25. — URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/81/3074/> (дата обращения: 22.04.2023).
12. Gjedde L. Developing Narrative Tools for Early Childhood Learning Transitions / L. Gjedde // International Conference of Education, Research and Innovation, Seville, Spain, 11 Nov 2019 – 13 Nov 2019. – IATED, 2019. – [Электронный ресурс]. URL: <https://vbn.aau.dk/en/publications/developing-narrative-tools-for-early-childhood-learning-transiti> (дата обращения: 31.10.2024).
13. Kazemi Y. Narrative assessment methods in children: a systematic review (2014) / Yalda K., M. Nakhshab, M. Arabbour. — [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/269699312_Narrative_assessment_methods_in_children_a_systematic_review (дата обращения: 10.11.2024).
14. Roslan M. R. The Use of Stories and Storytelling in Primary Science Teaching and Learning (2018)/ Roslanawati M., Roslan, — [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/275968176_The_Use_of_Stories_and_Storytelling_in_Primary_Science_Teaching_and_Learning (дата обращения: 15.11.2024).
15. Undiyaundeye F. Processess of children’s learning and speech development in early years/F. Undiyaundeye, J. Basake//PEOPLE: International Journal of Social Sciences. – 2018. – Volume 4 Issue 2. – PP.126-134.

A.G. Biba, O.O. Kartavenko

USE OF MNEMONICS IN TEACHING STORYTELLING TO CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS

Abstract. In the article the difficulties of children with violations of the lexical and grammatical structure of speech in creating a monological utterance are highlighted. The theoretical foundations of teaching the composition of a story to children with speech pathology by means of mnemonics are clarified. Due to the analysis of coherent speech ontogenesis, the psychological and pedagogical characteristics of children with impaired lexical and grammatical structure of speech and their empirical training in story composition, methodological provisions on the use of mnemonics in the work of a speech therapist are highlighted. It is revealed that the use of pictograms and modeling should be included into the preparation of the creation of a monological utterance, into speech planning and control; the use of mnemonics meets the requirement of step-by-step complication of modeling in didactics; in the selection of mnemonics tools, children's difficulties in choosing descriptive adjectives and exact verbs are taken into account; in the construction of phrasal speech. A certain resource of pictograms and modeling in the development of children's verbal memory, mental planning operation and speech self-control has been identified.

Key words: coherent speech, violations of lexical and grammatical speech structure, mnemonics, stages of teaching descriptive story telling.

References:

1. Arkhipova S.V. Scientific and methodological aspects of development of coherent speech of preschoolers with speech disorders by means of visual modeling / S.V. Arkhipova, O.R. Lazutkina // Humanities and education. - 2023. - No. 2 (54). - P. 7-15.

2. Biba A.G. Psycholinguistic causes of dyslexia of younger students / A.G. Biba, Yu.V. Lukyanova // Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological Sciences. Pedagogical Sciences. - 2020. - Volume 3. Issue 3. - P. 45-48.
3. Biba A.G. Modeling techniques in speech therapy work with bilingual children and foreign speakers / A.G. Biba, A.V. Kvyatkovskaya, K.S. Smorodina // Scientific works of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2023. - Kaluga: Publishing house of KSU named after K.E. Tsiolkovsky, 2023. - 113 p. - P. 20-25.
4. Venger L.A. Games and exercises for development of mental abilities among preschool children / L.A. Venger, O.M. Dyachenko. - Moscow: Prosveshcheniye, 2008. - 135 p.
5. Vorobyova V.K. Methodology for development of coherent speech of children with systemic speech underdevelopment: tutorial / V.K. Vorobyova. - M.: ACT: Astrel: Translitniga, 2006. - 158 p.
6. Galperin P.Ya. Introduction to Psychology / P.Ya. Galperin. - Moscow: KDU, 2015. - 336 p.
7. Glukhov V.P. Methodology for formation of coherent speech of preschool children with systemic speech underdevelopment / V.P. Glukhov. - Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2017. - 232 p.
8. Dmitrieva V.V. Development of preschoolers' coherent speech through visual modeling / V.V. Dmitrieva // New horizons of Russian studies. - 2022. - No. 17. - P. 112-117.
9. Logopathopsychology: textbook for students / edited by R.I. Lalaeva, S.N. Shakhovskaya. - Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2011. - 462 p.
10. Mazeina M.S. Mnemonic paths as means of developing coherent speech of senior preschool children with mental retardation / M.S. Mazeina // Open world: joining efforts: Proceedings of VI All-Russian scientific and practical conference, Perm, November 9-10, 2022 / Edited by O.R. Voroshnina. - Perm: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Perm State Humanitarian and Pedagogical University", 2022. - P. 144-148.
11. Pilipenko T.V. Technology of visual modeling in correction of general speech underdevelopment of preschoolers / T.V. Pilipenko // Education and upbringing. - 2018. - No. 1 (16). - P. 22-25. — URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/81/3074/> (date of application: 22.04.2023).
12. Gjedde L. Developing Narrative Tools for Early Childhood Learning Transitions / L. Gjedde // International Conference of Education, Research and Innovation, Seville, Spain, 11 Nov 2019 – 13 Nov 2019. – IATED, 2019. – [Electronic resource]. URL: <https://vbn.aau.dk/en/publications/developing-narrative-tools-for-early-childhood-learning-transitii> (date of application 31.10.2024).
13. Kazemi Y. Narrative assessment methods in children: a systematic review (2014) / Yalda K., M. Nakhshab, M. Arabpour. – [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/269699312_Narrative_assessment_methods_in_children_a_systematic_review (date of application: 10.11.2024).
14. Roslan M., R. The Use of Stories and Storytelling in Primary Science Teaching and Learning (2018) / Roslinawati M. Roslan. – [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/275968176_The_Use_of_Stories_and_Storytelling_in_Primary_Science_Teaching_and_Learning (date of application: 15.11.2024).
15. Undiyaundeye, F. Processess of children's learning and speech development in early years / F. Undiyaundeye, J. Basake//PEOPLE: International Journal of Social Sciences. – 2018. – Volume 4 Issue 2. – PP.126-134.

Статья поступила в редакцию 21.11.2024 г.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.9

DOI 10.54072/26586568_2025_8_1_70

Н.В. Азарова, А.В. Хавыло

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОМ ОБСЛЕДОВАНИИ

Аннотация. Статья представляет исторический обзор развития метода психофизиологического исследования с использованием полиграфа. В работе анализируются современные подходы к применению полиграфа, основные проблемы и перспективы дальнейшего развития данного направления. Рассмотрены концепции отечественных специалистов: А.Б. Пеленицына, П.В. Симонина, В.А. Варламова, Ю.И. Холодного. На сегодняшний день психофизиологические исследования с использованием полиграфа сталкиваются с рядом ограничений. Основными проблемами являются нормативно-правовые трудности, связанные с недостаточной правовой обоснованностью использования результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа в качестве доказательств. Кроме того, точность полиграфных проверок вызывает сомнения у специалистов. Это связано с тем, что результаты проверки зависят от множества факторов, включая организационные проблемы и методологические: очень часто проблемы практического использования любого прикладного метода, в том числе и тестирования на полиграфе, бывают связаны не столько с внутренними методическими дефектами, но главным образом, с его неправильным применением.

Особое внимание уделено аналогам регистрации функционального состояния человека и их возможной интеграции в комплексные исследования с применением полиграфа: анализ акустических сообщений, электроэнцефалография, функциональная магнитно-резонансная томография, айтрекинг, анализ мимики.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическое исследование с применением полиграфа, ПФИ, инструментальная детекция лжи, ЭЭГ, fMRI, eye-tracker, анализ мимики, FaceReader.

Введение

Полиграф является одним из известных технических устройств, способный отслеживать динамику психофизиологических реакций обследуемого лица в ответ на предъявляемые стимулы, путем регистрации покровной, сердечно-сосудистой и дыхательной физиологических систем организма. По физиологическим параметрам полиграфолог может судить об изменении баланса активности между симпатическим и парасимпатическим отделами вегетативной нервной системы, которые зависимы от когнитивных и эмоциональных процессов, протекающих в головном мозге во время оценки информации содержащейся в предъявляемых обследуемому стимулах [11].

Задача специалиста-полиграфолога заключается не только в выявлении интересующих реакций, но и в обосновании, что регистрируемые полиграфом физиологические изменения действительно обусловлены степенью значимости предъявляемых предположительно релевантных стимулов для обследуемого, а не иной физиологической активностью организма, которая может носить индивидуальный характер [11].

В мировой практике полиграф используется в оперативно-розыскной деятельности [17,

22]. Также применяется для оценки достоверности показаний в судебных процессах [17, 19], для проведения скрининга персонала, при трудоустройстве на определенную должность и используется в научных целях [18].

История создания полиграфа

За методом инструментальной детекции лжи стоит богатая история. Исследованиям, проводимым с помощью полиграфа, насчитывается более 100 лет, а его использование на практике развивается последние 40-50 лет [12]. Заведомо искаженная человеком информация могла стать причиной неприятностей для власти и народа. Задолго до появления специальной аппаратуры, в разных частях нашей планеты древние люди использовали практики изобличения во лжи: в азиатских странах обвиняемый должен был подержать во рту горсть сырого риса, или рисовой муки, а потом все выплюнуть. Если человеку удавалось избавиться от содержимого во рту, то с него обвинения снимались. В «Русской правде» – первом древнерусском правовом сборнике 11 века, предусматривалась возможность проверки обвиняемых «испытанием огнем и водой» – аналога «судов Божьих» в средневековой Европе [12]. В африканских племенах обвиняемого обнюхивал вождь, Присутствие запаха пота подтверждало

виновность. Арабский лекарь Авиценна утверждал, что признаком лжи является учащенный пульс [12].

С развитием науки и правовой системы, народные практики стали реже применяться, постепенно стали учитываться факторы, которые могли повлиять на искажение данных проверки: психические и физиологические особенности человека: любой подозреваемый мог испытать тревогу, страх, вне зависимости от причастности к ситуации. С усовершенствованием методов расследования преступлений, стало возможным опираться на более надежные способы доказательств невиновности. В 18 веке зародились предложения об использовании медицинских приборов для выявления признаков лжи. Идеи Даниэля Дефо стали отправной точкой в умах исследователей того времени. Дефо утверждал, что у вора есть «дрожь в крови», которая может его разоблачить [12]. Анжело Моссо и установил связь между психоэмоциональным состоянием и артериальным давлением человека с помощью плетизмографа. Чезаре Ломброзо, психиатр и один из первых криминалистов, видоизменил существующее изобретение Анжело Моссо и применил модифицированный прибор в своих экспериментах по измерению физиологических показателей кровяного давления подсудимых, а также изменения частоты пульса во время допроса.

В начале 20 века, американский психолог Уильям Марстон, применяя в экспериментах медицинские приборы, разработал одну из первых и известных на сегодня методик, используемых в ходе ПФИ – методику проверочных и нейтральных вопросов (МПНВ) [12]. Прототип современного полиграфа был создан в 1921 г. Джоном Ларсоном. Прибор был создан по аналогии машины для создания рукописных тестов Джона Хавкинсона в 1804 г. Леонард Киллер усовершенствовал данное изобретение, добавив металлический сильфон и кимограф. Джон Рейд внедрил датчик тремора для регистрации микродвижений мышц. В 1950-х США начали массово обучать на эксперта-полиграфолога, а с 1956 года полиграф стал использоваться в расследованиях [12].

В России интерес к полиграфу возник в 1920-х годах благодаря Александру Лурии. Ученый уделял большое внимание построению основ «реактологической теории аффективного поведения» [13]. Предложенные идеи заключались в следующем: поведение человека определяется как рациональными, так и эмоциональными реакциями на внешние стимулы, которые формируют его динамику и направленность.

Эмоциональные состояния связаны с изменениями в работе вегетативной нервной системы, позволяя объективно измерять их через физиологические показатели. Также ученый полагал, что стимулы вызывают как осознанные эмоции, так и бессознательные физиологические изменения. В 1960 году был создан первый отечественный полиграф, а в 1994 году МВД утвердило его использование в правоохранительных органах [7]. В начале 21 века МГТУ им. Н.Э. Баумана заметил рост интереса к «верификации лжи» в России. Руководители кафедры Ю.С. Соломонов и М.П. Сычев пригласили Ю.И. Холодного из Института ФСБ России для развития данной тематики [4].

Мировой опыт применения детекции лжи

За годы использования полиграфа для оценки достоверности сообщаемой информации, решилось множество вопросов, касающихся обеспечения национальной безопасности во всем мире. Данный метод активно применяется не только в оперативно-розыскных мероприятиях, кадровых проверках, но и в гражданских делах. В некоторых странах допустимо использование результатов ПФИ в качестве доказательств в суде, но существуют и страны, в которых само применение полиграфа считается недопустимым.

В Великобритании и Германии метод инструментальной верификации лжи практически не используется из-за соблюдения этических норм. В Польше полиграф используется только в рамках оперативной деятельности правоохранительных органов [20]. В США полиграф используется в целях профилактики и предупреждения преступлений, в ходе оперативной деятельности правоохранительных органов. Также, в некоторых штатах (Техас, Пенсильвания, Калифорния и т.д.) специалистам позволено рассматривать результаты проверок на полиграфе в качестве доказательств в суде [20].

В Канаде психофизиологическое исследование, проводимое при помощи полиграфа, активно используется в ходе расследования преступлений. Однако, в отличие от США, результаты проверок на полиграфе не используются для доказательства вины подсудимого. Правоохранительные органы Канады обращаются за помощью к полиграфологу только в целях установления непосредственного факта совершения преступления, либо для сужения круга подозреваемых, при этом полиграф используют не только в отношении обвиняемого, но и в отношении потерпевшего, свидетелей и истцов [20]. В Израиле детектор лжи использу-

ют спецслужбы и полиция. Результаты полиграфных проверок, также как и в Канаде, могут быть приняты в качестве доказательств по гражданским делам [14, 20]. В Японии ведущая роль проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа отведена полиции.

За последние три десятилетия, в России отмечается повышенный интерес к использованию полиграфа в борьбе с преступностью. Применение полиграфа специалистами не только правоохранительных органов, но и исследователями в области психологии, психофизиологии, показывает его широкий потенциал, особенно в Краснодарском крае, где создан один из первых отделов, специализирующийся на психофизиологических исследованиях [20].

Проблемы психофизиологического исследования с использованием полиграфа

Не смотря на высокую потребность в методе верификации лжи, психофизиологические исследования с применением полиграфа имеют ряд нерешенных проблем. Многие специалисты ссылаются на недопустимость и невозможность использования результатов ПФИ в качестве доказательств, аргументируется это недостатком правовых оснований [2]. В некоторых регионах России назначаются психофизиологические экспертизы, прокуратура иногда указывает на необходимость использования полиграфа в расследованиях. В исключительных случаях суд признает результаты полиграфических исследований допустимыми доказательствами. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что заключение инструментальной детекции скрываемой информации носит ориентирующее значение и не может применяться в качестве доказательства (В.А. Варламов, Я.В. Комиссарова, А.Ю. Молчанов, А.П. Оглоблин, А.Б. Пеленицын, С.Ю. Сошников, Ю.И. Холодный).

Кроме этого, имеется ряд организационных проблем: наличие физического контакта с обследуемым лицом, проверка на полиграфе может занимать от часа до четырех часов в зависимости от её вида (скрининг, оценка причастности и т.д.), что отнимает довольно много времени как у обследуемого, так и у полиграфолога [18]. Обследуемое лицо имеет склонность отвлекаться на возникающие посторонние звуки, собственные мысли, это может вызывать реакции никак не связанные с целью проверки. Не исключено и то, что обследуемым лицом может совершаться противодействие на проверке, с целью искажения информации. Возникает вопрос о вероятности совершения экспертом ошибки во время анализа, проведен-

ной полученных данных об обследовании. Для предотвращения противодействий обследуемых, при проведении ПФИ ведется видеонаблюдение, тем не менее, это не всегда помогает заметить сопротивление. Полная автоматизация проведения проверки на полиграфе для получения более объективных сведений о поведении обследуемого остается невозможной из-за отсутствия подходящих методов. К методологическим проблемам относятся недостаточная квалификация полиграфологов, очень часто проблемы практического использования любого прикладного метода, в том числе и тестирования на полиграфе, бывают связаны не столько с внутренними методическими дефектами, но главным образом, с порочной практикой его неправильного применения [10]. Есть масса примеров абсолютно безграмотного применения полиграфа, о которых в своих выступлениях неоднократно упоминал В.В. Коровин [8, 10]. Также отмечается практика применения методик, созданных без учета психофизиологических закономерностей [8, 10].

Подходы к исследованию верификации лжи

Первые появившиеся концепции были разделены на два класса: теории, в основе которых лежат мотивационные и эмоциональные факторы и теории, базирующиеся на когнитивных факторах [9].

К известным *мотивационно - эмоциональным* теориям относятся:

– Теория «угрозы наказания» утверждает, что виновные в преступлении испытывают страх разоблачения, что активизирует симпатическую нервную систему и фиксируется полиграфом.

– Теория «конфликта» предполагает, что физиологические реакции усиливаются при одновременной активации противоречивых процессов: стремления говорить правду и желания солгать. Этот конфликт приводит к физиологическим изменениям при проверочных вопросах.

– «Условно-рефлекторная» теория утверждает, что при предъявлении релевантного стимула у человека активизируются ассоциативные связи с центрами поведения, которые были задействованы при совершении преступления, вызывая физиологические изменения.

Теории, базирующиеся на когнитивных факторах:

– Теория активации: Изменения физиологических параметров связаны с различной значимостью стимулов. Признаки преступления вызывают у виновного более сильный ориентировочный рефлекс, чем нейтральные стимулы.

–Ориентационная теория М. Клейнера объясняет различия в реакции на контрольные и проверочные вопросы полиграфа через понятия «новизна стимула» и «ориентировочный рефлекс», основанные на работах Е.Н. Соколова.

–Дихотомизационная теория (Либлич и Бен-Шахар) утверждает, что реакция на значимые стимулы сильнее, чем на нейтральные, из-за различий в привыкании.

Общий недостаток представленных теорий — трудности объяснения успешной детекции лжи в условиях, когда испытуемые не мотивированы скрывать правду или даже не осознают, что их реакции фиксируются [9].

Канадский исследователь Р. Хеслгрейв предложил несколько *информационных теорий* для объяснения повышения психического напряжения при лжи:

–Теория количества информации: Ложь требует большего объема информации, что вызывает более высокую активацию.

–Теория возвращения затруднений: Ложная информация труднее для изложения, чем истинная, что усиливает возбуждение.

–Теория новизны информации: Психическое напряжение растет из-за создания новой ассоциации ложного ответа с вопросом [9].

В отечественной науке разработаны мультикомпонентные теоретические подходы, пытающиеся объяснить всю совокупность психофизиологических процессов, происходящих с обследуемым лицом на проверке:

–Информационная теория эмоций П.В. Симонова: Эмоции зависят от актуальной потребности и вероятности ее удовлетворения. Напряжение вызывает дефицит информации о возможности удовлетворения потребности, что отражается в показателях полиграфа [3, 16].

–Мотивационная теория В.А. и Г.В. Варламовых: Эмоциональное напряжение (ЭН) зависит от мотивации (УМ), состояния организма (ФСО) и индивидуальных особенностей нервной системы (ИО). Формула: $ЭН = УМ + ФСО + ИО$.

Теория целенаправленного тестирования памяти Ю.И. Холодного связывает значимость стимула с механизмами памяти, основанными на вегетативных реакциях [15]. Однако термин «следы памяти» вызывает сомнения из-за отсутствия физиологических подтверждений и изменчивости памяти, что снижает объяснительную силу теории. Также, J.J. Palmatier и L. Rovner подчеркивали, что память не может рассматриваться как объект тестирования на полиграфе, поскольку она не работает как камера, фиксируя каждую деталь, попадающую в поле

зрения человека [15]. В исследованиях И.М. Соловьева также подтвердилось, что сформированный образ не сохраняется в неизменном виде, он всегда подвергается динамическим изменениям.

А.Б. Пеленицын отмечал, что внимание может играть приоритетную роль в возникновении реакций человека, однако существует рассогласование в подходах к определению внимания. Также возможность прямого измерения внимания через датчики остается спорной.

На сегодня исследования с помощью полиграфа ведутся по трем подходам:

1. Психофизиологический: Регистрация и анализ реакций периферической нервной системы.

2. Нейропсихологический: Изучение электрической и функциональной активности мозга с использованием ФМРТ, ПЭТ, ЭЭГ и КВП.

Исследование с помощью ЭЭГ позволяет выявить реакции мозга на вербальную и невербальную информацию, включая изменения эмоционального состояния. Активность нейронов отслеживается, однако наиболее значимые результаты получены в пассивных тестах, где стимулы задавал экспериментатор. Данный метод успешно использован в комплексном исследовании с применением полиграфа Е.С. Исачевым [9].

Функциональная магнитно-резонансная томография (fMRI) используется как нейродетектор лжи, фиксируя изменения кровотока и уровня кислорода в мозге, связанные с активностью нейронных сетей. Метод позволяет наблюдать работу мозга. Испытуемому задают вопросы с ответами «да-нет», а повышенный кровоток в активных отделах мозга фиксируется, что помогает определить зоны, связанные с правдой или ложью, в том числе при инсценировке преступлений. Психиатр Langleben D. предложил исследовать ложь с помощью fMRI, предполагая, что ложь требует повышенной мозговой активности. В последующие годы ученому удалось подтвердить выдвинутую гипотезу с помощью проведенных экспериментов.

3. Поведенческий: Анализ речи, мимики, движений глаз.

Технология айтрекинга позволяет в реальном времени фиксировать движение глаз и анализировать зрительное восприятие стимулов. Основной параметр метода — точность соответствия направления взгляда объекту. Исследователи из Университета Юты применяли айтрекинг в экспериментах, где испытуемым задавали вопросы с возможностью правдивого

или ложного ответа [1]. Результаты показали, что при лжи возрастает когнитивная нагрузка, что выражается в увеличении времени ответа, диаметра зрачка и снижения частоты морганий [1].

Кроме перечисленных методов, существуют методы верификации лжи с помощью исследования акустических характеристик голоса. Согласно исследованию Frederic C., изменения в голосе, такие как колебания частоты и громкости, могут указывать на эмоциональное напряжение, связанное с обманом. Эмоции вызывают повышение или снижение тональности голоса [6, 21]. Эти изменения помогают идентифицировать состояние обследуемого. Например, метод обнаружения эмоций по голосу, предложенный О.О. Басовым, И.А. Сайтовым включает измерение интенсивности голоса, темпа и интонации. На основе этих данных генерируются сигналы, отражающие соответствующие эмоции [6]. Данный метод рекомендуется использовать в комплексе с другими разработками для повышения его точности.

Также, одним из перспективных направлений данного подхода является анализ мимики обследуемого в ситуации проведения ПФИ с применением полиграфа. Мимическая активность, как более специфичный и менее подверженный волевому контролю индикатор эмоционального состояния, может служить дополнением к стандартным показателям, увеличивая надёжность выводов. Научные исследования показывают, что микроэкспрессии являются спонтанными реакциями на эмоциональные стимулы, которые трудно подавить.

По мнению П. Экмана, анализ невербальных проявлений является достаточно информативным, и предлагается использовать его в верификации лжи.

На сегодня известны методы, которые позволяют исследовать неосознаваемые эмоциональные реакции. Один из таких методов – это электромиография лица, где движения лицевых мышц фиксируются с помощью электродов.

Более современный метод оценки – это использование системы кодирования эмоциональных состояний. Одна из таких разработок была создана в 1978г. Экманом и его коллегой Фризенем. Данная система – FACS (Facial Action Coding System) – способна распознавать и записывать в буквенно-цифровых значениях любые проявления эмоций человека. Разработка FACS стала использоваться во многих системах, отслеживающих мимику человека. На основе данного продукта создан FaceReader – это программа, разработанная компанией Noldus

Information Technology, которая использует зрение искусственного интеллекта для распознавания базовых эмоций: счастье, гнев, злость, отвращение, презрение и удивление.

FaceReader проста в использовании, способна поддерживать практически любой формат видео, оснащена множеством вариантов фальсификации лицевых движений испытуемого: в актуальном времени, покадрово, во время пуска видеозаписи. Программа имеет высокий уровень оптимизации, что делает её работу стабильной и позволяет работать с объёмными видеофайлами.

В последние два десятилетия появились коммерческие варианты компьютерных систем для автоматизированного анализа выражения эмоций, такие как FaceReader (Noldus Information Technology, Нидерланды), EmoDetect (Нейроботикс, Россия), FacialAffectScoringTechnique (Калифорния), Amazon Rekognition, аналогичные разработки компаний Affectiva, Microsoft. Подобные системы востребованы для оценки персонала, контроля бдительности, нейромаркетинга, судебно-психологической экспертизы, проведения научных исследований [5]. Ранее такие задачи решались высоко квалифицированными экспертами в области анализа поведения. Такая работа крайне сложна и трудоёмка. С лавинообразным ростом видеоконтента и явным недостатком экспертов использование компьютерных систем, способных надёжно оценивать лицевые экспрессии по видеозаписи, стало весьма актуальным.

Заключение

В России растёт интерес к использованию полиграфа, особенно в научной сфере. Специалистами активно исследуются возможности его применения, в том числе, в комплексе с другими современными технологиями для получения более объективных результатов и развития данной отрасли в науке.

На сегодня психофизиологические исследования с применением полиграфа имеют ограничения, вызванные отсутствием единой методологии, это также относится к значительным отличиям в подходах. Кроме этого, следует упомянуть о сложности создания единого механизма по систематизации и обработке полученных данных для комплексных исследований, в концепцию которых включена проверка на полиграфе. Также имеются нормативно – правовые сложности, из-за недостатка правовой обоснованности использования результатов ПФИ в качестве доказательств. Точность полиграфных проверок вызывает скептицизм к ме-

тоту инструментальной детекции лжи у специалистов, так как сами результаты проверки могут зависеть от многих факторов: состояние аппаратуры, организационные проблемы, противодействие проверке обследуемым лицом, квалификация специалиста, возможное упущение специалистом определенных сигналов в поведении обследуемого.

Для решения ряда проблем требуется дальнейшее изучение применения полиграфа. Предполагается, что объединение данного технического средства с методами, такими как анализ мимики, анализ акустических характеристик голоса, айтрекинг, ЭЭГ и fMRI, может значительно повысить достоверность исследований с применением полиграфа.

Список литературы:

1. Айдаркин Е.К., Кундупьян О.Л., Старостин А.Н. Современные методы оценки состояния человека: учебное пособие // Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону. Таганрог: Издательство Южного федерального университета, –2024. – 300 с.
2. Андрианова О. Ю. Процессуальные возможности применения полиграфа при расследовании уголовных дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России, –2013. – № 23. –С. 37–40.
3. Арефьева О.В., Гайдамашко И.В. Основания для психофизиологических исследований кандидатов на службу в органы внутренних дел с применением полиграфа // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2022. – Т. 27. – №4 (9). – С. 446–455.
4. Афонин А.И., Сычев М.П., Холодный Ю.И. Исследования с применением полиграфа. Наука и образование. МГТУ им. Н.Э. Баумана. – 2015. – № 9. – С. 17–28.
5. Баев М.С., Гусев А.Н., Кремлев А.Е. Анализ лицевых экспрессий: от нейросетевой классификации эмоций к моделированию восприятия эксперта. [Электронный ресурс]. <https://habr.com/ru/articles/703450/> (дата обращения: 16.11.2024).
6. Басов О.О., Сайтов В.А., Ягупов В.А. Способ обнаружения эмоций по голосу: пат. № 2510955 Российской Федерации: МПК G10L 15/00 [О. О. Басов, И. А. Сайтов, В. А. Ягупов]; патенто-обладатель гос. казенное образовательное учреждение высш. проф. образования Академия ФСО России. – № 2012109382/08; заявл. 12.03.2012, опубл. 10.04.2014. Бюл. № 10. – 9 с.
7. Варламов В.А. Детектор лжи. Краснодар: ГУВД Краснодарского края. – 1998. – С. 8 – 19.
8. Варламов В.А. Тесты полиграфных проверок / В. А. Варламов, В. В. Коровин, Г. В. Варламов; под ред. А.Г. Сапрунова; ГУВД Ставропольского края. Краснодар, – 2001. – 160 с.
9. Исайчев Е.С., Исайчев С.А. Методологические аспекты инструментальной «детекции лжи» // Мир психологии. – 2016. – №4(88). – С. 202–214.
10. Исаева, К.А. Отдельные проблемы использования полиграфа / К. А. Исаева // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2013. – Т. 13, – № 1. – С. 20-24
11. Иванов Р.С. Индивидуальный симптомокомплекс как инструмент интерпретации результатов психофизиологического исследования с применением полиграфа. // Национальный психологический журнал. – 2014. – №3(15) – С. 90–97.
12. Комиссарова Я.В. Основы полиграфологии. Учебник для магистров. Издательство «Прспект», – 2019. – 256 с.
13. Кочетков М.В. Возможности современных полиграфных устройств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2009. – №2(4). – С. 131 – 142.
14. Кузнецов И., Лунгу А., Особенности применения полиграфа в Израиле. // Закон и жизнь. – 2022. – С. 116–123.
15. Купцова Д.М., Каменсков М.Ю. Теоретическая модель тестирования на полиграфе: проблемы // Психология и право. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 126—138.
16. Майлс П.Н., Холодный Ю. И., «Некоторые теоретические аспекты технологии исследований с применением полиграфа». // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения, – 2021. – №1. – С. 147– 52.
17. Могутин Р.И. Использование полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений / Р. И. Могутин, М.В. Субботина. Волгоград, – 2005. – 84 с.
18. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Современные технологии применения полиграфа // Часть.2 М.: Издательство АНО ДПО «Центр прикладной психофизиологии», – 2015. – 320 с.
19. Саденков Р.Р. Актуальные аспекты применения психофизиологических методов исследования с использованием полиграфа при осуществлении мер государственной защиты в отношении участников уголовного судопроизводства // Вопросы безопасности. – 2023. – №2. – С. 82–93.

20. Ушаков А.Ю. Международный опыт применения полиграфа в борьбе с преступностью. Проблемы правоохранительной деятельности, – 2015. – № 4. – С. 110–112.
21. Фрай О. Ложь: три способа выявления, как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи: [пер. с англ.] / Олдерт Фрай. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, – 2006. – 284 с.
22. The polygraph and lie detection, DC: The National Academy Press. Washington. – 2002. 416 – с.

N.V. Azarova, A.V. Khavylo
**ANALYSIS OF DEVELOPMENT AND PROSPECTS OF POLYGRAPH USE IN
PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATION**

Abstract. The article presents a historical overview of the development of the method of psychophysiological research using a polygraph. The paper analyzes modern approaches to polygraph use, the main problems and prospects for further development of this area. The concepts of domestic specialists are considered: A.B. Pelenitsyn, P.V. Simonov, V.A. Varlamov, Yu.I. Kholodny. To date, psychophysiological studies using a polygraph face a number of limitations. The main problems are regulatory and legal difficulties associated with the insufficient legal validity of using the results of a psychophysiological study using a polygraph as evidence. In addition, the accuracy of polygraph tests is questionable among experts. This relates to the fact that the results of the verification depend on many factors, including organizational and methodological problems: very often the problems of practical use of any applied method, including polygraph testing, are associated not so much with internal technique defects, but mainly with its improper application.

Special attention is paid to analogs of recording the functional state of a person and their possible integration into complex studies using a polygraph: analysis of acoustic messages, electroencephalography, functional magnetic resonance imaging, eye tracking, facial expression analysis.

Key words: polygraph, psychophysiological research with polygraph use, instrumental lie detection, EEG, fMRI, eye-tracker, facial expression analysis, FaceReader.

References:

1. Aidarkin E.K., Kundupyan O.L., Starostin A.N. Modern methods of assessing human condition: tutorial // Southern Federal University. Rostov-on-Don. Taganrog: Publishing House of Southern Federal University, -2024. - 300 p.
2. Arefieva O.V., Gaidamashko I.V. Grounds for psychophysiological studies of candidates for service in internal affairs bodies using polygraph // Psychopedagogy in law enforcement agencies. - 2022. - Vol. 27. - No. 4 (9). - P. 446-455.
3. Afonin A.I., Sychev M.P., Kholodny Yu.I. Research using polygraph. Science and education. Bauman Moscow State Technical University. – 2015. – No. 9. – P. 17—28.
4. Baev M.S., Gusev A.N., Kremlev A.E. Analysis of facial expressions: from neural network classification of emotions to modeling of expert perception. [Electronic resource]. <https://habr.com/ru/articles/703450/> (date of application: 16.11.2024).
5. Basov O.O., Saitov V.A., Yagupov V.A. Method for detecting emotions by voice: patent. No. 2510955 of Russian Federation: IPC G10L 15/00 [O.O. Basov, I.A. Saitov, V.A. Yagupov]; patent holder state public educational institution of higher prof. education Academy of Federal Security Service of Russia. – No. 2012109382/08; appl. 12.03.2012, published 10.04.2014. Bulletin No. 10. – 9 p.
6. Varlamov V.A. Lie detector. Krasnodar: Main Department of Internal Affairs of Krasnodarskiy Krai. – 1998. – P. 8 – 19.
7. Varlamov V.A. Polygraph tests / V.A. Varlamov, V.V. Korovin, G.V. Varlamov; edited by A.G. Saprunov; Main Department of Internal Affairs of Stavropol Krai. Krasnodar, – 2001. – 160 p.
8. Isaichev E.S., Isaichev S.A. Methodological aspects of instrumental “lie detection” // World of Psychology. – 2016. – No. 4 (88). – P. 202–214.
9. Isaeva, K.A. Certain problems of using polygraph / K.A. Isaeva // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. - 2013. - Vol. 13, - No. 1. - P. 20-24
10. Ivanov R.S. Individual symptom complex as tool for interpreting results of psychophysiological study using polygraph. // National Psychological Journal. - 2014. - No. 3 (15) - P. 90-97.
11. Komissarova Ya.V. Fundamentals of polygraph science. Textbook for masters. Publishing House “Prospekt” - 2019. - 256 p.

12. Kochetkov M.V. Possibilities of modern polygraph devices // Bulletin of Siberian Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2009. - No. 2 (4). - P. 131 – 142.
13. Kuznetsov I., Lungu A. Features of polygraph use in Israel. // Law and Life. – 2022. – P. 116–123.
14. Kuptsova D.M., Kamenskov M.Yu. Theoretical model of polygraph testing: problems // Psychology and Law. – 2020. – Vol. 10. – No. 4. – P. 126–138.
15. Miles P.N., KholodnyYu.I., “Some theoretical aspects of polygraph research technology”. // Crime investigation: problems and solutions, – 2021. – No. 1. – P. 147–52.
16. Mogutin, R.I. Use of polygraph in solving and investigating crimes / R.I. Mogutin, M.V. Subbotina. Volgograd, – 2005. – 84 p.
17. Aldert F. Lie: three ways to identify, how to read liar's thoughts, how to fool lie detector: [translated from English] / Aldert Fry. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, – 2006. – 284 p.
18. Pelenitsyn A.B., Soshnikov A.P. Modern technologies for using polygraph // Part.2 M.: Publishing house of ANO DPO “Center for Applied Psychophysiology”, – 2015. – 320 p.
19. Sadenkov R.R. Actual aspects of application of psychophysiological research methods using polygraph in implementation of state protection measures in relation to participants of criminal proceedings // Security Issues. – 2023. – No. 2. – P. 82–93.
20. Ushakov A.Yu. International experience of using polygraph in fight against crime. Problems of law enforcement activity, – 2015. – № 4. –P. 110–112.
21. Yuryevna, O.A. Procedural possibilities of using polygraph in investigation of criminal cases // Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, –2013. – № 23. –P. 37–40.
22. The polygraph and lie detection. – Washington, DC: The National Academy Press. – 2002. 416 – p.

Статья поступила в редакцию 2.12.2024 г.

Т.И. Григорьева, А.Е. Фомин

РАЗЛИЧИЯ В ВИДАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ У СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ НАРЦИССИЗМА

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию различий в видах психологических защит у студентов с разными типами нарциссизма: деструктивным, конструктивным и дефицитарным. Для этого было проведено исследование, цель которого, заключалась в выявлении особенностей использования защитных механизмов психики у студентов с разными типами нарциссизмом. В статье рассматриваются такие психологические защиты, как проекция, регрессия, отрицание, интеллектуализация, подавление, реактивное образование, компенсация и замещение. В рамках работы анализируются особенности применения защитных механизмов психики у студентов с каждым из типов нарциссизма, а также их связь с личностными и социальными характеристиками. Для этого было проведено исследование, в котором был применен комплекс диагностических методик, включающий опросники для выявления типа нарциссизма и выраженности психологических защит психики. В статье представлены результаты исследования, обработанные с помощью метода ранговой корреляции Спирмена. На основе анализа полученных данных исследования, описывается взаимосвязь каждого типа нарциссизма с каждым отдельно взятым видом психологической защиты.

Ключевые слова: нарциссизм, психологические защиты, конструктивный нарциссизм, деструктивный нарциссизм, дефицитарный нарциссизм, студенты.

Массовое современное общество, с его стремлением навязывать перепроизводство и перепотребление, культ гламура и всеобщей эстетизацией жизни, а также акцент на внешние признаки высокого статуса и успеха, формирует определенную структуру личности, в психоанализе получившую название нарциссической. Среди всех психотипов именно она наиболее востребована в современных условиях. Фактически нарциссические нарушения являются наиболее типичными нарушениями для конца XX века и столь же распространены, как и истерические нарушения в конце XIX века [12].

Жан Бодрийяр — французский социолог, культуролог и философ в своей работе «система вещей» пишет следующие: «В современном обществе подобный нарциссизм является принудительным. Человека буквально заставляют любить себя и использовать свое тело как сцену, на которой будут демонстрироваться определенные знаки, показывающие статус личности. Через данные атрибуты успешности индивид может восхищать друга что довольно свойственно нарциссам, а также тешить свое самолюбие посредством определенного предмета, испытывая при этом пассивно нарциссическое самообольщение» [2].

Также в современном обществе наблюдается заметное возрастание индивидуализма, что является отражением изменений в социальной структуре и культурных ценностях. Нарциссизм и индивидуализм тесно связаны как культурные

и психологические явления, отражающие акцент на личной значимости и независимости.

Рост направленности современного общества на индивидуализм подтверждают в своем исследовании «Индивидуализм в современном обществе» Ващенко И.С. и Рыкалина Е.Б. Из полученных данных авторы делают следующий вывод, что с каждым годом идеология индивидуализма прогрессирует, все больше и больше укореняясь в сознании людей. Этот рост будет продолжаться и дальше. Уходят в прошлое такие качества как отзывчивость, взаимовыручка, коллективное сознание [3].

Нарциссический тип личности является символом перехода от «ограниченного» индивидуализма к «тотальному». Трансформация индивидуализма в своей миниатюре проявляется в феномене персонализации, т. е. обезличенности, пустоте. Для нарциссического человека потерял смысл и значимость социального начала, и даже если не совсем потерял, то смещен в сторону его гедонистического толкования. На смену традиционно понимаемому индивидуализму пришел гедонистический, психологический индивидуализм, считающий главной ценностью личные достижения. Нарцисса больше не интересуют в большей степени политические, социальные проблемы, главенствующее место занимают личностные, психологические, связанные с заботой о себе, своей самости, собственном благополучии [4].

Несмотря на распространенность нарциссизма в современном обществе, он часто вос-

принимается как негативная черта, что приводит к стигматизации людей с нарциссическими тенденциями. Это предвзятое отношение формируется под влиянием общественных стереотипов, которые связывают нарциссизм с эгоизмом, манипуляцией и отсутствием эмпатии. Вместо того чтобы попытаться понять корни поведения нарциссов и предложить поддержку, общество часто их отвергает и осуждает, что лишь усугубляет внутреннюю борьбу, увеличивает чувство изоляции и сподвигает нарциссичных людей на выстраивание психологических защит, чтобы справиться с уязвимостью и внутренним страхом. Психологические защиты, такие как проекция, идеализация и обесценивание, позволяют сохранять иллюзию совершенства и контролировать восприятие окружающих.

Сам нарциссизм как феномен активно изучается, однако защитные механизмы психики, используемые нарциссами, остаются недостаточно исследованными. Углубленное изучение защитных механизмов психики у нарциссичных людей может помочь не только в разработке более эффективных методов психотерапевтического воздействия на нарциссов, но и в сопутствующей терапии для их окружения.

В связи с недостаточной изученностью защитных механизмов психики у нарциссичных личностей нами было проведено исследование, в котором приняло участие 58 студентов. Целью нашего исследования было определить какие виды психологических защитных механизмов используют студенты с разным типом нарциссизма. В России наиболее используемым опросником для выявления психологических защитных механизмов является «Индекс жизненного стиля», созданный Робертом Плутчиком и его сотрудниками Келлерманом и Конте в 1979 году. В теории Плутчика защиты Я, стили совладания, личностные расстройства ставятся в соответствие базовым эмоциям, рассматриваемым как комплексные психобиологические процессы. Специфические защитные механизмы образуются для совладания со специфическими эмоциями. Предполагается, что личности с сильно выраженными чертами характера пользуются определенными защитными механизмами как средствами совладания с жизненными проблемами. После разработки опросника были проведены исследования с участием психиатров и экспертов-клиницистов, результаты исследования были подвергнуты факторному анализу и было выделено 8 базовых защитных механизмов: отрицание, проекция, регрессия,

замещение, подавление, интеллектуализация, реактивное образование, компенсация [9].

Для того, чтобы определить у испытуемых тип нарциссизма был взят «Я-структурный тест» Гюнтера Аммона – это клиническая тестовая методика, разработанная в 1997 году и адаптированная НИПНИ им. Бехтерева Ю.А. Тупицыным и его сотрудниками. Согласно теории структуры личности Аммона, психические процессы основываются на отношениях, а структура личности является отображением этой совокупности отношений. Структура личности и психики определяется набором выраженных в той или иной степени «Я-функций», вместе составляющих идентичность. В методике Аммона шкалы группируются по шести основным Я-функциям, на диагностику которых они и направлены. Это агрессия, тревога или страх, внешнее отграничение Я, внутреннее отграничение Я, нарциссизм и сексуальность. Каждая из этих функций, по Аммону, может быть конструктивной, деструктивной и дефицитарной - что и измеряется соответствующими шкалами.

В данной методике нас интересовала шкала измерения типов нарциссизма, и для исследования мы использовали только ее.

Описывая нарциссизм как я-функцию Аммон говорит о том, что нарциссизм определяет отношение человека к самому себе, ощущение ценности и значимости, исходя из которых строится взаимодействие с окружающим миром. Это касается как ощущения ценности себя целого, так и отдельных частей тела (например, руки), психических функций (например, эмоциональных переживаний), социальных ролей и т.д. В случае патологических взаимоотношений в значимых социальных группах нарциссизм приобретает патологическую выраженность, в результате которой личность, например, может спастись бегством от реальности в мире собственных фантазий.

Вслед за Фрейдом [11], Аммон рассматривает первичный нарциссизм как первичную конструктивную потребность человека и результат интернализации уникального опыта взаимодействия с окружающими.

Аммон утверждает, что нарциссизм становится патологическим — деструктивным или дефицитарным в связи со специфическим негативным опытом, полученным в семье, но различает эти два вида нарциссизма. Дефицитарный нарциссизм является эволюцией деструктивного и его усугублением в результате патологической динамики. При деструктивном нарциссизме нарушено отношение человека к самому се-

бе, а вследствие к окружающему миру и людям. Такие люди неадекватно оценивают свои способности, а именно чередуют представления о своих возможностях от грандиозных до ничтожных. В то время как при дефицитарном нарциссизме у человека отсутствует устойчивое отношение к себе, то есть отсутствует представление о себе как о личности в целом. Аммон отмечает, что дефицитарный нарциссический индивид не может серьезно воспринимать свои мысли, чувства и действия, а также отстаивать их.

Кроме того, Аммон исследует конструктивный нарциссизм, который предполагает способность с любовью относиться к себе и своему бессознательному. Конструктивный нарциссизм включает в себя позитивное представление человека о себе, как чувство собственной важности и значения, как основную потребность каждого человека и необходимый компонент идентичности. При этом речь идет не о самолюбова-

нии, а о той форме любви к себе, которая сопутствует радостному, страстному утверждению своей телесности, своих интересов, духовности и идей, которые как подлинно свои, как радостные и с эротической напряженностью могут переживаться и передаваться другим [5]. Человек с конструктивным нарциссизмом имеет высокую или завышенную самооценку, склонен непоколебимо верить в себя и свои возможности.

В рамках проведенного нами исследования результаты анализа данных были представлены с использованием метода ранговой корреляции Спирмена. Этот статистический подход позволяет выявить взаимосвязь между переменными, измеренными в порядковой шкале или не соответствующими нормальному распределению.

Описание результатов взаимосвязей деструктивного нарциссизма с психологическими защитными механизмами:

Таблица 1 – Описание результатов взаимосвязей деструктивного нарциссизма с психологическими защитными механизмами

	Число - набл.	Спирмена - r	p-уров.
Деструктивный нарциссизм / Замещение	58	0,294	0,025
Деструктивный нарциссизм / Компенсация	58	0,167	0,211
Деструктивный нарциссизм/ Реактивное образование	58	0,053	0,694
Деструктивный нарциссизм / Подавление	58	0,341	0,009
Деструктивный нарциссизм / Отрицание	58	-0,481	0,000
Деструктивный нарциссизм / Интеллектуализация	58	-0,227	0,086
Деструктивный нарциссизм / Проекция	58	0,378	0,003
Деструктивный нарциссизм / Регрессия	58	0,411	0,001

В таблице 1 представлены результаты исследования взаимосвязей между деструктивным нарциссизмом и различными механизмами психологической защиты, рассчитанные с использованием коэффициента корреляции Спирмена (r).

Статистически значимая положительная связь выявлена с такими механизмами психологической защиты, как:

Замещение ($r=0,294$, $p=0,025$) — слабая положительная корреляция. Данный механизм связан с переносом эмоций или импульсов на более безопасный объект. Для людей с деструктивным нарциссизмом это может быть типичным способом справиться с фрустрацией или угрозами их самооценке, так как замещение позволяет сохранить образ собственного превосходства без прямой конфронтации.

Подавление ($r=0,341$, $p=0,009$) — умеренная положительная корреляция, может объясняться тем, что нарциссические личности часто

стараятся избежать осознания негативных чувств, которые могут повредить их грандиозный образ себя [10]. Подавление помогает игнорировать или избегать внутреннего конфликта, защищая эго от дискомфорта.

Проекция ($r=0,378$, $p=0,003$) — умеренная положительная корреляция. Для нарциссических личностей проекция может быть механизмом самозащиты, позволяющим приписывать свои недостатки, агрессию или неудачи другим людям. Это помогает сохранять чувство собственной непогрешимости и избегать ответственности за негативное поведение [10].

А с защитным механизмом регрессии установлена наибольшая положительная связь ($r=0,411$, $p=0,001$), что предполагает возвращение к более инфантильным формам поведения, это может быть связано с тем, что люди с деструктивным нарциссизмом склонны избегать зрелого решения проблем.

Причём наиболее сильная отрицательная связь наблюдается с механизмом отрицания ($r = -0,481$), объясняется это тем, что личности с деструктивным нарциссизмом склонны фиксироваться на своих проблемах. Вместо отрицания они предпочитают более активные механизмы защиты, например такой как проекция, что позволяет привлекать внимание или оправдывать своё поведение.

Полученные результаты подчеркивают, что деструктивный нарциссизм тесно связан с эмоциональными и когнитивными стратегиями, направленными на сохранение собственного "Я" в условиях угрозы или дискомфорта. В таблице 2 представлены результаты анализа взаимосвязей конструктивного нарциссизма с различными механизмами психологической защиты, рассчитанные с использованием коэффициента корреляции Спирмена (r).

Таблица 2 – Описание результатов взаимосвязей конструктивного нарциссизма с психологическими защитными механизмами

	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
Конструктивный нарциссизм / Замещение	58	-0,05	0,684
Конструктивный нарциссизм / Компенсация	58	0,18	0,168
Конструктивный нарциссизм / Реактивное образование	58	-0,30	0,022
Конструктивный нарциссизм / Подавление	58	-0,34	0,01
Конструктивный нарциссизм / Отрицание	58	0,47	0,000
Конструктивный нарциссизм / Интеллектуализация	58	0,06	0,676
Конструктивный нарциссизм / Проекция	58	0,02	0,904
Конструктивный нарциссизм / Регрессия	58	-0,06	0,668

Статистически значимые отрицательные корреляции выявлены с механизмами реактивного образования ($r = -0,30$, $p = 0,022$) и подавления ($r = -0,34$, $p = 0,01$). Наиболее сильная положительная связь наблюдается с механизмом отрицания ($r = 0,47$, $p = 0,000$).

Конструктивный нарциссизм характеризуется более здоровой и зрелой формой самооценки, что отражается в выборе защитных механизмов. Полученные результаты могут указывать на то, что конструктивный нарциссизм снижает использование защитных стратегий, связанных с избеганием (реактивное образование, подавление), но, напротив, усиливает использование такого механизма как отрицание, это может быть связано с желанием избежать признания негативной информации о себе или окружающем мире, так как она может угрожать их позитивному восприятию себя. Отрицание позволяет сохранять внутреннюю гармонию и устойчивую самооценку, а также поддерживать позитивный образ конструктивного нарцисса в

глазах окружающих. В качестве механизма психологической защиты отрицание реализуется при любых внешних конфликтах и характеризуется выраженным искажением восприятия действительности, когда индивид не воспринимает информацию, противоречащую его основным установкам, представлению о мире и самом себе [7].

Выявленные результаты также подчеркивают, что люди с конструктивным нарциссизмом предпочитают более зрелые стратегии поведения, что подтверждает отрицательная взаимосвязь с подавлением и реактивным образованием и указывает на их склонность к более свободному выражению эмоций по сравнению с другими типами нарциссизма, а также избеганию конфликтов внутри себя.

Описание результатов взаимосвязей дефицитарного нарциссизма с психологическими защитными механизмами представлено в Таблице 3. Корреляция рассчитана с использованием коэффициента Спирмена (r).

Таблица 3 – Описание результатов взаимосвязей дефицитарного нарциссизма с психологическими защитными механизмами

	Число - набл.	Спирмена - R	p-уров.
Дефицитарный нарциссизм / Замещение	58,0	0,286	0,030
Дефицитарный нарциссизм / Компенсация	58,0	0,152	0,254
Дефицитарный нарциссизм / Реактивное образование	58,0	0,033	0,805
Дефицитарный нарциссизм / Подавление	58,0	0,257	0,052
Дефицитарный нарциссизм / Отрицание	58,0	-0,483	0,000
Дефицитарный нарциссизм / Интеллектуализация	58,0	-0,133	0,319
Дефицитарный нарциссизм / Проекция	58,0	0,185	0,165
Дефицитарный нарциссизм / Регрессия	58,0	0,287	0,029

Статистически значимые положительные связи выявлены с защитными механизмами замещения ($r = 0,286$, $p = 0,030$) и регрессии ($r = 0,287$, $p = 0,029$). Замещение может помочь справиться с чувством неполноценности, позволяя переносить фрустрацию. Регрессия – это возврат на более раннюю стадию развития или к более примитивным формам поведения, мышления, выбор это механизма характеризует личность инфантильную и невротическую [7]. Такая стратегия использования защитных механизмов даёт временное облегчение от стресса и чувство контроля.

Статистически значимая отрицательная связь наблюдается с защитным механизмом отрицания ($r = -0,433$, $p = 0,000$), это говорит о том, что люди с дефицитарным нарциссизмом могут не использовать данный защитный механизм из-за их склонности к фиксации на своих проблемах и недостатках. Как правило, они не игнорируют негативные аспекты своей личности или реальности, а наоборот, заостряют на них внимание, что усиливает чувство неполноценности.

Отсутствие значимых связей с более зрелыми защитными механизмами психики, такими как, например, интеллектуализация, отражает трудности в рациональной переработке своих

переживаний. Вместо этого используются более базовые механизмы, соответствующие эмоциональной уязвимости дефицитарных нарциссов.

По итогам исследования можно сделать следующий вывод, что тип нарциссизма (деструктивный, конструктивный или дефицитарный) определяет характер взаимосвязи с различными защитными механизмами.

Три типа нарциссизма различаются в использовании защитных механизмов. Конструктивный нарциссизм характеризуется зрелыми стратегиями защиты психики, тогда как деструктивный и дефицитарный нарциссизм приводит к использованию более примитивных защит. Деструктивный нарциссизм ориентирован на защиту через регрессию и внешнюю проекцию, а дефицитарный – через уход в инфантильные формы реагирования. Примитивные механизмы защиты, такие как проекция, регрессия или замещение, формируются на ранних стадиях развития, тогда же и возникает нарциссическая травма личности из-за различных неблагоприятных факторов (например, неудовлетворение потребностей младенца или отсутствие поддержки), в связи с этим человек еще с детства фиксируется на использовании защитных механизмов психики характерных для ребенка.

Список литературы:

1. Аксёникова Е.В. Я-структурная теория личности Г. Аммона // *Философия и социальные науки: Научный журнал*. – 2010. - № 3. – С. 13-18.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей // Пер. с фр. С.Н. Зенкин // *Издательство: Рипол-Классик, 2022*. – 256 с.
3. Ващенко И.С., Рыкалина Е.Б. Индивидуализм в современном обществе // *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2013. - Том 3. №7. - С. 856-858
4. Жукова О.И., Жуков В.Д. «Нарциссический человек» как символ современного социума // *Вестник Кемеровского государственного университета*. - 2015 № 1 (61) Т. 2 – 2 с.
5. Кабанов М.М., Незнанов Н.Г. Очерки динамической психиатрии. Транскультуральное исследование // *СПб.: Институт имени В.М. Бехтерева, 2003* – 41 с.
6. Клепикова Н.М. Нарциссизм как объект дифференциальной психометрики // *Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета»*. 2013. №4 (14). – 5-13 с.

7. Климонтова О.А. Механизмы психологической защиты // Вестник науки и творчества. - 2018 – С. 36 -38.
8. Индекс жизненного стиля // Psylab.info/ Энциклопедия психодиагностики. https://psylab.info/Методика_«Индекс_жизненного_стиля» [Дата обращения – 17.11.2024]
9. Пантилеев С.Р., Жилина Е.Ю. Методика диагностики защитных механизмов личности // Вст. Моск. У-Т. С. 14. Психология. 2009. № 1– 69-70 с.
10. Розенфельд Г. Деструктивный нарциссизм и инстинкт смерти // Журнал практической психологии и психоанализа год издания и номер журнала: 2008 №4 <https://psyjournal.ru/articles/destruktivnyy-narcissizm-i-instinkt-smerti>[Дата обращения – 25.11.2024]
11. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности, - Минск, БелСЭ, 1990– 120-127 с.
12. Хломов Д. Индивидуальная история нарциссизма // Гештальт-97. М.: МГИ, 1997– 24 -28 с.
13. Я-структурный тест Аммона // Psylab.info/ Энциклопедия психодиагностики. https://psylab.info/Я-структурный_тест_Аммона [Дата обращения – 17.11.2024]

T.I. Grigorieva, A.E. Fomin

DIFFERENCES IN TYPES OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE OF STUDENTS WITH DIFFERENT TYPES OF NARCISSISM

Abstract. This article is devoted to the study of differences in the types of psychological defenses of students with different types of narcissism: destructive, constructive and deficit. For this purpose, a study was conducted, the purpose of which was to identify the features of the use of psychological defense mechanisms among students with different types of narcissism. The article considers such psychological defenses as projection, regression, denial, intellectualization, suppression, reactive formation, compensation and substitution. Within the framework of the work, the features of the use of psychological defense mechanisms among students with each type of narcissism are analyzed, as well as their relationship with personal and social characteristics. For this purpose, a study was conducted in which a set of diagnostic methods was used, including questionnaires to identify the type of narcissism and the severity of psychological defenses of the psyche. The article presents the results of the study processed using the Spearman rank correlation method. Based on the analysis of the obtained research data, the relationship between each type of narcissism and each individual type of psychological defense is described.

Key words: narcissism, psychological defenses, constructive narcissism, destructive narcissism, deficit narcissism, students.

References:

1. Aksyonchikova E.V. Self-structural theory of personality by G. Ammon // Philosophy and Social Sciences: Scientific Journal. - 2010. - № 3. - P. 13-18.
2. Baudrillard J. System of things // Translated from Fr. S.N. Zenkin// Publisher: Ripol-Classic, 2022. – 256 p.
3. Vashchenko I.S., Rykalina E.B. Individualism in modern society // Bulletin of Medical Internet conferences 2013 Vol. 3 No. 7 – 856-858 p.
4. Zhukova O.I., Zhukov V.D. “Narcissistic man” as symbol of modern society // Bulletin of Kemerovo State University 2015 № 1 (61) Vol. 2 – 2 p.
5. Kabanov M.M., Neznanov N.G. Sketches of dynamic psychiatry. Transcultural research // St. Petersburg: V.M. Bekhterev Institute, 2003 – 41 p.
6. Klepikova N.M. Narcissism as object of differential psychometrics // Electronic journal “Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University” №4(14) 2013 – 5-13 p.
7. Klimontova O.A. Mechanisms of psychological defense // Journal: Bulletin of Science and Creativity 2018 – 36 -38 p.
8. Methodology «Lifestyle Index» // Psylab.info/ Encyclopedia of Psychodiagnostics. https://psylab.info/Методика_«Индекс_жизненного_стиля». [date of application - 17.11.2024]
9. Pantileev S.R., Zhilina E.Y. Methodology of diagnostics of personality defense mechanisms // Bul. Mosc. Uni. P. 14. Psychology. 2009. № 1 – 69-70 p.

10. Rosenfeld G. Destructive narcissism and death instinct // Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. Year of publication and journal number: 2008 №4 <https://psyjournal.ru/articles/destruktivnyy-narcissizm-i-instinkt-smerti>. [date of application - 25.11.2024]
11. Freud Z. Essays on Psychology of Sexuality, - Minsk, BelSE, -1990. 120-127 p.
12. Khlomov D. Individual history of narcissism // Gestalt-97. MOSCOW: MGI, 1997 – 24 -28 p.
13. Ammon's self-structural test // Psylab.info/ Encyclopedia of Psychodiagnostics. https://psylab.info/Я-структурный_тест_Аммона [date of application - 17.11.2024].

Статья поступила в редакцию 7.12.2024 г.

Р.И. Хотеева, Л.В. Скоркина, В.И. Честных
**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ**

Аннотация. В статье представлен анализ современных социально-психологических аспектов поддержки многодетных семей и результаты пилотажного исследования.

Анализ современных методологических подходов ряда авторов позволил нам выявить особенности проведения демографической политики в Российской Федерации в период вызовов и кардинальной трансформации института демографии и семьи. Согласно исследованиям ряда авторов, занимающихся данной проблемой, были выделены основные социально-психологические проблемы, связанные с многодетностью и факторы, определяющие эффективность государственной поддержки многодетных семей.

С учётом проведенного теоретического анализа было проведено пилотажное исследование с использованием Google-формы, позволяющее выявить имеющиеся проблемы на примере многодетных семей из Калужской области, а также выяснить их гражданскую позицию и социальное отношение к статусу «многодетная семья», удовлетворенность от получаемой государственной помощи. Результаты исследования показывают, наиболее важными проблемами остаются: возможность дать своим детям качественное образование и обеспечить достойную жизнь своей семье.

Ключевые слова: демографическая политика РФ; многодетная семья; меры государственной поддержки многодетных семей; социальная поддержка многодетной семьи.

Актуальность

Государство испокон веков поддерживает многодетные семьи, ведь это увеличивает население, помогает видоизменять социальные законы, наращивает патриотизм, увеличивает мощь страны. Современная Россия называет многодетными те семьи, в которых трое и больше детей, для них родина утверждает законопроекты по поддержке многодетных семей, такие как: повышенный налоговый вычет, субсидия на погашение ипотеки, досрочная пенсия, культурно-массовые мероприятия для семейного времяпрепровождения, регулярные выплаты и пособия, законы о расширении жилища, постоянно растущий материнский капитал, льготы при поступлении, льготы в культурно-развлекательных учреждениях.

Социальный статус в глазах общественности у многодетных семей высок, это звание является почетным, есть даже награды для «матерей героинь». Россия в любые годы своего существования поощряла деторождение, крепкие полные семьи. Еще два поколения назад считалось нормой иметь от десяти детей в семье, чтобы все жили вместе, помогали друг другу, по мере взросления разъезжались, не теряя связи, создавали по всей стране новые, многодетные семьи. Из-за экономических, социальных, психологических, политических, экологических проблем многодетность в семьях довольно часто нуждается в поддержке государства, поэтому с учетом современной демографической ситуации оказание помощи много-

детным семьям является важнейшей государственной задачей.

Однако, многодетная семья как особый социальный институт является наиболее уязвимой категорией населения. Часто такие семьи имеют существенные ограничения в доступе к жизненно важным благам, высокий уровень бедности, проблемы обеспечения жильем, качественной медицинской помощью, получения образования детьми [7, с.80].

Теоретический анализ

Проблемам семейной политики и ее формирования посвящены труды российских ученых А.И. Антонова, А.В. Артюхова, А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, С.И. Голода, Т.А. Гурко, С.В. Дармодехина, В.В. Елизарова, Г.И. Климантовой, М.С. Мацковского, В.М. Медкова, Г.В. Мухамедзяновой, А. И. Пьянова, М.С. Римашевской, А.Б. Синельникова, А.Г. Харчева, а также западных исследователей R. Ahrens, D. Coleman, A.J. Kahn, Sh. B. Kamerman, D.J. Van deRaa.

На основании анализа нормативно-правовой базы Российской Федерации можно сделать вывод, что государственная семейная политика на законодательном уровне достаточно сбалансирована, интересы практически всех субъектов семейных отношений находятся под защитой государства и регулируются им, а семья, материнство и детство признаются современной молодежью конструктивными ценностями «на все времена», что несомненно явля-

ется положительной тенденцией к сохранению института семьи.

Проанализированные демографические данные России в период с 1960 г. по 2020 г., показали, что максимальный пик демографического роста прослеживается в промежутке между 1990-ми и 1995 годами, далее следует период небольшого спада, обусловленный в основном экономическими причинами (смена экономической платформы, распад Советского Союза, свободная экономика и рынок, скудный рынок труда и безработица, снижение материального благополучия в большинстве семей).

Исходя из статистических данных по России за последние десятилетия, можно увидеть, что преобладающим типом российской семьи является простая семья, которая состоит из супругов с детьми или без них, это составляет 67% семей. Еще 12% супружеских пар живут с одним из родителей супругов или с другими родственниками. Сложных семей, включающих две или более супружеские пары, в семейной структуре всего 3,4%. За последние пять лет в России число браков сократилось на 1/3.

В проведенном нами исследовании были предоставлены данные о предпочтительном количестве детей в современных семьях. Большинство участников планируют рождение одного и максимум двух детей. Количество молодых людей, которые стремятся к статусу многодетных родителей, крайне мал [10, с. 76–85]. Таким образом, эти данные указывают на тенденцию создания семей с одним ребенком и отсутствие желания родителей иметь много детей на ближайшие годы.

Соколова И.М. и Соколов В.Д. указывают на необходимость на ментальном уровне возрождать общественную потребность в среднететной семье, поскольку оказалось размытым понятие и само явление среднететности, традиционно включавшее в себя семью с 3–4 детьми.

В результате малодетность стала рациональной серединой между двумя крайностями (бездетностью и многодетностью). Также авторы указывают, что большая группа исследователей полагает, что многодетность – не просто прогрессивное, но и жизненно необходимое для нашей страны явление, ссылаясь на исследования Антонова А.И., Кравченко А.И., Холостова Е.И., т.к. существуют серьезные аргументы в пользу поддержки многодетности в современной России: интересы самих детей, интересы родителей и интересы государства [9, с.251].

Проанализируем актуальные исследования проблем многодетных семей и возможно-

стей их поддержки в реализации демографической политике РФ в течение последних десятилетий. Так, еще десятилетие назад в исследовании Долгова С.Г. были указаны проблемы в российском законодательстве, связанные с содержанием понятия «многодетная семья». Так, в ст. 36 существующего тогда Жилищного кодекса РСФСР многодетная семья рассматривалась как «семья с тремя и более детьми», и согласно названной статье, такая семья наделялась правом на первоочередное улучшение жилищных условий в случае нуждаемости. Современная политика государства такова, что граждане, не относящиеся к категории малоимущих, должны решать свои жилищные вопросы самостоятельно. Также, ссылаясь на Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.», автор отмечал, что для многодетных семей характерны максимальные риски бедности [3, с.32-36].

Ряд авторов также отмечают отсутствие мер поддержки многодетным семьям только по признаку наличия статуса многодетной семьи, хотя подавляющее большинство многодетных семей России остро нуждаются в такой поддержке. Материальное обеспечение семей часто находится на грани, и лишь незначительная разница в доходах лишает их получения дополнительно статуса малоимущих и мер поддержки соответственно. Подобная ситуация прослеживается и в большинстве других регионов России. Доступность мер поддержки многодетным семьям с минимальными ограничениями выявляется только в тех регионах, которые отличаются признаком финансовой устойчивости [8, с.182].

Согласно Указа Президента РФ от 23.01.2024 N 63 "О мерах социальной поддержки многодетных семей" от 23 января 2024 года, многодетной семьей в Российской Федерации является семья, имеющая трех и более детей, статус которой устанавливается бессрочно.

Представим основные формы организации социальной защиты многодетных семей:

- бесплатное обеспечение детей в возрасте до 6 лет лекарственными препаратами по рецептам на лекарственные препараты;
- предоставление обучающимся общеобразовательных организаций бесплатного проезда автомобильным транспортом (за исключением такси) в городском и пригородном сообщении, городским наземным электрическим транспортом и метрополитеном;
- предоставление бесплатного питания обучающимся в общеобразовательных и про-

- профессиональных образовательных организациях субъектов Российской Федерации;
- обеспечение обучающихся общеобразовательных организаций в соответствии с установленными нормативами одеждой для посещения учебных занятий, а также спортивной формой на весь период обучения;
- прием детей в организации, осуществляющие образовательную деятельность по реализации образовательных программ дошкольного образования, в первоочередном порядке;
- предоставление льгот по оплате жилья и коммунальных услуг в размере не ниже 30 процентов от установленного размера оплаты;
- содействие в улучшении жилищных условий и предоставлении земельных участков, обеспеченных необходимыми объектами инфраструктуры [11].

Однако, Емельяненко О.С. констатирует, что роль в социальной и экономической защите семьи системы пособий, льгот и компенсационных выплат семье невелика. Уровень жизни малообеспеченных семей не претерпевает качественных изменений несмотря на то, что в их доходах пособия на детей составляют значительную долю. В высокодоходных группах семей тем более эти пособия и льготы не играют никакой роли в определении уровня их жизни. Это подтверждает тезис о том, что в сложившихся условиях жизни проблема социальной защиты семей приобретает принципиально важное значение. Анализ условий жизни семей показывает, что чем лучше материальные и жилищные условия, тем чаще присутствует установка на рождение одного ребенка [4, с.139-143].

В исследовании Голубевой Л.Ф. указаны основные проблемы, которые испытывает почти каждая многодетные семьи: малообеспеченность, теснота жилья, загруженность родителей (особенно матери), состоянием их здоровья. Исследования показывают, что такие семьи могут быть и вполне благополучными, но их членам присуще ощущение неполной семьи. Неблагополучные многодетные семьи, образующиеся в результате безответственного поведения родителей, иногда на фоне низкого интеллектуально-психического уровня развития, алкоголизма, асоциального образа жизни. Дети из таких многодетных семей особенно часто нуждаются в помощи, реабилитации, страдают от болезней и недоразвития [2, с.72].

Благодаря увеличению льгот и социальной поддержки государства, россияне задумы-

ваются о рождении трёх и более детей. Большое значение в реализации желания людей стать многодетными родителями имеют сложившиеся социальные и личностные установки (репродуктивные). К социальным установкам можно отнести:

1) многодетные семьи часто испытывают затруднение в финансовом плане;

2) трудности с жилплощадью (нет достаточно просторного жилья или жилья в собственности);

3) трудности в передвижении (отсутствие транспорта и т.д.);

4) неспособность обеспечить всех детей качественным образованием.

Личностные установки, мешающие представителям молодежи задуматься о трёх и более детях частично складываются из социальных и также являются немало важным составляющим в формировании будущей семьи. Мы выделили несколько основных личностных установок у современной молодежи (данные основаны в том числе и на предыдущих наших исследованиях):

1) дети отнимают много времени и внутреннего ресурса;

2) боязнь ответственности;

3) неуверенность в том, что смогут обеспечить детей в финансовом плане.

Ряд авторов, указывая на психоэмоциональную перегруженность взрослых членов семьи, низкий уровень ответственности родителей за воспитание и развитие своих детей, повышение уровня агрессивности детей и подростков в многодетной семье, увеличение стрессогенных факторов рассматривают механизмы и технологии психолого-педагогического сопровождения многодетной семьи и ее членов, которое заключается в мобилизации ресурсов членов семьи и обеспечивающие переход от внешней помощи к самопомощи. Поиск и реализации потенциала и возможностей, с помощью которых происходит восстановление и улучшение отношений между членами многодетной семьи [7, с.145-149].

2024 год был признан «Годом семьи» в России. Одним из таких проектов является национальный проект «Демография». Как известно, экспериментальными площадками уже в следующем году должны стать несколько регионов России. В этот год были проведены несколько проектов направленные на помощь не только многодетным семьям, но и молодым людям, которые планируют создание новой ячейки общества. Национальный проект «Демография» призван помочь за счёт различных выплат и пособий семьям при рождении детей.

Так, на данный момент в Калужской области благодаря проекту уже удалось достичь немаленьких результатов, например:

1. С начала этого года ежемесячную выплату при рождении третьего ребёнка или последующих детей до возраста 3 лет получили 2 804 семей.

2. Региональный материнский капитал при рождении второго ребёнка выплачен 1 676 семьям, на третьего – 1 948 семьям.

3. Ежегодная выплата на возмещение затрат по уплате процентов за пользование кредитом по кредитному договору (договору займа), в том числе ипотечному кредиту, перечислена 490 многодетным семьям. Всего в рамках нацпроекта «Демография» в 2024 году выплаты получили более 6,9 тыс. семей [11, 12].

Финансовые проблемы являются основными, но не единственными среди многодетных семей. Благодаря материальной поддержке государства сложное положение возможно скорректировать, однако решение данной проблемы не является ключевой задачей. Не только социальные факторы влияют на желание семей иметь детей больше одного или двух. Большое значение имеет эмоциональный климат в семье и психологическое благополучие её членов. Нарушение структуры, функций и жизненного цикла семьи, нарастание психоэмоциональных перегрузок у взрослого населения, распространение жестокого обращения с детьми в семьях свидетельствуют о кризисе современной семьи [5, с. 132].

Бубнова И.С. и Рерке В.И. рассматривают феномен девиантного поведения у подростков из многодетных семей. Эта проблема может быть связана с психологическим напряжением и недопониманием между взрослыми и детьми, поскольку у родителей остаются обязанности по заботе о других детях, а ситуация усложняется если возрастной промежуток у них довольно большой. Подростки из многодетных семей отличаются выраженной склонностью к отклоняющемуся поведению: агрессивному, самоповреждающему и другим формам – неразвитостью эмоционально-волевой сферы, низким уровнем самопонимания и аутосимпатии, гибкости и контактности в общении, низким уровнем самоактуализации, контроля над собственным поведением.

По мнению авторов, профилактика девиантного поведения у подростков из многодетных семей возможна посредством реализации специально разработанной программы социально-педагогического сопровождения, направленной на организацию индивидуально-

го и системно-ориентированного сопровождения многодетной семьи, воспитывающей ребёнка подросткового возраста; реализацию социального партнёрства в процессе её социально-педагогического сопровождения, позволяющего объединить усилия всех заинтересованных сторон в оказании психолого-педагогической и социальной помощи многодетной семье [1, с.52-58]. Таким образом, в этих проблемах отражается воздействие и роль психологических факторов в существовании многодетных семей.

Анализ пилотажного исследования

Пилотажное исследование проводилось с использованием Google-формы, нами была предварительно разработана анкета по выявлению отношения к демографическим проблемам в целом, а также в частности получение информации об отношении к проблеме существования многодетной семьи в условиях государственной поддержки. Благодаря проведенному исследованию нам удалось опросить около 23 человека, которые являются законными представителями (родителем или опекуном) в многодетной семье. Большинство опрошенных проживают на территории Калуги и Калужской области. Анкетирование было направлено на выявление удовлетворенности социальной поддержкой от государства у многодетных родителей, а также на их субъективное представление о своём благополучии. В анкете представлены вопросы, направленные на изучение отклика социума на феномен многодетности. Основные результаты представлены ниже на рисунках 1–8.

Анализ результатов

Большинство участников (78%) являются биологическими родителями своих детей, но стоит учитывать, что многодетными в РФ признаются семьи, в которых проживает трое и больше детей, в том числе усыновленных. Распределение значений по шкале «Количество детей в многодетной семье» показало, что большое количество опрошенных имеют четверо и больше детей (47,8% и 39,1% соответственно). Количество тех, кто воспитывают троих детей, оказалось намного меньше (13%).

Таким образом, в основном среди выборки преобладают семьи с 4 и более детей. Распределение данных о принадлежности опрошенных к числу выходцев из многодетных семей показало, что большинство опрошенных показывает тенденцию к тому, что они являются изначально сами детьми из многодетных семей (60,9%).

Основным вопросом данной анкеты является сведения о видах государственной под-

держки, которые получают семьи испытуемых. Наиболее актуальной поддержкой государства у опрошиваемых стала: материнский капитал, льготы. Самой невостребованной и редко ис-

пользуемой формой государственной поддержки у опрошиваемых стала помощь в образовании (34,8%), см. рисунок 1.

Какой поддержкой государства воспользовалась ваша семья?

23 ответа

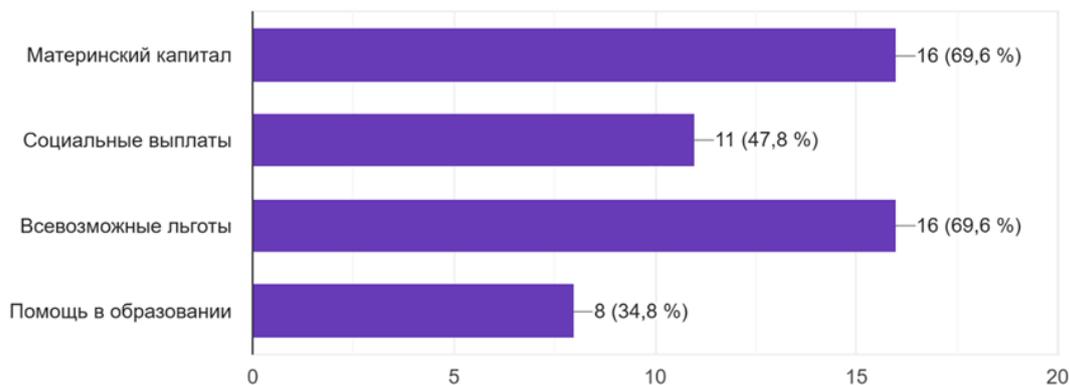

Рисунок 1 – Распределение видов государственной поддержки, которые получают семьи испытуемых (в %)

Интересны ответы испытуемых на вопрос об удовлетворенности оказания государственной поддержки в отношении помощи многодетным семьям.

Наибольшая часть опрошиваемых ощущает поддержку государства, но желает внести

коррективы для увеличения объема помощи (47,8%). Но также большое количество опрошиваемых полностью удовлетворены помощью государства и считают её достаточно весомой (39,1%), см. рисунок 2.

Как вы считаете, государство достаточно помогает многодетным семьям?

23 ответа

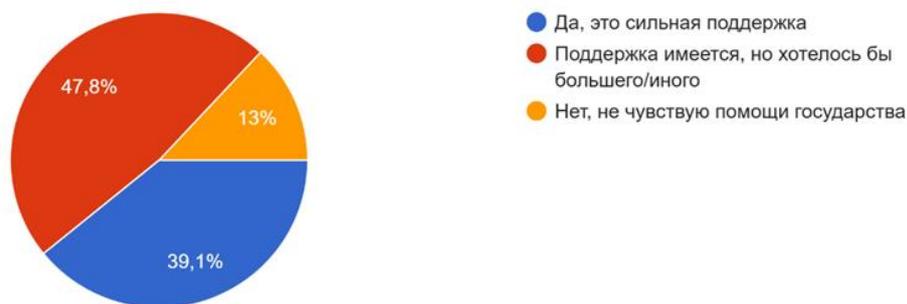

Рисунок 2 – Распределение показателя удовлетворенности оказания государственной поддержки многодетным семьям (%)

Нами также был рассмотрен финансово-материальный аспект в существовании современной многодетной семьи, а именно, это наличие автомобиля в семье, собственной квартиры, дополнительного заработка членов семьи на общие нужды.

Большинство опрошиваемых указало наличие нескольких транспортных средств на семью (52,2%). Данный показатель, наравне с вопросом о жилищных условиях, может говорить о достаточно высоком благосостоянии многодетных семей, см. рисунок 3.

Ваша семья имеет во владении транспортное средство?

23 ответа

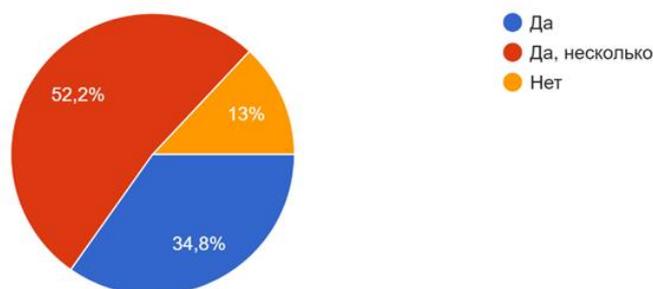

Рисунок 3 – Материальный аспект в существовании современной многодетной семьи, (наличие автомобиля), в %

С небольшим различием большинство многодетных семей проживает в частном доме или в собственной квартире (34,8% и 30,4%), однако четверть опрошиваемых живет на съемном жилье, которое будет достаточно материально затратной позицией в семейном бюджете многодетных семей, см. рисунок 4.

Ваша многодетная семья проживает:

23 ответа

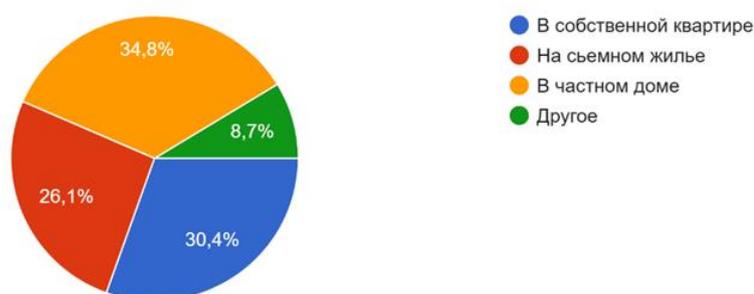

Рисунок 4 – Распределение показателя существующих жилищных условий многодетных семей (%).

У большинства опрошиваемых взрослые дети получили поддержку от государства для получения высшего образования (52,2%). 30% опрошиваемых утверждают, что их дети пытались получить различные льготы при поступлении в университеты или во время обучения, но у них это не получилось из-за различных причин, см. рисунок 5.

Большинство опрошиваемых относятся к своему социальному и гражданскому статусу «многодетная семья» с гордостью и восхищением от других (56,5%). Чуть меньшее количество опрошиваемых утверждают, что они понимают, что окружающим безразличен тот факт, что они являются многодетными родителями (30,4%), см. рисунок 6.

Дети, получившие/получающие сейчас высшее образование, получили/получают льготы государства для многодетных семей?

23 ответа

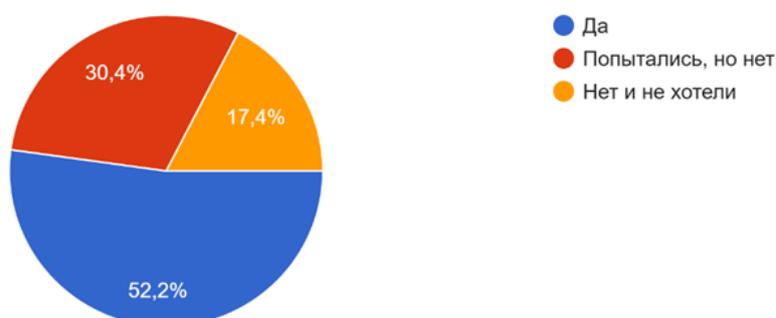

Рисунок 5 – Распределение показателя государственной поддержки в области образования детей из многодетных семей (в%)

Вы чувствуете одобрение, гордость от общества, когда говорите о многодетности своей семьи?

23 ответа

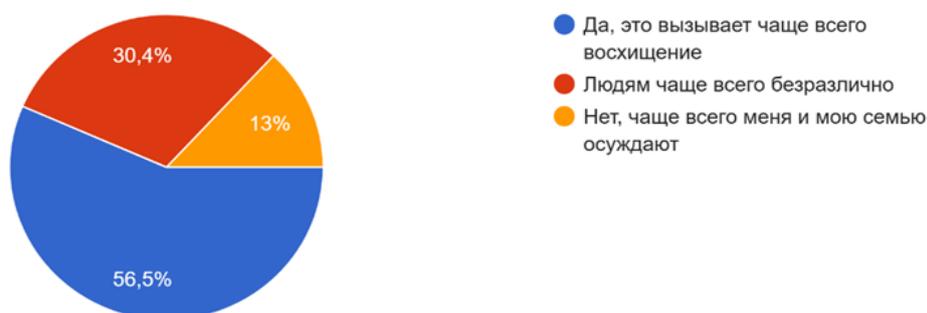

Рисунок 6 – Распределение показателя собственной оценки принадлежности к многодетным семьям в России (в %)

Большинство отмечает недостаток физического и эмоционального уединения у членов своей семьи (65,2%). Чаще всего многодетные семьи общаются между собой, оказывая поддержку (47,8%), см. рисунок 7.

Большинство опрошиваемых указывает, что опекунам\родителям хватает одной работы для содержания семьи (56,5%), см. рисунок 8.

Таким образом, основные социально-психологические проблемы многодетных семей, представлены в таблице 1.

Как вы считаете, у всех членов семьи есть возможно то иногда побыть наедине с собой?
 23 ответа

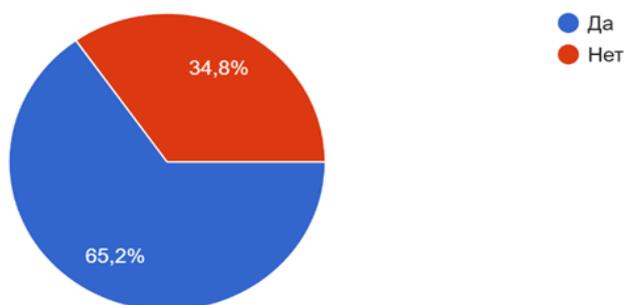

Рисунок 7 – Распределение показателей собственной оценки возможностей иметь личное пространство у каждого члена семьи (в %)

Взрослые члены вашей семьи работают:
 23 ответа

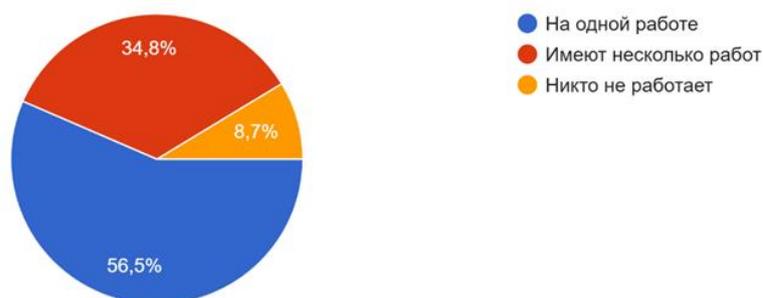

Рисунок 8 – Распределение показателей занятости родителей/опекунов в многодетных семьях (в %)

Таблица 1 – Основные социально-психологические проблемы многодетных семей

Виды проблем	Основные проблемы	Пути решения проблем
Финансово-материальные	– малообеспеченность;	– повышение дополнительных льгот и пособий малообеспеченным и многодетным семьям на региональном уровне
	– трудности с жилплощадью (нет достаточно просторного жилья или жилья в собственности);	– улучшение материальных и жилищных условий при участии государства (ежегодная выплата на возмещение затрат по уплате процентов за пользование кредитом по кредитному договору, в том числе ипотечному кредиту); – нуждающимся в жилых помещениях, предоставляются меры социальной поддержки по улучшению жилищных условий в виде социальной выплаты на приобретение или строительство жилого помещения на территории Калужской области

Виды проблем	Основные проблемы	Пути решения проблем
	– трудности в передвижении (отсутствие транспорта и т.д.)	– компенсация проезда на общественном транспорте; – снижение транспортного налога при приобретении автомобиля
	– неспособность обеспечить всех детей качественным образованием	– ежегодная денежная выплата на обеспечение детей из многодетных семей, обучающихся в общеобразовательных организациях, одеждой для посещения учебных занятий, а также спортивной формой
Социальные	– учет многодетных семей и определение статуса «многодетная семья»; – неспособность обеспечить всех детей качественным образованием	– своевременное правовое регулирование в определении статуса «многодетная семья» (Калужская область является участником пилотного проекта по выдаче многодетной семье цифрового удостоверения); – ежегодная денежная выплата на обеспечение детей из многодетных семей, обучающихся в общеобразовательных организациях, одеждой для посещения учебных занятий, а также спортивной формой); – остается часто неразрешимой проблемой
Психологические	<i>Увеличение стрессогенных факторов:</i> – психоэмоциональная перегруженность взрослых членов семьи, – низкий уровень ответственности родителей за воспитание и развитие своих детей, – повышение уровня агрессивности детей и подростков в многодетной семье	Возможности гармонизации психологического климата и улучшения психического здоровья в многодетных, приемных (замещающих) семьях в ГБУ Калужской области Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие» (https://detstvo-life.kaluga.socinfo.ru/?ysclid=m32rf1bhvn631077027)

Выводы.

1. В исследовании приняли участие респонденты, являющиеся биологическими родителями своих детей (78%), из них изначально сами являются представителями многодетных семей (60,9%), также большинство опрошенных имеют четверо и больше детей (47,8% и 39,1%), что отражает преемственность семейных ценностей в этих семьях (иметь много детей в традиции русской ментальности, это является показателем большой и счастливой семьи).
2. Наиболее актуальными видами государственной поддержки у опрошенных стали материнский капитал и льготы. Самой востребованной и редко используемой формой государственной поддержки у опрошенных стала помощь в образовании (34,8% испытуемых).
3. Почти половина опрошенных ответила, что ощущает поддержку государства, но желает внести коррективы для увеличения объема помощи (47,8%). Но также большое количество опрошенных полностью удовлетворены помощью государства и считают её достаточно весомой (39,1%).
4. С небольшим различием большинство многодетных семей проживает в частном доме или в собственной квартире (34,8% и 30,4%), однако четверть опрошенных живет на съемном жилье, которое будет достаточно материально затратной статьёй расхода в семейном бюджете многодетных семей.
5. Большинство опрошенных ответили, что их взрослые дети получили поддержку от государства для получения высшего образования (52,2%).
6. Большинство опрошенных относятся к своему социальному и гражданскому статусу

«многодетная семья» с гордостью и восхищением от других (56,5%). На принадлежность к социальной общности «многодетная семья», оказание поддержки и личностное общение с такими же многодетными семьями подтвердили 47,8% испытуемых.

Таким образом, проанализировав имеющиеся актуальные исследования проблем многодетной семьи и получив результаты первичного пилотажного исследования, мы подтверждаем, что очевидна положительная динамика

оказания социально-психологической поддержки в рамках реализации Государственной семейной политики в РФ, которая представляет собой целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи, сохранение семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родителей в семье и обществе, преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни многодетных семей.

Список литературы:

1. Бубнова И.С., Рерке В.И. Социально-педагогическое сопровождение как средство профилактики девиантного поведения у подростков из многодетных семей // Педагогический ИМИДЖ. 2019. №2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-kak-sredstvo-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-u-podrostkov-iz-mnogodetnyh-semey> (дата обращения: 24.10.2024).
2. Голубева Л.Ф. Проблемы организации социальной защиты многодетных семей и пути их решения // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №6 (052). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-sotsialnoy-zaschity-mnogodetnyh-semey-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 24.10.2024).
3. Долгов С. Г. Некоторые проблемы многодетных семей // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-mnogodetnyh-semey> (дата обращения: 24.10.2024).
4. Емельяненко О.С. Государственная поддержка многодетных семей // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2013. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-mnogodetnyh-semey> (дата обращения: 24.10.2024).
5. Мазурчук Н.И., Мазурчук Е.О. Психолого-педагогическое сопровождение семьи: теоретическое осмысление и практика реализации // Педагогическое образование в России. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-semi-teoreticheskoe-osmyslenie-i-praktika-realizatsii> (дата обращения: 24.10.2024).
6. Матвеева Т.П., Павловская Ю. В., Кузнецова Н.А. Многодетная семья и государство: проблемы и их решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogodetnaya-semya-i-gosudarstvo-problemy-i-ih-resheniya> (дата обращения: 24.10.2024).
7. Мартынова Н. В., Панова Л. П., Плугина Н. А. Психолого-педагогическое сопровождение многодетных семей // Современное педагогическое образование. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-mnogodetnyh-semey> (дата обращения: 24.10.2024).
8. Рябова О. А., Рябов П.Р. О необходимости единого подхода к статусу и мерам поддержки многодетной семьи в РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-edinogo-podhoda-k-statusu-i-meram-podderzhki-mnogodetnoy-semi-v-rf> (дата обращения: 24.10.2024).
9. Соколова И.М., Соколова В. Д. Многодетная семья как социальный феномен: некоторые аспекты формирования ценностной установки обществ https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78763/1/978-5-94646-620-2_2019_2-40.pdf?ysclid=m2mzncg66v666150077 с.250-256.
10. Хотеева Р.И., Скоркина Л.В., Честных В.И. Семейные ценности и отношение молодожёнов к демографической политике в России. Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2023. Т. 6. № 1 (18). С. 76-85.
11. Указ Президента РФ от 23.01.2024 N 63 "О мерах социальной поддержки многодетных семей". 23 января 2024 года. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/?ysclid=m2mzqhckf9377645743
12. <https://www.vest-news.ru/news/216577?ysclid=m32qghtaah862538857>
13. <https://xn--80aarpampemcchfmo7a3c9ehj.xn--plai/projects/demografiya/>

R.I. Khoteeva, L.V. Skorkina, V.I. Chestnykh

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF SUPPORTING LARGE FAMILIES

Abstract. The article presents the analysis of modern socio-psychological aspects of support for large families and the results of a pilot study.

The analysis of modern methodological approaches by a number of authors allowed us to identify the features of demographic policy in the Russian Federation during the period of challenges and radical transformation of the institute of demography and family. According to the research of a number of authors dealing with this problem, the main socio-psychological problems associated with having many children and the factors determining the effectiveness of state support for large families were identified.

Taking into account the made theoretical analysis, a pilot study was conducted using a Google form, which made it possible to identify existing problems using the example of large families from Kaluga region, as well as to find out their civic position and social attitude to the status of a “large family”, satisfaction with the state assistance received. The results of the study show that the most important problems remain: the opportunity to give their children a quality education and ensure a decent life for their family.

Key words: demographic policy of Russian Federation; large family; measures of state support for large families; social support for large family.

References:

1. Bubnova I.S., Rerke V.I. Social and pedagogical support as means of preventing deviant behavior in adolescents from large families // Pedagogical IMAGE. 2019. No. 2 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-kak-sredstvo-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-u-podrostkov-iz-mnogodetnyh-semey> (date of application: 24.10.2024).
2. Golubeva L.F. Problems of organizing social protection of large families and ways to solve them // Social and economic phenomena and processes. 2013. No. 6 (052). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-sotsialnoy-zaschity-mnogodetnyh-semey-i-puti-ih-resheniya> (date of application: 24.10.2024).
3. Dolgov S. G. Some problems of large families // Bulletin of Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-mnogodetnyh-semey> (date of application: 24.10.2024).
4. Emelyanenko O. S. State support for large families // Bulletin of BSU. Education. Personality. Society. 2013. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-mnogodetnyh-semey> (date of application: 24.10.2024).
5. Mazurchuk N.I., Mazurchuk E.O. Psychological and pedagogical support of family: theoretical understanding and implementation practice // Pedagogical education in Russia. 2016. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-semi-teoreticheskoe-osmyslenie-i-praktika-realizatsii> (date of application: 24.10.2024).
6. Matveeva T.P., Pavlovskaya Yu.V., Kuznetsova N.A. Large families and state: problems and their solutions // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogodetnaya-semya-i-gosudarstvo-problemy-i-ih-resheniya> (date of application: 24.10.2024).
7. Martynova N.V., Panova L.P., Plugina N.A. Psychological and pedagogical support of large families // Modern pedagogical education. 2019. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskoe-soprovozhdenie-mnogodetnyh-semey> (date of application: 24.10.2024).
8. Ryabova O.A., Ryabov P.R. On need for unified approach to status and support measures for large families in Russian Federation // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-edinogo-podhoda-k-statusu-i-meram-podderzhki-mnogodetnoy-semi-v-rf> (date of application: 24.10.2024).
9. Sokolova I.M., Sokolova V.D. Large family as social phenomenon: some aspects of societies value attitude formation https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/78763/1/978-5-94646-620-2_2019_2-40.pdf?ysclid=m2mzncg66v666150077 p.250-256.
10. Khoteeva R.I., Skorkina L.V., Chestnykh V.I. Family values and attitude of newlyweds to demographic policy in Russia. Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological Sciences. Pedagogical Sciences. 2023. Vol. 6. No. 1 (18). P. 76-85.

11. Decree of President of Russian Federation on 23.01.2024 N 63 "On measures of social support for large families." January 23, 2024.
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/?ysclid=m2mzqhckf9377645743.
12. <https://www.vest-news.ru/news/216577?ysclid=m32qghtaah862538857>.
13. <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya>.

Статья поступила в редакцию 14.12.2024 г.

Я.С. Синягина, Р.А. Турлакова, И.А. Подольская
СКЛОННОСТЬ К САМОРАЗРУШАЮЩЕМУ ПОВЕДЕНИЮ У СТУДЕНТОВ

Аннотация. Можно сказать, что в нынешнее время студенты всевозможных учебных заведений всё чаще сталкиваются с саморазрушающим поведением как ответной реакцией на те или иные стрессовые факторы. При этом на данный момент времени пока не существует общих специальных основ по исследованию саморазрушающего поведения, который мог бы провести психолог. Помимо этого, всё ещё стоит проблема недостаточной профилактики данного явления, а также программы действий необходимой для помощи студентам, столкнувшимся с саморазрушающим поведением. Следовательно, по этим причинам необходимо осветить эту проблему.

Ключевые слова: саморазрушающее поведение, девиантное поведение, студенты, аутоагрессивное поведение.

Можно сказать, что проблема саморазрушающего поведения периодически оказывается в фокусе внимания как зарубежных учёных, так и отечественных. При этом устоявшейся терминологии в этой области до сих пор не существует. Зачастую авторы отмечают выходящие за рамки нормы формы поведения, используя следующие определения поведения: “аддиктивное”, “деструктивное”, “саморазрушающее”, “девиантное”, “суицидальное”, “отклоняющееся”.

Как указывает Змановская Е.В., аутоагрессивное поведение отличается от агрессивного тем, что оно направлено на причинение вреда самому индивиду, а не тем, кто его окружает. Но стоит сказать, что есть инфантильная разновидность аутоагрессии, которая сочетается с желанием подобным нетрадиционным образом воздействовать на близкое окружение [9].

З. Фрейд рассматривает аутоагрессию как защитный механизм психики, который направляет агрессию, предназначавшуюся на внешний объект, но которая по каким-то причинам не смогла быть вымещена ни на него, ни на другой внешний объект [16].

Н. П. Пищулин считает, что аутоагрессия, в структуре модели поведения, возникающую как итог фрустрации, характеризуется дезадаптацией. Те, кто неспособен выдержать изменения в социальной среде, а также неспособные вынести стресс во время вхождения в новые социальные ситуации являются теми, кто обладает иррациональной реакцией, в частности аутоагрессией [21].

Л. И. Анцыферова понимает под аутоагрессией те защиты психики, которые являются дезадаптивными, а также те копинг-стратегии, которые появляются в тяжёлых жизненных ситуациях из-за неспособности к адекватному переосмыслению и переоценке изменившейся социальной ситуации [4].

Е. А. Галкина и А. В. Дегтярев занимались исследованиями малоизученных форм поведения. Эти формы поведения можно рассматривать как проявления аутоагрессии. Оба исследователя сошлись во мнении, что всякие модификации тела такие как: пирсинг, татуирование тела, шрамирование и многие другие, можно отнести к саморазрушающему (аутоагрессивному) поведению [6].

Под самоубийством (суицидом) понимается акт лишения себя жизни, при котором индивид действует намеренно, целенаправленно и сознательно [12].

Девиантное (отклоняющееся) поведения – такое поведение личности, которое является устойчивым и которое отклоняется от самых важных социальных норм, при этом причиняющее реальный вред обществу или даже самому человеку, а также сопровождающееся её социальной дезадаптацией [9].

Аддиктивное (зависимое) поведение определяется формированием стремления к уходу от реальности с помощью искусственного изменения своего психического. Если говорить в более широком смысле, то под зависимостью (аддикцией) понимают стремление полагаться на что-либо (кого-либо), с целью получения удовлетворения или адаптации [1].

Часто исследователи используют смежные понятия, такие как “аддиктивное”, “деструктивное”, “саморазрушающее”, “девиантное”, “суицидальное”, “отклоняющееся”. Тем не менее авторы часто указывают, что в саморазрушающем поведении главный аспект — это причинение вреда самому себе, то есть аутоагрессия, причём как физически, так и психологически.

Аутоагрессию авторы рассматривали по-разному, начиная с того, что это защитный механизм психики человека и заканчивая тем, что аутоагрессия фактор социальной дезадаптации.

Обратимся к изучению социального в развитии человека и его психики. Процесс социального развития человека многоступенчатый и происходит в разных направлениях на протяжении всей жизни. Социальное развитие начинается в раннем детстве, когда ребенок с момента рождения находится в социальном окружении и взаимодействует с ним. Семья выступает в качестве доминирующей структуры на ранних этапах жизни ребенка, оказывая влияние на всю его жизнь и развитие. Первоначально процесс социального развития выражается прежде всего в социализации индивидуальных форм, как подготовке к дальнейшему формированию сложных психических форм [17].

Рассмотрим особенности социально-психологического развития в юности. Помимо семьи сверстники также имеют важное место в развитии индивида. Общение со сверстниками является важным и незаменимым каналом информации, благодаря которому подростки и молодые люди получают информацию, которая необходима им в данный момент, но о которой они не могут узнать от взрослых.

Это является специфическим видом деятельности и межличностных отношений. В процессе совместной игры, а также других видов совместной деятельности у человека формируется способность к социальному взаимодействию: он учится подчиняться правилам коллектива и при этом отстаивать свои права, соотнося свои личные интересы с интересами общества.

Это особая форма эмоционального контакта. Осознание принадлежности к определенной группе, чувство солидарности и взаимопомощи не только облегчают подростку и/или молодому человеку процесс отделения от взрослых, но также придают ему крайне важное чувство эмоционального комфорта и стабильности [14].

Период взрослости представляет собой наиболее длительный период онтогенеза человека, занимая, как правило, три четверти всей человеческой жизни. Этот период обычно делится на стадии взрослости такие как: ранняя (молодость), средняя (зрелость) и поздняя взрослость, (старение и старость).

В.И. Слободчиков и Г.А. Цукерман полагают, что суть первой ступени взрослости, временные границы которой 17—42 лет, состоит в индивидуализации системы общественных ценностей и идеалов соответственно личностной позиции человека, который становится субъек-

том общественных отношений, не узкосоциальных [11].

Итак, помимо того, чтобы молодые люди учились устанавливать близкие отношения, в этот возрастной период, они должны, собственно, и учиться. А если точнее, то у них должна быть мотивация учиться. У многих студентов среднего профессионального образования мотив «достижения цели» не сформирован, либо сформирован недостаточно, что влечёт за собой неправильное, искажённое восприятие учебного процесса. Психика студентов с повышенным уровнем тревожности образует защитный механизм по отношению к учебной деятельности. Отсутствие стремления к реализации поставленных целей лишает их удовлетворения от достигнутых успехов. Если не поддержать развитие этой потребности в указанный период, то такое отношение к самому себе и своей деятельности может укорениться надолго, нанося ущерб самореализации и самоудовлетворению. Основой для выполнения деятельности по рутине и для догматического следования инструкциям как в молодости, так и в последующих годах является потребность избегать неудач [3].

Потребность избегать неудач лежит в основе повседневной деятельности и догматического подчинения инструкциям в юности и дальнейшей жизни. Студенты, у которых основной мотивацией является избегание неудачи, характеризуются повышенной тревожностью и неконструктивным отношением к учебе (чаще проявляют защитные установки к учебной деятельности) [7].

Как можно увидеть, студенческая пора для молодежи является не самым простым возрастным периодом. Это время характеризуется всевозможными стрессовыми ситуациями, с которыми не все могут конструктивно справиться. Зачастую некоторые из молодых людей выбирают деструктивный путь решения своих проблем. И один из них — это аддиктивное поведение. Каковы факторы влияния на становление зависимого поведения? К ним традиционно относятся биологические, социальные и индивидуальные факторы.

Биологические факторы — это те индивидуальные для каждого человека способы реагирования на различные воздействия, например, на наркотические вещества. Необходимо принять во внимание генетическую предрасположенность к различным типам аддиктивного поведения, которое может передаваться по наследству. Психический стресс может способствовать биологической склонности к аддик-

тивному поведению. В условиях стресса активность рецепторов эндорфина увеличивается, что приводит к поведению, при котором человек чувствует тревогу и беспокойство. Высокая активность этих рецепторов легко компенсируется увеличением количества алкоголя или наркотиков, которые как раз и становятся причиной их злоупотребления [2].

Основными микросоциальными факторами являются семья и школа. В первую очередь учитывают социальные характеристики семьи, тип воспитания, структуру семьи, отношения внутри семьи и личностные характеристики родителей. Другую подгруппу составляют факторы социализации вне семьи, такие как успеваемость в школе, характер общения и статус в школьном коллективе, отношения с учителями, типы референтной группы [5].

Для некоторых социальных групп аддиктивное поведение является проявлением групповых процессов. Наличие аддиктивного поведения у молодых людей выполняет специфическую функцию, выступая своеобразным «паспортом» в подростковую субкультуру. Подробнее о функциях:

- ощущение взрослости и свободы от родителей;
- групповая принадлежность и неформальная среда общения;
- регуляция эмоциональных состояний;
- реализация креативного потенциала через экспериментирование с различными веществами [10].

Принято считать, что семья играет ведущую роль в развитии аддиктивного поведения. Семьи с серьезными недостатками социализации сознательно или неосознанно подталкивают своих детей к приему психотропных препаратов и совершению преступлений с раннего возраста. Выделим некоторые факторы, способствующие появлению аддиктивного поведения:

- неправильные методы дисциплинарного воздействия на ребёнка и частые телесные наказания;
- неполные семьи, что потенциально характеризуется комплексом психологических реакций и переживаний ребенка: чувства собственной неполноценности и зависти;
- неблагополучная семья, для которой характерна атмосфера постоянного конфликта;
- безнравственная семья, для которой характерен алкоголизм, безнравственность и низкая сексуальная мораль;
- преступная семья, для неё характерно преступное поведение взрослых членов семьи [18].

Представляется важным отметить, что даже в семьях, где родители болеют алкоголизмом, у детей не обязательно развивается аддиктивное поведение. Напротив, если у ребенка возник негативный опыт общения с зависимым членом семьи, он постарается сделать все возможное, чтобы избежать подобной участи.

Очевидно, не менее важную роль играют индивидуальные особенности конкретного человека, что может выступать в качестве защиты от становления аддиктивного поведения:

- функциональная семья;
- гармоничные детско-родительские отношения;
- просоциальные установки в семье. Это отражено в соответствующих семейных правилах;
- навыкам общения с людьми обучают в детстве;
- высокие моральные принципы и интеллектуально-культурная направленность в семейной жизни;
- уважение семейных ценностей [15].

Макросоциальные факторы, способствующие развитию аддиктивного поведения, включают технологические достижения в пищевой и фармацевтической промышленности, которые все чаще выводят на рынок новые продукты, являющиеся потенциальными мишенями для зависимости. В этот комплекс факторов входит и деятельность наркоторговцев, которые активно вовлекают молодежь в употребление химических веществ. Кроме того, с урбанизацией связи между людьми становятся слабее. В стремлении к независимости люди теряют поддержку и безопасность, в которых они нуждаются [8].

Рассмотрим индивидуальные факторы развития аддиктивного поведения. К психологическим факторам относятся различные личностные особенности, отражение в психике психологических травм в различных периодах жизни. Нервно-психическая нестабильность, акцентуации характера, поведенческие реакции группирования, реакции эмансипации и иные подростковые характеристики являются провоцирующими факторами аддиктивного поведения. К этим факторам нужно отнести характеристики, определяемые реакциями, характерными для этого периода: эмансипация, группирование, увлечения, формирующиеся сексуальные влечения [5].

Факторы риска:

- низкий самоконтроль;
- импульсивность;

- снижение способности совершать длительные целенаправленные действия;
- неумение прогнозировать последствия действий;
- эмоциональная нестабильность и незрелость;
- сниженная или неадекватная самооценка в сочетании с экстернальным локусом контроля;
- несоразмерность притязаний;
- низкая стрессоустойчивость;
- тяга к рискованному поведению, склонность к поиску ощущений;
- несформированность морально- нравственных ориентиров, неприятие социальных норм [20].

С помощью выпивки молодые люди пытаются избавиться от своеобразного состояния тревожности и одновременно избавиться от чрезмерного самоконтроля и застенчивости. Важную роль играет также желание экспериментирования, особенно нормы молодежных субкультур (алкоголь традиционно считается признаком мужественности и взрослости). И само собой разумеется, действует негативный пример родителей.

Подобно алкоголизму, употребление наркотиков подростками связано с психологическими экспериментами и исследованием новых и необычных ощущений и переживаний. Наркологи отмечают, что две трети молодых людей изначально употребляют наркотики из любопытства и желания увидеть то, что лежит за пределами разрешенного, то есть запретное. В некоторых случаях первую дозу обманывая, подстёгивают принять под видом сигареты или напитка. В то же время это и групповой феномен, связанный с подражанием старшим и групповым влиянием. До 90 процентов наркозависимых начинают употреблять наркотики в группах сверстников, которые собираются в определенном месте.

Психологические эксперименты неоднократно показывали, что у некоторых людей неудача заставляет их неосознанно думать о смерти. «Танатос», инстинкт смерти по З. Фрейду, есть не что иное, как попытка решить жизненные трудности путем ухода из самой жизни. Особенно это характерно для молодого возраста [13].

Социальная ситуация развития — это систему отношений, куда вступает индивид на

каждом этапе своего развития, то есть система отношений общества и ребёнка. Процесс социального развития человека происходит на протяжении всей жизни, и ключевую роль здесь играет прежде всего семья и общество сверстников. Социальная ситуация развития в период зрелости подразумевает активное вовлечение человека в общественное производство, в трудовые отношения, в создание и воспитание собственной семьи. Социальная ситуация развития в период ранней взрослости характеризуется стремлением человека к независимости и ответственности за свою жизнь. Для достижения этого человек должен успешно пережить возрастной кризис. Сюда входит не только сформировавшаяся способность к установлению близких отношений, но при этом у них должен быть активным мотив “достижения цели”.

Студенческие годы является сложным в социально-психологическом плане периодом. И потому молодые люди часто “уходят в зависимость”. Зависимое поведение признается различными факторами влияния, такими как:

- биологические (генетическая предрасположенность к различным типам аддиктивного поведения, передающееся по наследству).

- социальные (они делятся на два фактора: микросоциальные - семья и школа; макросоциальные - технологические достижения в пищевой и фармацевтической промышленности, создающие новые продукты, являющиеся потенциальными мишенями для зависимости, деятельность наркоторговцев вовлекающие молодежь в употребление наркотиков и др.)

- индивидуальные факторы (личностные особенности, отражение в психике психологических травм в различных периодах жизни).

В ходе данного исследования для изучения склонности к аддиктивному и, в частности, саморазрушающему поведению студентов были использованы следующие диагностические методики:

- методика склонности к отклоняющему поведению (А.Н. Орел);
- методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей (Г.В. Лозовая).

Результаты выявленного уровня склонности к различным видам саморазрушающего поведения у студентов по методике А.Н. Орела представлены на рисунке 1.

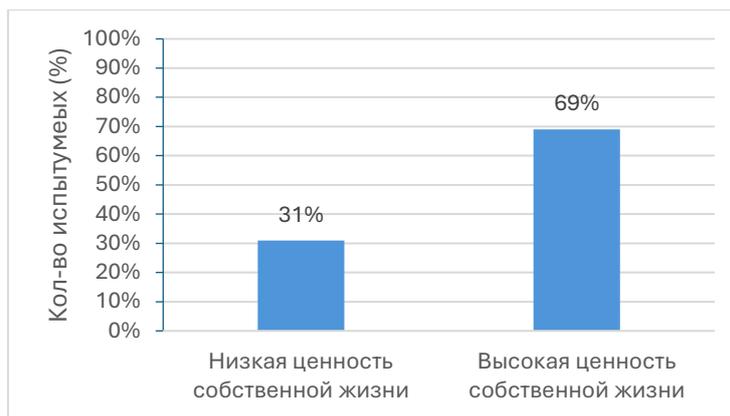

Рисунок 1 – Распределение по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению

На рисунке 1 видно, что у 69% преобладает отсутствие готовности к реализации саморазрушающего поведения, отсутствие тенденции к соматизации тревоги, отсутствие склонности к реализации комплексов вины в поведенческих реакциях. Низкая ценность собственной жизни, склонность к риску, выраженной потребности в острых ощущениях, о

садо-мазохистских тенденциях была выявлена у 31% испытуемых.

Для выявления склонности к некоторым видам зависимостей была использована методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей (Г.В. Лозовая). Результаты по данной методике представлены на рисунке 2.

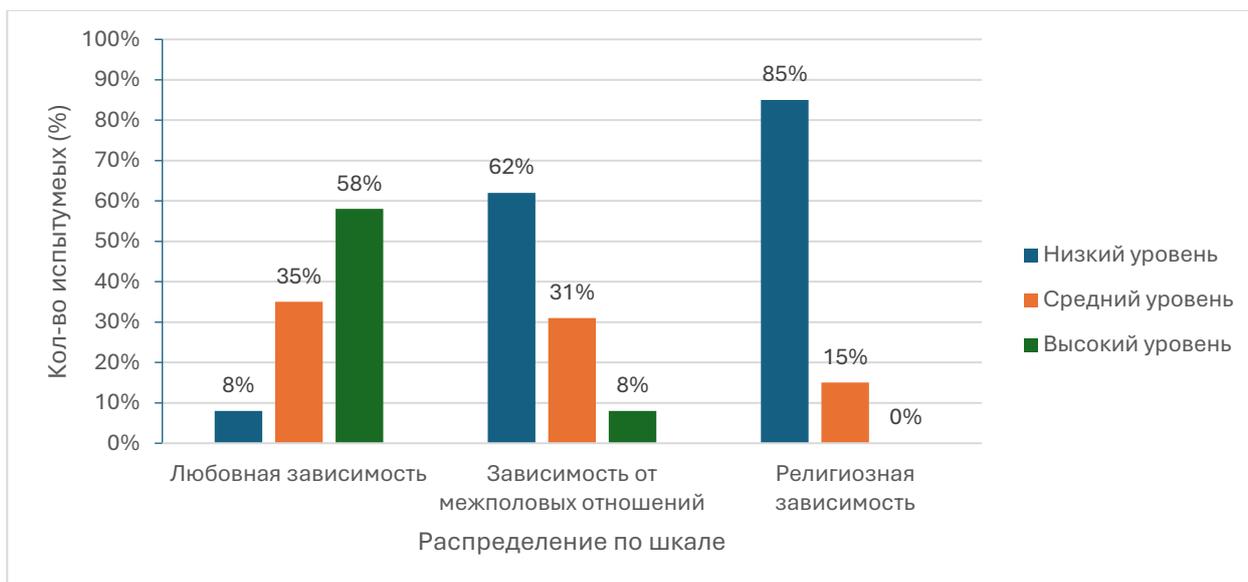

Рисунок 2 – Распределение результатов по шкалам «Любовная зависимость», «Зависимость от межполовых отношений» и «Религиозная зависимость» по методике диагностики склонности к различным зависимостям Лозовой Г.В.

На рисунке 2 мы видим, что высокий уровень склонности к любовной зависимости преобладает у испытуемых на что указывает выбор 57% опрошенных. У 35% опрошенных данная склонность выявлена на среднем уровне и только у 8% испытуемых склонность к данной зависимости на низком уровне.

Интересно, что по результатам по шкале “зависимость от межполовых отношений” мы видим несколько обратную тенденцию: 61% опрошенных имеют низкий уровень склонности к зависимости от межполовых отношений, 31% имеют средний уровень склонности и оставшиеся 8% испытуемых - низкий уровень склонности.

По шкале “религиозная зависимость” мы видим, что у 85% опрошенных низкий уровень склонности по данной шкале, у 15% мы наблюдаем

средний уровень склонности. Высокий уровень склонности по данной шкале не был выявлен ни у одного из испытуемых.

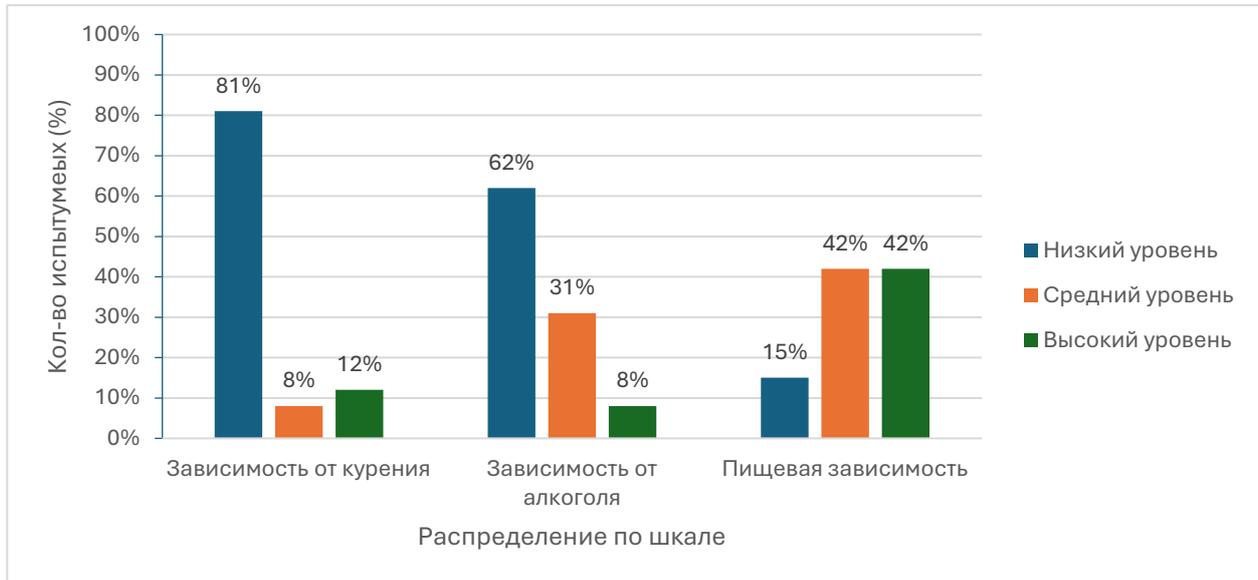

Рисунок 3 – Распределение результатов по шкалам «Зависимость от курения», «Зависимость от алкоголя» и «Пищевая зависимость» по методике диагностики склонности к различным зависимостям Лозовой Г.В.

Распределение по шкале “зависимость от курения” демонстрирует, что у 80% испытуемых низкий уровень склонности, у 8% испытуемых средний уровень склонности и у оставшихся 12% испытуемых высокий уровень склонности к данной зависимости.

Данные по шкале “зависимость от алкоголя” показали, что у 61% опрошенных низкий уровень склонности к зависимости от алкоголя,

у 31% опрошенных средний уровень склонности и у 8% испытуемых этот уровень склонности на высоком уровне.

Низкий уровень склонности к пищевой зависимости был выявлен только у 16% опрошенных. Средний и высокий уровень склонности пищевой зависимости набрали по 42% испытуемых.

Рисунок 4 – Распределение результатов по шкалам «Игровая зависимость», «Зависимость от компьютера (интернета, социальных сетей)» и «Телевизионная зависимость» по методике диагностики склонности к различным зависимостям Лозовой Г.В.

По шкале “игровая зависимость” получены следующие результаты: низким уровнем склонности обладают 65% ответивших, средним уровнем склонности обладает 35% респондентов. Высокого уровня склонности выявлено не было.

Распределение по шкале “зависимость от компьютера (интернета, социальных сетей)”, указывает, что у 73% респондентов отмечается низкий уровень склонности к данной зависимости, у 19% данный показатель находится на среднем уровне склонности и у 8% он находится на высоком уровне склонности.

По шкале “телевизионная зависимость” видно, что низким уровнем склонности обладает 73% опрошенных, средним уровнем склонности 15% и оставшиеся 12% - высоким уровнем склонности. Примечательно, что опрошенных, обладающие высоким уровнем склонности (12%) больше, чем опрошенных с высоким уровнем склонности по шкале “зависимость от компьютера (интернета, социальных сетей)” (8%). Что довольно интересно, ведь большинство молодёжи обычно предпочитают телевидению - интернет.

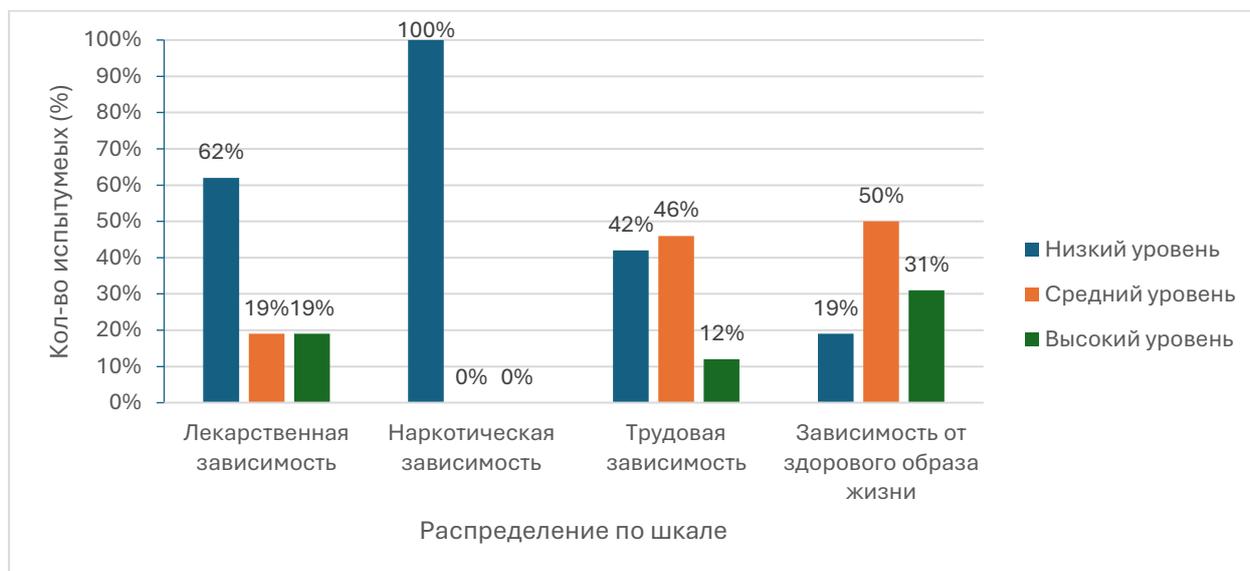

Рисунок 5 – Распределение результатов по шкалам «Лекарственная зависимость», «Наркотическая зависимость», «Трудовая зависимость» и «Зависимость от здорового образа жизни» по методике диагностики склонности к различным зависимостям Лозовой Г.В.

Данные по шкале “лекарственная зависимость” показала, что испытуемых с низким уровнем склонности - 62%, а оставшиеся средний и высокий уровни склонности распределились по 19% в каждом.

Шкала “наркотическая зависимость” показала однозначный результат. У всех опрошенных (100%) низкий уровень склонности к наркотической зависимости.

Распределение по шкале “трудовая зависимость” демонстрирует, что у 42% ответивших

низкий уровень склонности к данной зависимости, у 46% средний уровень склонности и у оставшихся 12% данный показатель находится на высоком уровне склонности.

Низкий уровень склонности к зависимости от здорового образа жизни имеет 19% опрошенных. Половина респондентов (50%) имеет средний уровень склонности и у 31% этот уровень склонности высокий.

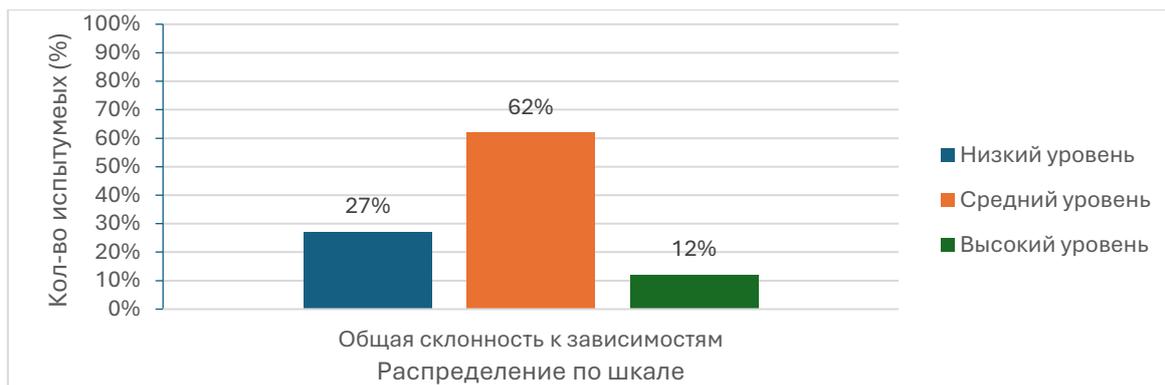

Рисунок 6 – Распределение результатов по шкале «Общая склонность к зависимостям» по методике диагностики склонности к различным зависимостям Лозовой Г.В.

Шкала “общая склонность к зависимостям” показывает, что респондентов с низким уровнем склонности 27%, ответивших со средним уровнем склонности составляет 61% и только 12% обладают высоким уровнем склонности.

Можно сделать вывод о том, у молодых людей преобладает склонность к таким зависимостям, как любовная и пищевая зависимость, и наименьшей выраженности религиозной и наркотической зависимостей.

Высокий уровень склонности к любовной зависимости означает, что, во-первых, непропорционально много времени и внимания уделяется человеку, на которого направлена аддикция. Мысли о «любимом» доминируют в сознании, становясь сверхценной идеей. Процесс носит в себе черты навязчивости, сочетаясь с насильственностью, от которой чрезвычайно трудно освободиться. Во-вторых, аддикт находится во власти переживания нереальных ожиданий в отношении другого человека, находящегося в системе этих отношений, без критики к своему состоянию. И, наконец, в третьих, любовный аддикт забывает о себе, перестает заботиться о себе и думать о своих потребностях вне аддиктивных отношений.

Высокий уровень склонности к пищевой зависимости означает, что могут наблюдаться приступы неуправляемого аппетита, неконтролируемого поглощения пищи и ощущении отсутствия контроля над собой и процессом приема пищи. Так же некоторые индивиды привыкли «заедать» свой стресс вкусной едой.

Любовная и пищевая зависимости с одной стороны характерны для возраста молодых людей, а с другой это может быть тенденцией времени.

При обработке было выявлено как между собой коррелируют разные виды зависимостей. У испытуемых с развитой склонностью любовной зависимости, как правило, также выражена и пищевая зависимость. А испытуемые с развитой игровой зависимостью также демонстрируют зависимость от компьютера (интернета, социальных сетей).

В целом по выборке испытуемых были выявлены сформированные зависимости по следующим шкалам:

Любовная зависимость (57%); зависимость от межполовых отношений (8%); зависимость от курения (12%); зависимость от алкоголя (8%); пищевая зависимость (42%); зависимость от компьютера (интернета, социальных сетей) (8%); телевизионная зависимость (12%); лекарственная зависимость (19%); трудовая зависимость (12%); зависимость от здорового образа жизни (31%); общая склонность к зависимостям (12%).

Кроме этого на среднем уровне выражены такие склонности: любовная зависимость (35%); зависимость от межполовых отношений (31%); религиозная зависимость (15%); зависимость от курения (8%); зависимость от алкоголя (31%); пищевая зависимость (42%); игровая зависимость (35%); зависимость от компьютера (интернета, социальных сетей) (19%); телевизионная зависимость (15%); лекарственная зависимость (19%); трудовая зависимость (46%); зависимость от здорового образа жизни (50%); общая склонность к зависимостям (61%). Полученные данные свидетельствуют о необходимости регулярной и систематической профилактической и коррекционной работе в учебных заведениях.

Список литературы:

1. Абитов И.Р. Психология девиантного поведения: учебно-методический комплекс/ И.Р. Абитов. – Казань: РИЦ «Школа», 2010
2. Айвазова А.Е. Психологические аспекты зависимости/ А.Е. Айвазова. – СПб: Речь, 2003. – 120 с.
3. Антипов С. А., Полухина И. В., Сафонов С. В. Социально-возрастные особенности обучающихся в учреждениях СПО // Вестник ВГТУ. 2011. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-vozzrastnye-osobennosti-obuchayuschih-sya-v-uchrezhdeniyah-spo>.
4. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. - Т. 15.- № 1.- С. 3-18.
5. Вострокнутов Н.В. Антинаркотическая профилактическая работа с несовершеннолетними групп социального риска/ Н.В. Вострокнутов// Руководство для специалистов социальных практик. М.: Московский городской фонд поддержки школьного книгоиздания, 2004. – 182 с.
6. Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела [Электронный ресурс] // Психология и право. - 2015. - Том 5. - № 1. - С. 90–107. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76156.shtml>(дата обращения: 16.04.2024)
7. Гамезо М.В., Петрова Е.А., Орлова Л.М. Возрастная и педагогическая психология: Учеб. пособие для студентов всех специальностей педагогических вузов. — М.: Педагогическое общество России, 2003. — 512 с.
8. Дмитриева Н., Левина Л. Психологическая коррекция отклоняющегося поведения личности/ Н. Дмитриева, Л. Левина. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 188 с.
9. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 288 с. ISBN 5-7695-1782-4
10. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения/ Е.В. Змановская. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.
11. Кагермазова, Л.Ц. Возрастная психология (Психология развития): учебник / Л.Ц. Кагермазова. - М.: ГАРДАРИКИ, 2008 СТР.171
12. Комер Р. Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. — СПб.: ПРАЙМЕВРОЗНАК, 2002.— 608 с.
13. Кон И.С. Психология ранней юности: книга для учителя / И. С. Кон. - М.: Просвещение, 1989. - 256 с
14. Кон И.С. Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности). Учеб. пособие для студентов пед. интов. — М. Просвещение, 1979. — 175 с.
15. Леонова Л.Г. Бочкарёва Н.Л. Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте: учебно-методическое пособие / Л.Г. Леонова, Н.Л. Бочкарёва. - Новосибирск: НМИ, 1998. – 172 с.
16. Психологические аспекты профилактики аутоагрессивного поведения у обучающихся образовательных организаций: методическое пособие / сост.: В.В. Герасимова. – Казань: ИРО РТ, 2015. – 56 с.
17. Рыбалко Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология: Учеб. пособие. - Л.: Издательство Ленинградского ун-та; 1990. — 256 с.
18. Старшенбаум Г.В. Аддиктология. Психология и психотерапия зависимостей/ Г.В. Старшенбаум. - М.: Издательский дом: Когито-Центр, 2006. – 367 с.
19. Тарасова Л.Е. Девиантология. - Саратов: 2014. – 111 с.
20. Титова С.В., Дети группа риска в общеобразовательной школе/ С.В. Титова. СПб: Питер, 2008. – 240 с.
21. Фурманов И.А. Профилактика нарушений поведения в учреждениях образования /А.Н. Сизанов, В.А. Хриптович. – Минск: РИВШ, 2011. – 250 с.

Ya.S. Sinyagina, R.A. Turlakova, I.A. Podolskaya
SELF-DESTRUCTIVE BEHAVIOR OF STUDENTS

Abstract. It can be said that at present, students of all kinds of educational institutions increasingly face self-destructive behavior as a response to certain stressful factors. At the same time, at this point in time, there are no general special foundations for the study of self-destructive behavior that a psychologist could conduct. In addition, there is still a problem of insufficient prevention of this phenomenon, as well as a programme of actions necessary for helping students who have encountered self-destructive behavior. Therefore, for these reasons, it is necessary to highlight this problem.

Key words: self-destructive behavior, deviant behavior, students, auto-aggressive behavior.

References:

1. Abitov I.R. Psychology of deviant behaviour: tutorial complex / I.R. Abitov. – Kazan: RRC “Shkola”, 2010
2. Aivazova A.E. Psychological aspects of dependence / A.E. Aivazova. – SPb: Rech, 2003. – 120 p.
3. Antipov S.A., Polukhina I.V., Safonov S.V. Social-age features of students at institutions of secondary professional education // Bulletin of VSTU. 2011. No.9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-vozrastnye-osobennosti-obuchayuschih-sya-v-uchrezhdeniyah-spo>.
4. Antsyferova L.I. Personality in difficult life conditions: reassessment, reformation and psychological defence // Psychological journal. 1994. - V. 15.- № 1.- P. 3-18.
5. Vostroknutov N.V. Antidrug preventive work with minors' groups of social risk / N.V. Vostroknutov // Manual for specialists of social practices. M.: Moscow city fund of support for schoolbook publishing, 2004. – 182 p.
6. Galkina E.A., Degtyarev A.V. Deviating behaviour and autoaggression of minors with body modification [Electronic resource] // Psychology and Law. - 2015. - Volume 5. - № 1. - P. 90–107. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n1/76156.shtml> (date of application: 16.04.2024)
7. Gamezo M.V., Petrova E.A., Orlova L.M. Age and Pedagogical Psychology: textbook for students of all specialities at pedagogical higher educational institutions. – M.: Pedagogical community of Russia, 2003. — 512 p.
8. Dmitrieva N., Levina L. Psychological correction of personality deviating behaviour / N. Dmitrieva, L. Levina. – M.: LAP LambertAcademic Publishing, 2013. – 188 p.
9. Zmanovskaya E.V. Deviantology: (Psychology of deviating behaviour): Textbook for students of higher educational institutions. – 2nd ed, corr. – M.: Publishing centre “Akademiya”, 2004. – 288 p. ISBN 5-7695-1782-4
10. Zmanovskaya E.V. Deviantology: Psychology of deviating behaviour / E.V. Zmanovskaya. – M.: Publishing centre “Akademiya”, 2008. – 288 p.
11. Kagermazova L. Ts. Age Psychology (Psychology of development): textbook / L.Ts. Kagermazova. – M.: GARDARIKI, 2008. P.171
12. Komer R. Pathopsychology of behaviour. Disorders and pathology of psyche. – SPb.: PRAIMEVROZNAK, 2002.— 608 p.
13. Kon I.S. Psychology of early youth: book for teacher / I.S. Kon. – M.: Prosveshcheniye, 1989. - 256 p.
14. Kon I.S. Psychology of youth age (Problems of personality formation). Textbook for students of pedagogical institutes. – M.: Prosveshcheniye, 1979. — 175 p.
15. Leonova L.G., Bochkareva N.L. Issues of preventing addictive behaviour at the age of adolescence / L.G. Leonova, N.L. Bochkareva. – Novosibirsk: NMI, 1998. – 172 p.
16. Psychological aspects of preventing autoaggressive behaviour of students at educational organizations: methodic tutorial / com.: V.V. Gerasimova. – Kazan: IPO PT, 2015. – 56 p.
17. Rybalko E.F. Age and Defferitiation Psychology: tutorial. – L.: Publishing house of Leningrad university, 1990. — 256 p.
18. Starshenbaum G.V. Addictology. Psychology and psychotherapy of dependencies / G.V. Starshenbaum. – M.: Publishing house: Kogito-Tsentr, 2006. – 367 p.
19. Tarasova L.E. Deviantology. - Saratov: 2014. – 111 p.
20. Titova S.V. Children at risk groups at general comprehensive school / S.V. Titova. SPb.: Piter, 2008. – 240 p.
21. Furmanov I.A. Prevention of behaviour disorders at educational institutions / A.N. Sizanov, V.A. Khripovich. – Minsk: RIHS, 2011. – 250 p.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024 г.

О.М. Гасанова, Н.Н. Павлова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ «ГРУППЫ РИСКА»

Аннотация. В статье, представляющей результаты эмпирического исследования, рассматриваются особенности психического состояния обучающихся, склонных к девиантному поведению: содержатся сведения об уровне тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности, сформированности суицидальных намерений и данные, полученные в ходе выявления специфики внутрисемейных отношений, степени информированности о буллинге, кибербуллинге. В структуре работы обозначена цель, достижение которой направлено на решение проблемы «каковы особенности психического состояния, внутрисемейных и внутригрупповых отношений студентов группы риска, склонных к девиантному поведению?». Методы исследования: теоретические (анализ, синтез, обобщение), эмпирические – методика Г. Айзенка «Самооценка психических состояний», опросник суицидального риска (модификация Т.Н. Разуваевой).

Ключевые слова: девиантное поведение, психическое состояние студентов, обучающиеся группы риска, отклоняющееся поведение обучающихся.

Реализация системно-деятельностного подхода в образовании как методологической основы ФГОС СПО предполагает выявление у обучающихся основных результатов обучения в контексте овладения универсальными учебными действиями и осуществление педагогической работы, нацеленной на развитие личности, когда обучение опережает развитие и ведёт его за собой. Следовательно, студент воспринимается педагогом как участник образовательного процесса в совокупности его неповторимых психологических особенностей, посредством чего создаются условия для максимально успешной социализации.

В каждом образовательном учреждении есть более уязвимые обучающиеся, требующие особого внимания, в частности – дети с отклоняющимся поведением, находящиеся в трудной жизненной ситуации. В нашем исследовании мы акцентировали внимание именно на детях с девиантным поведением. Данная категория относится к «группе риска». Термин «девиантное поведение», интерпретируемый как «поведение, отклоняющееся от нормы», включающее в себя «совершение правонарушений и антиобщественных действий» и характеризующий одну из категорий детей группы риска, мы встречаем в официальных документах, научной и учебно-методической литературе: федеральном законе РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», методических рекомендациях по организации функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях, монографии М.А. Галагузовой [2], учебном пособии Л.А. Рыбаковой и Т.Ф. Барыбиной [11], исследованиях Н.С. Белобородовой [1], В.В. Ситниковой, Л.З. Гостевой [12], О.Ю. Калини-

ченко [3], А.С. Краснощекова [5], Е.П. Пчелкиной [9], и др.

Актуальность данной проблемы подтверждается важностью формирования психологически благополучной личности счастливого, творческого, уверенного в себе, гибкого, но настойчивого в достижении поставленной цели, обучающегося, демонстрирующего успешное освоение результатов основной образовательной программы; значимостью исполнения социального запроса как условия успешного функционирования образовательной системы. Вышесказанное подтверждается нормативными документами разных уровней: федеральными законами [7], указами президента [6], приказами Министерства Просвещения [8], концепцией развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года (развивающей положения закона «Об Образовании») [4], инструктивными письмами из УОиН Липецкой области, Института развития образования, содержащими методические рекомендации для ориентации образовательных учреждений на решение приоритетных проблем.

В работах М.А. Галагузовой [2], А.С. Краснощекова [5], Н.С. Белобородовой [1] отмечаются некоторые особенности несовершеннолетних студентов с девиантным поведением: агрессивность, трудности в установлении межличностных отношений и социальной адаптации часто на фоне членства в группах асоциальной направленности (как в реальных, так и интернет-сообществах), проблемы с дисциплиной на занятиях и освоении содержания образовательных программ, снижение мотивации к обучению, повышенная конфликтность, неспо-

способность к конструктивному диалогу с педагогами и родителями.

Нарушение психологического благополучия неизменно влечёт за собой проблемы функционирования личности в социуме, что ещё больше дисгармонизирует психологическое развитие. Следовательно, необходимо содействовать успешной социализации обучающихся, акцентировав внимание на детях группы риска, с целью перевода их в категорию нормотипичных детей. Спецификой девиантного поведения в подростковом возрасте является его опосредованность групповыми ценностями, однако, что значимо для обучающегося с отклонениями в поведении? Каковы особенности психического состояния, внутрисемейных и внутригрупповых отношений студентов группы риска, склонных к девиантному поведению?

Решая противоречия между потребностью общества в выпускниках образовательных учреждений, не имеющих проблем в социально-психологической, профессиональной адаптации, и реальным наличием студентов с асоциальным, противоправным, зависимым поведением, между важностью вопроса психолого-педагогической коррекции, проводимой с детьми «группы риска» (находящихся в трудной жизненной ситуации, социально-опасном положении) и необходимостью в постоянно обновляемых актуальных сведениях об особенностях и факторах отклонений в психологии обучающихся, вышеупомянутый вопрос мы обозначили проблемой нашего исследования, а его решение – целью: выявить психологические особенности студентов, склонных к девиантному поведению. Выборку исследования составили 45 испытуемых государственного областного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Елецкий железнодорожный техникум эксплуатации и сервиса», включённых в неё на основании следующих показателей:

- трудности социальной адаптации;

- трудности в освоении основных образовательных программ;
- аддиктивное поведение;
- делинквентное поведение.

Изучая психологические особенности, на первое место в работе мы поставили диагностику депрессивно-тревожных состояний, несвоевременное выявление которых является общей тенденцией самоубийств подростков. Также мы считаем обоснованным исследование внутрисемейных отношений детей группы риска, т.к. семейное неблагополучие – главная причина попадания в неё детей. Оно порождает массу проблем в поведении, их развитии, образе жизни и приводит к нарушению ценностных ориентаций.

В ходе решения задач – выявления уровня тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности, сформированности суицидальных намерений, выявления специфики внутрисемейных отношений и степени информированности о буллинге, кибербуллинге и ориентации на ценности – мы провели анализ психолого-педагогической литературы по проблеме, вынесенной в название статьи, использовали:

- методику самооценки психических состояний Г. Айзенка;
- опросник суицидального риска Т.Н. Разуваевой [10];
- авторский опросник, составленный нами.

Методика Г. Айзенка «Самооценка психических состояний» представляет собой перечень из 40 утверждений, сгруппированных в четыре шкалы (тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность). Каждое из утверждений испытуемый должен классифицировать, идентифицируя со своим состоянием: «подходит», «подходит, но не очень», «не подходит». Результаты проведения с обучающимися, отнесёнными к категории «группы риска», представлены в таблице 1.

Таблица 1

	Тревожность	Фрустрация	Агрессивность	Ригидность
Низкий	69%	78%	35%	43%
Средний	26%	22%	56%	43%
Высокий	5%	0%	9%	14%

Опросник Т.Н. Разуваевой состоит из 29 утверждений, рядом с каждым из которых нужно поставить знак «+» или «-», если испытуемый согласен с ним или не согласен соответственно. Он предназначен для диагностики суицидального риска, выявления уровня сформированности суицидальных намерений. Обработывая результаты выполнения опросника, мы установили, что у подавляющего большинства испытуемых (87%) отмечена максимальная выраженность антисуицидального фактора, что свидетельствует об осознании ценности своей

сформированности суицидальных намерений. Обработывая результаты выполнения опросника, мы установили, что у подавляющего большинства испытуемых (87%) отмечена максимальная выраженность антисуицидального фактора, что свидетельствует об осознании ценности своей

жизни, ответственности за близких, неприемлемости самоубийства, что даже при высокой выраженности всех остальных факторов снимает глобальный суицидальный риск. Оставшиеся обучающиеся (13%) показали высокие баллы по фактору социального пессимизма: они отрицательно воспринимают окружающий мир, считают его враждебным и несправедливым, зачастую позиционируя себя лучше других, что позволяет им оправдывать свои безнравственные или асоциальные поступки.

Этим детям было уделено отдельное внимание и для контроля стабильности их психического состояния для каждого из них составлена индивидуальная коррекционная программа. Стоит отметить, что не было выявлено обучающихся, у которых преобладающими факторами являются слом культурных барьеров и временная перспектива, первый из которых свидетельствует о приверженности к культу самоубийства, а второй – о невозможности конструктивного планирования будущего и склонности трансформировать ощущения от текущих трудностей в глобальный страх неразрешимости проблем в жизни.

Разработанный нами опросник, результаты которого были конкретизированы в индивидуальной беседе, включает в себя 15 вопросов открытого типа, направленных на выявление особенностей отношений в семье, со сверстниками, а также знаний о буллинге и кибербуллинге как травли одного человека другим (другими) непосредственно или с использованием интернет-ресурсов.

Нами было выявлено, что только 60% детей могут довериться родителям, поговорить о беспокоящих проблемах, причём не только в учёбе, но и в личной жизни. Эти обучающиеся отмечают, что тревожные мысли по поводу неопределённости будущего, проблемы личного характера, в частности – неудачи во взаимоотношениях с представителями противоположного пола, несоответствие своей внешности современным стандартам красоты и др., не воспринимаются родителями всерьёз. Все 45 обучающихся, принявших участие в опросе, осведомлены о буллинге и кибербуллинге. Однако, если первое из этих социальных явлений оценивается ими негативно: опрашиваемые подчёркивают недопустимость травли одного человека другими в группе, компании (либо они от-

носятся нейтрально, подчёркивая, что сами не причиняли вреда другим и жертвами не являлись), то кибербуллинг воспринимается большинством из них как шутка, нечто несерьёзное, выражаемое в следующих ответах: «никого нельзя затравить какими-то сообщениями», «это просто переписка – от этого никто не умрёт» и т.п.

Анализ эмпирических данных показывает, что для большинства испытуемых, отнесённых к категории группы риска, характерен низкий уровень отрицательных психических состояний фрустрации, тревожности, ригидности (за исключением агрессивности – большинство респондентов отнесены к среднему уровню). Для большинства (87%) обучающихся, принявших участие в исследовании, характерна выраженность антисуицидального фактора, что свидетельствует об осознании ими ценности своей жизни. Оставшиеся 13% респондентов показали выраженность проявления социального пессимизма. Все испытуемые знакомы с проявлениями систематической травли в реальном и виртуальном пространстве, однако, к буллингу относятся однозначно отрицательно, но недооценивают серьёзность и опасность кибербуллинга, воспринимая его как глупое развлечение, неспособное привести к трагическим последствиям.

Полученные в диагностике результаты дали основание запланировать просветительскую работу, направленную на информирование студентов об опасности кибербуллинга, об особенностях психологического состояния жертв интернет-травли и данных статистики о трагичных последствиях подобного противоправного поведения, а также – ответственности. Также мы осознаём целесообразность проведения просветительской работы с родителями, необходимой для информирования о важности установления доверительных контактов со своими детьми, признания важности их проблем и переживаний, что необходимо и для развития личности несовершеннолетнего, и для формирования благоприятного климата внутри семьи. На основе полученных данных мы считаем обоснованным продолжение исследования и интеграцию полученного психолого-педагогического опыта в образовательный процесс колледжа.

Список литературы:

1. Белобородова Н.С. Особенности социализации обучающихся, имеющих девиантное поведение / Н.С. Белобородова, Е.С. Мирзаханова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – №5. – С.10-12.
2. Галагузова М.А. Социально-педагогическое сопровождение детей группы риска: региональный аспект монография / М.А. Галагузова, Ю.Н. Галагузова, Т.С. Дорохова и др.; под общ. ред. М.А. Галагузова. – Екатеринбург: Ажур, 2015. – 223 с.
3. Калиниченко О.Ю. Формирование аддиктивного поведения в подростковом и юношеском возрасте: системный анализ социальных и психологических факторов риска: диссертация ... кандидата биологических наук: 05.13.01. – Москва, 2007. – 165 с.: ил.
4. Концепция развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года: утверждён Министром Просвещения Российской Федерации 18 июня 2024 г. № СК-13/07вн.
5. Краснощеков А.С. Взаимосвязь социально-психологических и индивидуально-психологических факторов девиантного поведения: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Краснощеков Александр Сергеевич; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2012. – 222 с.: ил.
6. О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 17 мая 2023 года №358.
7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон № 120-ФЗ [одобрен Советом федерации 24 июня 1999 года].
8. Об утверждении порядка проведения социально-психологического тестирования обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 20 февраля 2020 года №59.
9. Пчелкина Е.П. Посттравматическое стрессовое расстройство как фактор девиантного поведения подростков // Е.П. Пчелкина, Т.Н. Разуваева, О.Ю. Кушко // Проблемы современного педагогического образования. – 2023 – №79-1. – С. 422-425.
10. Разуваева Т.Н. Опросник суицидального поведения <https://psytests.org/diag/srosr-run.html> [Дата обращения 11.11.2024]
11. Рыбакова Л.А. Дети группы риска: особенности развития, психолого-педагогические технологии работы с детьми группы риска: учебное пособие / Л.А. Рыбакова, Т.Ф. Бабынина. – Казань: Издательство «Бриг», 2015. – 200 с.
12. Ситникова В.В. Организация социальной защиты студентов группы риска в вузе / Л.З. Гостева, В.В. Ситникова // Вестник АмГУ. – 2016. – Вып. 74. – С.75-80.

О.М. Gasanova, N.N. Pavlova

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONALITY OF “RISK GROUP” STUDENTS

Abstract. The article, which presents the results of the empirical study, examines the features of the mental state of students prone to deviant behavior: it contains information about the level of anxiety, frustration, aggression, rigidity, formed suicidal intentions and the data obtained during the identification of the specifics of intra-family relations, awareness of bullying, cyberbullying. The structure of the work identifies the goal, the achievement of which is aimed at solving the problem “what are the features of the mental state, intra-family and intra-group relationships of students at risk who are prone to deviant behavior?”. Research methods: theoretical (analysis, synthesis, generalization), empirical – G. Eysenck's method of “Self-assessment of mental states”, suicide risk questionnaire (modified by T.N. Razuvaeva).

Key words: deviant behavior, mental state of students, students at risk, deviant behavior of students.

References:

1. Beloborodova N.S. Features of socialization of students with deviant behavior / N.S. Beloborodova, E.S. Mirzakhanova // The world of science, culture, and education. 2014. No. 5. - P.10-12.
2. Galaguzova M.A. Social and pedagogical support for children at risk: regional aspect. Monograph / M.A. Galaguzova, Yu.N. Galaguzova, T.S. Dorokhova et al.; under general editorship by M.A. Galaguzov. - Ekaterinburg: Azhur, 2015. - 223 p.

3. Kalinichenko O.Yu. Formation of addictive behavior in adolescence and youth: systematic analysis of social and psychological risk factors: dissertation ... Candidate of Biological Sciences: 05.13.01. – Moscow, 2007. – 165 p.: ill.
4. Concept of development of system of psychological and pedagogical assistance in field of general education and secondary vocational education in Russian Federation for period up to 2030: approved by Minister of Education of Russian Federation on June 18, 2024 № SK-13/07vn.
5. Krasnoshchekov A.S. Interrelation of socio-psychological and individual-psychological factors of deviant behavior: Dissertation ... Candidate of Psychological Sciences: 19.00.05 / Krasnoshchekov Alexander Sergeevich; [Place of defense: Sarat. State University named after N.G. Chernyshevsky]. Saratov, 2012.- 222 p.: ill.
6. On strategy of comprehensive children's safety in Russian Federation for period up to 2030: Decree of President of Russian Federation on May 17, 2023 No. 358.
7. On fundamentals of system of prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law No. 120-FZ [approved by Federation Council on June 24, 1999].
8. On approval of procedure for conducting socio-psychological testing of students in general education organizations and professional educational organizations: Order No. 59 of Ministry of Education of Russian Federation on February 20, 2020.
9. Pchelkina E.P. Posttraumatic stress disorder as factor of adolescents' deviant behavior // E.P. Pchelkina, T.N. Razuvaeva, O.Yu. Kushko // Problems of modern pedagogical education. – 2023 – No.79-1. – P. 422-425.
10. Razuvaeva T.N. Questionnaire of suicidal behavior <https://psytests.org/diag/srosr-run.html> [date of application 11.11.2024]
11. Rybakova L.A. Children at risk: developmental features, psychological and pedagogical technologies of working with children at risk: textbook / L.A. Rybakova, T.F. Babynina. - Kazan: Publishing House "Brig", 2015. 200 p.
12. Sitnikova V.V. Organization of social protection of students at risk at university / L.Z. Gosteva, V.V. Sitnikova // Bulletin of AmSU. – 2016. - Issue 74 - P.75-80.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024 г.

ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 159.9.07

DOI 10.54072/26586568_2025_8_1_112

А.В. Иванова, М.Ю. Никулина, М.В. Клементьева

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СТАТУСОВ ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Целью статьи является адаптация методики, позволяющей оценить статусы интерперсональной идентичности. Выборку составили данные, полученные от 100 респондентов (от 17 до 29 лет; 40% мужчины). Были выделены статусы интерперсональной идентичности: мораторий, недифференцированная, развивающаяся, достигнутая, диффузная, предрешенная. Исходя из полученных результатов, можно констатировать, что методика оценки интерперсональной идентичности является надежным и валидным психодиагностическим инструментом.

Ключевые слова: идентичность, интерперсональная идентичность, статусы идентичности, валидность, надежность, психологический инструментарий.

В современных реалиях из-за быстро меняющегося социального контекста, развития цифровой среды и глобализации проблема идентичности становится немаловажной. Молодые люди, находясь на этапе формирования идентичности, сталкиваются со множеством вызовов, связанных с выбором социальных ролей, ценностей и обязательств. Это актуализирует задачу разработки и внедрения инструментария для анализа и исследования этих процессов. Изучение идентичности имеет важное значение для разработки программ в психологической практике для диагностики, прогнозирования и коррекции.

Исследованию идентичности посвящено большое количество работ в отечественной и зарубежной психологии. Среди психологов данным вопросом занимались Э. Эриксон [6], Дж. Марсия [10], А. Ватерман [12], Е. Crocetti [8] и другие. Как отмечает А. Ватерман, идентичность не является единичным актом, она включает в себя большое количество выборов, которые являются связанными между собой. Эти выборы направлены на осознание человеком своей личности (формирование идентичности) [12]. Одним из главных в исследовании идентичности можно назвать имя Э. Эриксона. Он дал следующее определение идентичности - осознание временной преемственности, переживание единства и уникальности Я с одновременным чувством общности с социальными образцами группы, к которой личность себя причисляет [6]. Главной его идеей относительно идентичности является то, что идентичность - показатель зрелой личности. Она постепенно развивается посредством интеграции всех идентификаций человека. Идентичность является составляющей нашего Я, характеризует целостно развивающуюся личность, является тождественной и непрерывной. Эриксон писал «я раз-

виваюсь, но я - тот же самый» [6]. Дж. Марсия также занимался исследованием идентичности человека. Он констатировал, что идентичность развивается непрерывно, совершенствуется на протяжении всего жизненного пути человека. Марсия выделяет 4 статуса идентичности: достигнутая, мораторий, предрешенная, диффузная [10].

В рамках данного исследования нами изучен такой аспект идентичности, как интерперсональная идентичность. В работах отечественных и зарубежных психологов говорится, что интерперсональная идентичность (ИИ) — это аспект идентичности человека, который формируется его взаимоотношениями с другими людьми. Она включает в себя то, как люди воспринимают себя в связи со своими социальными связями, включая дружбу, семейные отношения и романтические партнерские отношения. На это измерение идентичности влияют социальные роли, ожидания и динамика межличностных отношений [8]. Интерперсональная идентичность возникает в результате повторяющихся социальных взаимодействий и характеризуется относительно стабильными, но развивающимися моделями поведения и самовосприятия. Эта идентичность формируется в процессе расширения круга общения и совместного проживания, когда индивиды вырабатывают личные и социальные привычки, которые стабилизируют их идентичность в социальных контекстах [9]. На формирование интерперсональной идентичности влияют процессы социализации и рефлексивный характер повседневных взаимодействий. Самовосприятие людей и их жизненная политика определяются принятием и отвержением, с которыми они сталкиваются в социальных контекстах. Этот динамичный процесс основан на интеракционистской традиции, подчеркивающей непрерывное развитие

идентичности посредством социальных взаимодействий [13].

В работах Е. Crocetti предложены 3 структурных аспекта интерперсональной идентичности: приверженность, углубленное исследование и переосмысление обязательств. Приверженность предполагает принятие четких решений в отношении идентичности и совершение значимых действий, связанных с этим выбором. Оно отражает степень, в которой люди четко осознают свою идентичность в определенных областях своей жизни. Углубленное исследование: подразумевает активное исследование и рассмотрение различных вариантов самоидентификации. Оно включает в себя сбор информации и размышления о своей идентичности, что может привести к более глубокому пониманию самого себя. Пересмотр обязательств отражает процесс оценки и пересмотра существующих обязательств. Он отражает критическую оценку текущего выбора человеком своей идентичности и рассмотрение альтернатив, часто стимулируемое негативной оценкой этих обязательств.

Так, на основе вышеизложенных представлений о структуре интерперсональной идентичности, Е. Crocetti был разработан опросник U-MISC, состоящий из 13 вопросов и 3 шкал: приверженность, углубленное исследование, переосмысление обязательств. В своей работе автор получает 5 статусов интерперсональной идентичности: мораторий, поисковый мораторий, закрытая, диффузная и достигнутая [8]. Данная методика была переведена на иврит, арабский [7], турецкий [11] и другие языки. Адаптируемые материалы являются надежными и валидными, что говорит о широких возможностях использования данного опросника в различных культурных контекстах. Если говорить

о российской версии методики, оценивающей статус интерперсональной идентичности, то следует отметить отсутствие адаптации материалов Е. Crocetti на русский язык, что делает невозможным применение этого инструмента на российской выборке. Однако, Т. А. Гаврилова и Е. В. Глушак, разработали шкалу интерперсональной эго-идентичности, OMEIS-R [2]. Она позволяет определить статус интерперсональной идентичности согласно теории Дж. Марсиа - она может быть достигнутой, предрешенной, диффузной или находящейся в моратории. Несмотря на это, методика Гавриловой и Глушак не учитывает 3 аспекта интерперсональной идентичности, выделяемые Crocetti. В связи с этим, возникает необходимость в адаптации методики U-MISC на русский язык. Разработка и внедрение данного инструментария существенно расширяют возможности для решения теоретических, эмпирических и экспериментальных задач.

В исследовании приняли участие 100 респондентов в возрасте 17-29 лет. М_е – 20 лет, М – 20; 60% (n = 60) женщин и 40% (n = 40) мужчин; средний возраст мужчин — 20 лет, женщин — 20 лет.

После перевода оригинального стимульного материала, разработанного Е. Crocetti [8] на русский язык текст был предложен фокус-группе (n = 20) для оценки корректного понимания формулировок пунктов методики. В результате было установлено, что пункты 2 и 3 оригинальной методики демонстрируют высокую степень синонимичности применительно к русскоязычной выборке. В связи с этим, было принято решение оставить в итоговом варианте пункт 3. Так, был получен следующий текст опросника (см. рисунок 1).

Методика оценки статуса интерперсональной идентичности

Ниже приведен ряд вопросов о вас и вашем лучшем друге. Примечание: под вашим «лучшим другом» мы не подразумеваем брата или сестру, а также человека, с которым вы встречаетесь.

В каждом случае отметьте тот вариант, который наиболее точно соответствует вашему мнению. Пожалуйста, обязательно ставьте только одну галочку в каждой строке и отметьте ВСЕ утверждения, используя шкалу:

- 1- категорически не согласен
- 2- не согласен
- 3- ни согласен, ни не согласен
- 4- согласен
- 5- полностью согласен

№	Утверждения	Степень согласия				
		1	2	3	4	5
1	Мой лучший друг дает мне уверенность в жизни					
2	Мой лучший друг придает мне уверенность в себе					
3	Мой лучший друг дает мне уверенность в будущем					
4	Мой лучший друг позволяет мне смотреть в будущее с оптимизмом					
5	Я стараюсь побольше узнать о своем лучшем друге					
6	Я часто размышляю о своем лучшем друге					
7	Я прилагаю много усилий, чтобы постоянно узнавать что-то новое о своем лучшем друге					
8	Я часто пытаюсь узнать, что другие люди думают о моем лучшем друге					
9	Я часто говорю с другими людьми о своем лучшем друге					
10	Я часто думаю, что было бы лучше попробовать найти другого лучшего друга					
11	Я часто думаю, что новый лучший друг сделал бы мою жизнь интереснее					
12	На самом деле, я ищу нового лучшего друга					

Рисунок 1 – Бланк методики оценки статусов ИИ

Методика состоит из 12 пунктов, образующих 3 шкалы. Пункты 1-4 измеряют приверженность (принятие), 5-9 - углубленное исследование и 10-12 переосмысление обязательств. Для фиксации ответов использована шкала Лайкерта (от 1 - категорически не согласен, до 5 - полностью согласен).

Помимо адаптированной методики, направленной на оценку статуса ИИ, использованы следующие методики: шкала ясности Я-концепции [1], опросник Родственная Я-концепция [3], методика исследования социальной идентичности (МИСИ) [5], коллективная и независимая Я-концепция [3], шкала интерперсональной эго-идентичности [2], методика оценки статусов виртуальной идентичности [4]. Для проверки внешней валидности были выбраны методики, содержательно близкие к конструкту интерперсональной идентичности.

Проверка внутренней согласованности и однородности стимульного материала проведена с использованием коэффициента α -Кронбаха. Для формирования статусов был проведен кластерный иерархический анализ. Проверка валидности осуществлена с использованием кор-

реляционного анализа. Для подтверждения гипотезы, что шесть кластеров являются статистически значимыми и отличаются друг от друга по своим характеристикам в исследуемой выборке. Был проведен сравнительный анализ с использованием t-критерия. Также факторная структура методики была проверена с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА) с оценкой максимального правдоподобия, выполненного с помощью программы моделирования структурных уравнений Amos 21.

Проверка внутренней согласованности и однородности стимульного материала проведена с использованием коэффициента α -Кронбаха, все шкалы методики имеют хорошую внутреннюю согласованность - приверженность (принятие) имеет значение $p > 0,878$, углубленное исследование имеет значение $p > 0,757$, а переосмысление обязательств $p > 0,924$, что говорит о надежности адаптируемой методики.

Проверка структурной валидности трехкомпонентной модели интерперсональной идентичности в КФА продемонстрировала хорошую согласованность теоретической модели с эмпирическими данными (см. рисунок 2).

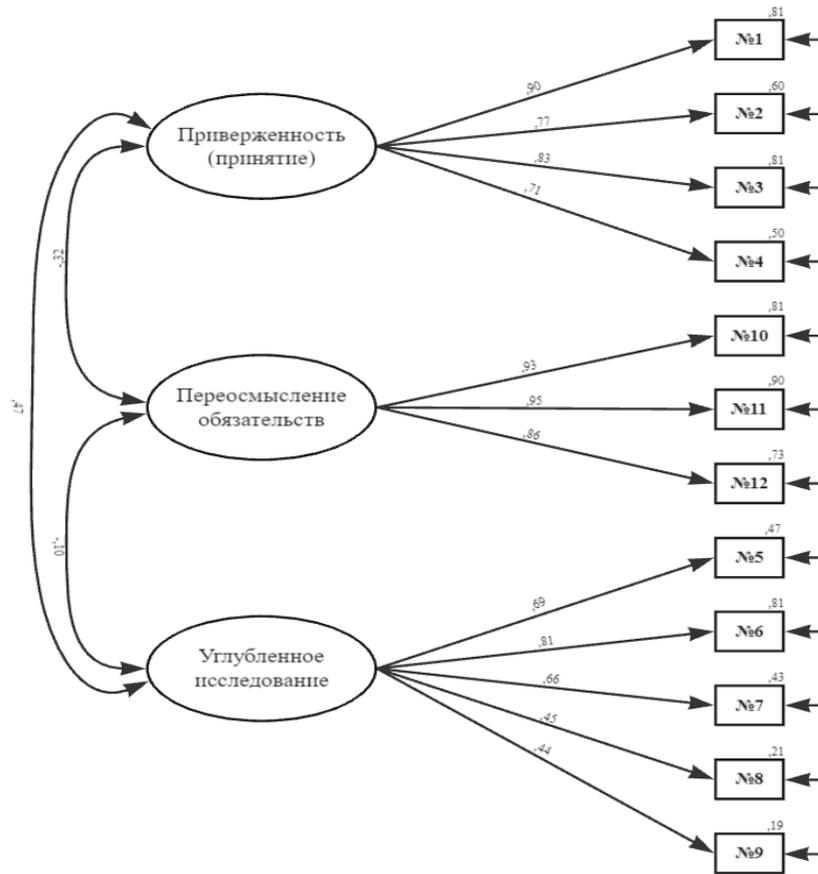

Рисунок 2 – Структура измерительной модели интерперсональной идентичности при $\chi^2/df = 1.36$; $p = 0.141$; $RMSEA = 0.060$; $CFI = 0.989$ ($N = 100$)

Существует положительная линейная ко-вариация двух факторов – приверженность (принятие) и углубленное исследование, отрицательная между приверженностью (принятием) и переосмыслением обязательств, отрицатель-

ная между переосмыслением обязательств и углубленным исследованием.

Для определения количества статусов интерперсональной идентичности был проведен кластерный иерархический анализ (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Модель статусов интерперсональной идентичности по результатам иерархического кластерного межгруппового анализа

Приверженность (принятие) (макс.20)	Углубленное исследование (макс.25)	Переосмысление (макс.15)	Статус	Количество респондентов
выше среднего	выше среднего	низкий	мораторий	26 чел.
выше среднего	Средний	средний	недифференцированная	13 чел.
высокий	выше среднего	низкий	развивающаяся	15 чел.
высокий	высокий	низкий	достигнутая	14 чел.
средний	Средний	низкий	диффузная	12 чел.
высокий	Средний	низкий	предрешенная	20 чел.

Результаты проведенного сравнительного анализа с использованием t-критерия выявили статистически значимые различия ($p < 0,001$) между шестью выделенными кластерами по двум и более шкалам. Это подтверждает гипотезу о том, что шесть кластеров являются статистически обоснованными и отличаются друг от друга по своим характеристикам в исследуемой выборке.

тезу о том, что шесть кластеров являются статистически обоснованными и отличаются друг от друга по своим характеристикам в исследуемой выборке.

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа

	Приверженность (принятие)	Углубленное исследование	Переосмысление обязательств
Коллективная Я-концепция	0.208*	0.372***	0.083
Независимая Я-концепция	0.250*	0.104	-0.064
МИСИ Социальная направленность	0.318**	0.247*	-0.020
Достигнутая эго-идентичность	0.253*	0.231*	-0.102
Принятая эго-идентичность	0.026	0.126	0.272**
Диффузная эго-идентичность	-0.236*	-0.211*	0.171
Осмысленность принятия ВИ	0.212*	0.186	-0.268**
Интенсивность поиска ВИ	0.062	0.337***	0.214*
Родственная Я-концепция	0.456***	0.571***	-0.091

*. Корреляция значима на уровне $p < 0,05$

**. Корреляция значима на уровне $p < 0,01$

***. Корреляция значима на уровне $p < 0,001$

Проверка внешней валидности обнаружила значимые корреляционные связи (см. таблицу 2). Исследование показало, что приверженность (принятие), которая отражает твердый выбор и уверенность в себе, положительно связана с рядом важных аспектов самовосприятия: люди с высокой приверженностью, чувствуют себя частью группы, ощущают принадлежность к коллективу и идентифицируют себя с его ценностями. Они самостоятельны, у них есть осознание собственных ценностей, целей и индивидуальности. Такие люди активно участвуют в общественной жизни и стремятся помогать другим и участвовать в общественной жизни. Можно отметить, что люди с высокой приверженностью прошли через период “кризиса идентичности”.

Люди, имеющие высокие баллы по шкале “углубленное исследование”, ориентированы на общественные интересы, принимать социальные нормы и ценности, стремясь быть частью коллектива. Оно способствует развитию социальной направленности, укреплению связи с семьей и культурой, а также способствует самостоятельному поиску и осмыслению собственной идентичности.

Переосмысление обязательств, хотя и не всегда ведет к радикальному переосмыслению личности, может способствовать более глубокому пониманию своих ценностей и убеждений, а также более активному поиску своей идентичности в виртуальном пространстве.

Вывод. В результате проведенного исследования были получены значимые эмпирические данные, подтверждающие надежность и валидность адаптированного инструментария. Нами были выделены шесть основных статусов: мораторий, недифференцированная, развивающаяся, достигнутая, диффузная, предрешенная.

Индивиды, чья интерперсональная идентичность находится в статусе моратория демонстрируют приверженность выше среднего значения, также, как и углубленное исследования идентичности. Высокая приверженность указывает на наличие определенных убеждений и ценностей, в то время как высокое углубленное исследование свидетельствует об активном поиске и осмыслении альтернативных вариантов. Низкий уровень пересмотра обязательств указывает на относительную устойчивость выбранных идентификационных ориентиров, несмотря на продолжающееся исследование. Недифференцированная ИИ характеризуется баллами выше среднего по шкале приверженности, но средними значениями как углубленного исследования, так и переосмысления обязательств. Это свидетельствует о принятии определенных идентификационных позиций, однако отсутствие интенсивного исследования и переосмысления указывает на пассивность в отношении самопознания. Такие респонденты могут демонстрировать ригидность в своих убеждениях и низкую готовность к переменам. Развивающаяся интерперсональная идентичность схожа со статусом моратория, однако здесь отмечаются более высокие баллы по шкале “приверженность”. Это может указывать на большую стабильность и уверенность в своей идентичности. Достигнутая ИИ представляет собой наиболее зрелую форму интерперсональной идентичности: высокая приверженность, высокое углубленное исследование и низкий уровень переосмысления обязательств. Диффузная ИИ характеризуется средними баллами по первым двум шкалам, низкими баллами по третьей шкале. Отсутствие высокой приверженности свидетельствует об отсутствии ясных убеждений и ценностей. Средний углубленного исследования указывает на пассивность в самопозна-

нии. Низкий уровень переосмысления обязательств указывает на отсутствие стремления к переменам. Этот статус может характеризоваться неопределенностью, отсутствием направления и затруднениями в формировании собственной идентичности. Предрешенная ИИ демонстрирует высокую приверженность при среднем уровне углубленного исследования. Это указывает на принятие идентичности, скорее, навязанной извне, чем сформированной на основе собственного самоанализа. Низкий уровень переосмысления обязательств свидетельствует о недостатке критического осмысления выбранной идентичности.

Корреляционный анализ, проведенный в рамках исследования, показал значимые связи между шкалами адаптируемой методики и некоторыми психологическими показателями. Отмечено, что высокие баллы по “приверженности” характерны для респондентов с выраженной коллективной, независимой и родственной Я-концепцией, социальной направленностью идентичности, высокой осмысленностью принятия виртуальной идентичности, а также для индивидов с достигнутой эго-идентичностью. Также, высокий результат по шкале “углубленное исследование” ассоцииро-

ван с ярко выраженной коллективной и родственной Я-концепцией, высокой интенсивностью поиска виртуальной идентичностью, социальной направленностью идентичности и достигнутой эго-идентичностью. “Переосмысление обязательств” положительно коррелирует с принятой эго-идентичностью и интенсивностью поиска виртуальной идентичности, отрицательно - с осмысленностью принятия виртуальной идентичности.

Таким образом, результаты исследования подчеркивают важность разработки и внедрения надежных инструментов для оценки идентичности. Понимание различных статусов интерперсональной идентичности может способствовать более глубокому пониманию механизмов, влияющих на психологическое состояние индивидов в условиях современного общества. Результаты настоящего исследования могут быть полезны как для теоретических, так и для практических задач, включая психодиагностику. Важно отметить, что дальнейшие исследования могут углубить понимание механизмов, лежащих в основе интерперсональной идентичности, и их влияния на психологическое благополучие индивидов в условиях современного общества.

Список литературы:

1. Вдовенко В.В., Щебетенко С.А., Старовойтенко Е.Б. Я в самопознании: русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции // Психологические исследования, 2021. №77
2. Гаврилова Т.А., Глушак Е.В. К вопросу об адаптации методики объективного измерения статуса эго-идентичности Дж. Р. Адамса // Психологическая диагностика, 2009. №5
3. Дорошева Е.А., Князев Г.Г., Корниенко О.С. Валидизация русскоязычных версий опросников Я-концепции // Психологический журнал, 2016. №3
4. Клементьева М. В. Статусы виртуальной идентичности: понятие и методика оценки («Статус ВИ») // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. No. 1. С. 79–100. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-79-100
5. Шнейдер Л.Б., Хрусталева В.В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ, 2014. №3
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
7. Crocetti, E., Benish-Weisman, M., & McDonald, K., 2019. Validation of the Arabic and Hebrew versions of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). *Journal of adolescence*, 79, pp. 11-15
8. Crocetti, E., Rubini, M., & Meeus, W. (2008). Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, 31 (2), 207-222.
9. James, M., & Loaiza, J., 2020. Coenhabiting Interpersonal Inter-Identities in Recurrent Social Interaction. *Frontiers in Psychology*, 11.
10. Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley, 1980.
11. Morsunbul U., Crocetti E., Çok F., & Meeus W., 2016. Identity statuses and psychosocial functioning in Turkish youth: a person-centered approach.. *Journal of adolescence*, 47, pp. 145-55
12. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Devel. Psychol.* 1982. V. 18. N 3. P. 34135

13. Yalçı A., 2022. I is Someone Else: Interpersonal Identity Construction. *Recep Tayyip Erdoğan Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*. <https://doi.org/10.32950/rteuifd.1062097>

A.V. Ivanova, M.Yu. Nikulina, M.V. Klementyeva
METHODOLOGY FOR ASSESSING INTERPERSONAL IDENTITY STATUSES

Abstract. The purpose of the article is to adapt the methodology for assessing the statuses of interpersonal identity. The sample consisted of data obtained from 100 respondents (aged 17 to 29; 40% men). The statuses of interpersonal identity were identified: moratorium, undifferentiated, developing, achieved, diffuse, predetermined. Based on the results obtained, it can be stated that the method of assessing interpersonal identity is a reliable and valid psychodiagnostic tool.

Key words: identity, interpersonal identity, identity statuses, validity, reliability, psychological tools.

References:

1. Vdovenko V.V., Shchebetenko S.A., Starovoitenko E.B. I am in self-knowledge: Russian-language version of the Self-concept Clarity scale // *Psychological Research*, 2021. №77
2. Gavrilova T.A., Glushak E.V. On issue of adapting J. R. Adams's method of objective measurement of ego-identity status // *Psychological Diagnostics*, 2009. №5
3. Dorosheva E.A., Knyazev G.G., Kornienko O.S. Validation of Russian-language versions of Self-concept questionnaires // *Psychological Journal*, 2016. №3
4. Klementyeva M.V. Statuses of virtual identity: concept and methodology of assessment (“Status of VI”) // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 79-100. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-79-100
5. Schneider L.B., Khrustaleva V.V. Associative test as basis for constructing methodology for studying social identity // *Bulletin of RMAF*, 2014. №3
6. Erickson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Progress, 1996.
7. Crocetti, E., Benish-Weisman, M., & McDonald, K., 2019. Validation of the Arabic and Hebrew versions of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). *Journal of adolescence*, 79, pp. 11-15
8. Crocetti E., Rubini M., & Meeus W. (2008). Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, 31 (2), 207-222.
9. James M., & Loaiza J., Coenhancing Interpersonal Inter-Identities in Recurrent Social Interaction. *Frontiers in Psychology*, 2020. № 11.
10. Marcia J.E. *Identity in adolescence* // Adelson J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. N.Y.: John Wiley, 1980.
11. Morsunbul U., Crocetti E., Çok F., & Meeus W., 2016. Identity statuses and psychosocial functioning in Turkish youth: a person-centered approach. *Journal of adolescence*, 47, pp. 145-55
12. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Devel. Psychol.* 1982. V. 18. N 3. P. 341-35
13. Yalçı A., 2022. I is Someone Else: Interpersonal Identity Construction. *Recep Tayyip Erdoğan Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*. <https://doi.org/10.32950/rteuifd.1062097>

Статья поступила в редакцию 02.12.2024 г.

М.А. Фролова, М.В. Клементьева

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕТОДИКА ЕЁ ОЦЕНКИ

Аннотация. Целью статьи является адаптация методики оценки академической идентичности для российской выборки, а также оценка её психометрических свойств. Выборку составили данные, полученные от 172 студентов университетов г. Москвы в возрасте 17-25 лет. Результаты показали, что методика является надежным и валидным психодиагностическим инструментом, позволяющим диагностировать статусы академической идентичности: достигнутой, проблемной диффузии, поискового моратория, моратория, предрешенной.

Ключевые слова: идентичность, академическая идентичность, студенты, статусы идентичности, психологический инструментарий.

В современном технологически развитом, цифровом обществе, где обучение приобретает новые формы взаимодействия (как офлайн, так и онлайн), а социальные вызовы создают дополнительные трудности, изучение академической идентичности студентов приобретает особую актуальность. Гибридные модели обучения меняют традиционные способы социализации и формирования чувства принадлежности к академическому сообществу, что требует новых подходов к поддержке студентов. При этом социальные факторы увеличивают стресс и тревожность, негативно влияя на академическую успеваемость и самовосприятие. Понимание этих взаимосвязей необходимо для разработки образовательных практик, способствующих успешной учебе и психологическому благополучию студентов в условиях современного мира.

Исследователи определяют академическую идентичность как динамичный процесс самоопределения, включающий поиск ответов на вопрос «Кто я?» в контексте содержания и выбора образования, роли учебного заведения в жизни человека [14], а также самовосприятие в роли учащегося [20], в том числе позиционирование себя относительно образования в целом [8] и специфических предметных областей [18].

Начало исследований идентичности в психологии связано с теорией Э. Эриксона, где акцентированы механизмы становления идентичности как «ощущения тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве», как «осознания того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими» [6]. Дж. Марсия предположил, что в дополнение к двум «полюсам» идентичности, предложенным Э. Эриксоном (идентификация и диффузия), ввел принятие идентичности и широта поиска идентичности как два ключевых процесса для дифференциации четырех статусов идентичности: до-

стигнутой (принятие после активного исследования различных альтернатив); предрешенной (принятие без исследования других вариантов); моратория (фаза поиска еще продолжается, принятия нет); и диффузии (в этом статусе принятие и поиск отсутствуют) [13].

Современные авторы [9] рассматривают модель становления идентичности в двух циклах, которые образуют три шкалы – «глубина поиска», «принятие» и «пересмотр» идентичности, тем самым количество и характер статусов расширился: достигнутая (высокий уровень принятия и поиска, низкий пересмотр), предрешенная (умеренный или высокий уровень принятия, низкий уровень поиска и пересмотра), мораторий (низкий уровень принятия и поиска, высокий пересмотр), диффузия (низкий уровень всех процессов идентичности) и поисковый мораторий (высокий уровень всех процессов идентичности). Существует пятимерная модель для определения статусов идентичности [12], которая также основана на модели двух циклов идентичности. Первый цикл – «поиск вширь», активный поиск различных планов на будущее, завершается «принятием обязательств», принятием нескольких альтернатив относительно планов на будущее. Второй цикл – «поиск вглубь», который представляет собой тщательную оценку выбранных планов на будущее, который может завершаться как «идентификацией с обязательством», так и «пересмотром» принятой идентичности, запуская новый цикл поиска идентичности. В сочетании данных уровней измерений идентичности образуются следующие статусы: достигнутая (высокий уровень обязательств и исследований, но низкий уровень размышлений), предрешенная (умеренный или высокий уровень обязательств, но низкий уровень исследований и размышлений), мораторий (низкий или средний уровень обязательств, но высокий уровень исследований и размышлений), поисковый мораторий (высокий

уровень всех пяти процессов идентичности) проблемная диффузия (низкий уровень обязательств и исследований, но высокий уровень размышлений), беззаботная диффузия (низкие уровни всех пяти измерений), недифференцированная идентичность (умеренные уровни всех измерений). В отечественной психологии в работе Клементьевой М.В. [4] в русле интеграции неозериксоновской парадигмы и культурно-исторической психологии представлена двухфакторная модель оценки статусов виртуальной идентичности, включающая измерения «осмысленного принятия» (обобщенная характеристика принятия и пересмотра идентичности) и «интенсивного поиска» (интеграция глубины и широты поиска идентичности).

Переходный возраст, который характеризуется борьбой между идентификацией личности и путаницей ролей [6], в настоящее время рассматривается как период, выходящий за рамки подросткового возраста, до 25 лет [7], охватывая студенческий возраст. В современных исследованиях [3] большое внимание уделяется термину "формирующаяся взрослость", который охватывает период от 18 до 25 лет, в течение которого молодые люди свободно выбирают свой жизненный путь и несколько отсрочивают социальные переходы, например, окончание образования, уход из родительского дома, начало карьеры, вступление в брак и родительство. Становление идентичности и обучение - задачи развития, которые актуальны в данном периоде.

В русле неозериксоновского подхода в исследовании идентичности, зарубежные авторы [9, 14, 16] сосредоточены на вопросах формирования академической идентичности у школьников и студентов. Статусы академической идентичности связаны с психосоциальным функционированием, учитывая как положительные (например, удовлетворенность жизнью и субъективное счастье), так и отрицательные аспекты (например, интернализацию и экстернализацию психосоциальных проблем) [11]. Также результаты исследований подчеркивают, что академическая успеваемость предсказывает способ, которым люди справляются со своими проблемами идентичности в академическом контексте. Например, высокая академическая успеваемость приводит к высокому уровню принятия идентичности, в то время как низкая академическая успеваемость может запустить процессы пересмотра идентичности [16].

За основу настоящего исследования было принято решение взять опросник «U-MISC» [9], который изначально был создан авторами для

оценки статусов академической и интерперсональной идентичности, но позже был адаптирован для измерения карьерной [19], культурной [10], родительской [15], романтической [17] идентичностей. Также данный опросник переведен на многие языки (китайский, английский, французский, немецкий, испанский, турецкий и др.). Методика состоит из 13 вопросов и 3 шкал (принятие, поиск, пересмотр), авторы выделяют 5 статусов идентичности, которые были описаны нами ранее: мораторий, поисковый мораторий, диффузия, предрешенная и достигнутая.

Таким образом, хотя в мировой психологии хорошо разработана модель статусов идентичности и существует психодиагностический инструмент, в отечественной психологии отсутствует методика для оценки статусов академической идентичности студентов. Исходя из вышеизложенного, целью нашего исследования стала адаптация методики оценки статусов академической идентичности среди российских студентов.

Выборка

В исследовании приняли участие 172 респондента в возрасте 17-25 лет, 78% (n = 135) женщин и 22% (n = 37) мужчин. Все участники являются студентами 1-4 курса высших учебных заведений г. Москвы, направлений психология, политология, социология, философия, управление персоналом, реклама и связи с общественностью и др.

Процедура

После двойного перевода оригинального стимульного материала Crocetti E. на русский язык текст стимульного материала был предложен фокус-группе (n = 20) для оценки корректного понимания формулировок пунктов методики. Опрос проходил в онлайн-форме, со стороны участников было получено информированное согласие. Коэффициент согласованности ответов составил более 0,90.

Инструментарий

Помимо адаптированной методики, направленной на оценку статуса АИ, использованы следующие методики: шкала академической мотивации ШАМ [2], шкала ясности Я-концепции [1], методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ) [5], методика оценки статусов виртуальной идентичности [4]. Для проверки внешней валидности были выбраны методики, содержательно близкие к конструктам академической идентичности.

Обработка данных

Проверка внутренней согласованности и однородности стимульного материала проведена с использованием коэффициента α -Кронбаха.

Для формирования статусов был проведен кластерный анализ. Проверка валидности осуществлена с использованием корреляционного анализа (r-критерий). Для подтверждения гипотезы, что шесть кластеров являются статистически значимыми и отличаются друг от друга по своим характеристикам в исследуемой выборке. был проведен сравнительный анализ с использованием t-критерия. Для того чтобы подтвердить модель академической идентичности, состоящую из трех измерений — принятие, поиск, пересмотр— мы проверили факторную структуру методики «Академическая идентичность» с помощью конфирматорного факторного анализа (КФА) с оценкой максимального правдоподобия, выполненного с помощью программы моделирования структурных уравнений Amos 21.

Результаты и их обсуждение

Проверка внутренней согласованности и однородности стимульного материала проведена с использованием коэффициента α -Кронбаха. Результаты представлены в таблице 1. Шкала «принятие АИ» и “пересмотр АИ” имеет хорошую согласованность факторов (>0,8). Шкала «поиск АИ» имеет приемлемую согласованность факторов (>0,7).

Проверка структурной валидности двух трехкомпонентных моделей (оригинальной из 13 пунктов и адаптированной из 9 пунктов) академической идентичности в КФА продемонстрировала хорошую согласованность адаптированной 9-тикомпонентной модели с эмпирическими данными (см. рисунок 1).

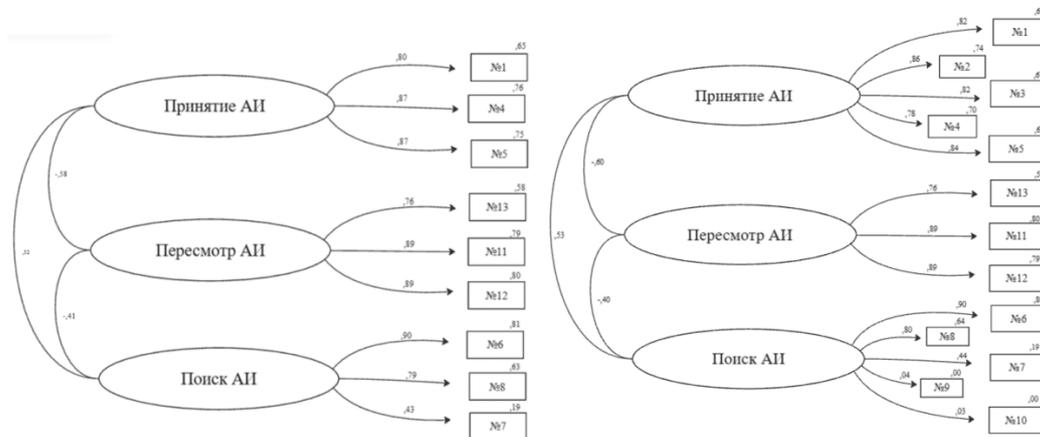

Рисунок 1 – Структура 9-ти компонентной 3-х факторной измерительной модели академической идентичности при $\chi^2/df = 1,396$; $p = 0,094$; $RMSEA = 0,048$; $CFI = 0,988$ и 13-ти компонентной 3-х факторной измерительной модели академической идентичности при $\chi^2/df = 4,198$; $p = 0,001$; $RMSEA = 0,137$; $CFI = 0,846$ (N = 172)

Можно увидеть, что статистические показатели первой (сокращенной 9-ти компонентной) модели более хорошие, по сравнению со второй (полной 13-ти компонентной). Существует положительная линейная ковариация двух факторов – принятие академической идентичности и поиск академической идентичности,

и отрицательная с третьим – пересмотр академической идентичности.

Для выделения статусов идентичности был проведен кластерный анализ, результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Модель статусов академической идентичности по результатам кластерного анализа (к-средний)

Принятие (макс. 15)	Пересмотр (макс.15)	Поиск (макс.15)	Статус
высокий	Низкий	высокий	достигнутая
низкий	Высокий	средний	проблемная диффузия
близкий к высокому	близкий к высокому	близкий к высокому	поисковый мораторий
средний	Низкий	высокий	мораторий
высокий	средний или низкий	средний или низкий	предрешенная

Достигнутая и предрешенная идентичность, а также поисковый мораторий совпадает

со статусами, предложенными авторами оригинальной методики [8]. Однако статусы морато-

рий и проблемная диффузия были описаны исходя из исследований других авторов, изучающих вопросы академической идентичности [12]. Данное распределение можно обосновать спецификой российской выборки студентов. В нашей выборке также отсутствовал статус диффузия, с низкими показателями всех трех шкал. При этом 28% студентов продемонстрировали достигнутую академическую идентичность, 22% - предрешенную, 21% - мораторий, 15% - проблемную диффузию, 14% - поисковый мораторий.

Результаты проведенного сравнительного анализа с использованием t-критерия выявили статистически значимые различия ($p < 0,01$) между пятью выделенными кластерами по двум и более шкалам. Это подтверждает гипотезу, что пять кластеров являются статистически значимыми и отличаются друг от друга по своим характеристикам в исследуемой выборке.

Проверка внешней валидности осуществлена с использованием корреляционного анализа, результаты которого представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа

	Принятие АИ	Пересмотр АИ	Поиск АИ
Ясность Я-концепции	0,269**	-0,285**	0,052
Познавательная мотивация	0,430**	-0,330**	0,401**
Мотивация достижения	0,334**	-0,281**	0,366**
Мотивация саморазвития	0,492**	-0,367**	0,399**
Мотивация самоуважения	0,250**	-0,086	0,227**
Экстернальная мотивация	-0,226**	0,367**	-0,115
Амотивация	-0,519**	0,590**	-0,280**
Осмысленность принятия ВИ	0,221**	-0,063	0,167*
Профессиональная идентичность	0,230**	-0,269**	0,266**

Примечание:

*. Корреляция значима на уровне $p < 0,05$

**.. Корреляция значима на уровне $p < 0,01$

Студенты, набравшие высокие баллы по шкале “принятие АИ” демонстрируют четкое и позитивное самовосприятие в академической среде. Они обладают ясным представлением о себе, высокой внутренней мотивацией к обучению, стремятся к достижению целей, занимаются саморазвитием и обладают высоким уровнем самоуважения. Они гармонично интегрируют свою виртуальную и реальную идентичность, и уверенно смотрят в будущее с точки зрения профессиональной реализации. Студенты с выраженной шкалой “пересмотр АИ” находятся в состоянии неопределенности и сомнений относительно своей роли и места в академической среде. Часто у них нет четких представлений о себе, они мотивированы преимущественно внешними факторами или же вообще лишены мотивации. Они сомневаются в своих способностях, не стремятся к саморазвитию и не видят ясной связи между своей учебной и будущей профессиональной деятельностью. Если говорить про людей с высокими показателями шкалы “поиск АИ”, можно отметить, что такие студенты активно ищут свое место в академическом мире. Они мотивированы к обучению, стремятся к достижению целей, занимаются саморазвитием и обладают достаточно высоким уровнем самоуважения. У них есть

четкое понимание своих сильных сторон и целей, они активно ищут информацию и нарабатывают опыт. Как и в первой группе, они гармонично интегрируют онлайн и офлайн аспекты своей жизни, и уверенно смотрят в будущее с точки зрения профессиональной реализации. Однако, в отличие от первой группы, они находятся в активном процессе формирования своей академической идентичности и осознании себя как студента выбранной специальности.

Вывод

Исходя из полученных результатов, можно констатировать, что адаптируемый опросник является валидным психодиагностическим инструментом, который расширяет возможности для решения задач в области исследования академической идентичности. Методика позволяет диагностировать статусы академической идентичности: достигнутой, проблемной диффузии, поискового моратория, моратория, предрешенной. Было выявлено, что процессы академической идентичности связаны с представлениями субъекта о себе, собственном пути развития, степенью отчетливости, уверенности, внутренней согласованности, а также выраженностью разных типов мотивации к учебной деятельности.

Список литературы:

1. Вдовенко В., Щebetенко С., Старовойтенко Е. Я в самопознании: русскоязычная версия Шкалы ясности Я-концепции // Психологические исследования. 2021. Т. 14, №. 77.
2. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Опросник "Шкалы академической мотивации" // Психологический журнал. 2014. Т. 35, №. 4. С. 96-107.
3. Клементьева М. В. «Подлинное Я» как предиктор формирующейся взрослости студентов // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, №. 3. С. 64-74.
4. Клементьева М. В. Статусы виртуальной идентичности: понятие и методика оценки («Статус ВИ») // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21, №. 1. С. 79-100.
5. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики, 2007. 128 с.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
7. Arnett J.J. (ed.). The Oxford handbook of emerging adulthood. Oxford Library of Psychology, 2015. 656 p.
8. Crocetti E. Identity formation in adolescence: The dynamic of forming and consolidating identity commitments // Child Development Perspectives. 2017. Vol. 11, №. 2. P. 145-150.
9. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model // Journal of adolescence. 2008. Vol. 31, №. 2. P. 207-222.
10. Kranz D., Goedderz A. Coming home from a stay abroad: Associations between young people's reentry problems and their cultural identity formation // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol 74. P. 115-126.
11. Kroger J., Marcia J. E. The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations // Handbook of identity theory and research. New York, NY: Springer New York, 2011. P. 31-53.
12. Luyckx K. et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // Journal of research in personality. 2008. Vol. 42, №. 1. P. 58-82.
13. Marcia J. E. Development and validation of ego-identity status // Journal of personality and social psychology. 1966. Vol. 3, №. 5. P. 551.
14. Negru-Subtirica O. et al. The complex story of educational identity in adolescence: Longitudinal relations with academic achievement and perfectionism // Journal of Personality. 2023. Vol. 91, №. 2. P. 299-313.
15. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // Scandinavian Journal of Psychology. 2018. Vol. 59, №. 2. P. 157-166.
16. Pop E. I. et al. On the interplay between academic achievement and educational identity: A longitudinal study // Journal of adolescence. 2016. Vol. 47. P. 135-144.
17. Schubach E. et al. Short forms of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) with the domains of job, romantic relationship, and region // Journal of Adolescence. 2017. Vol. 54, №. 1. P. 104-109.
18. Simpson A., Bouhafa Y. Youths' and adults' identity in STEM: A systematic literature review // Journal for STEM Education Research. 2020. Vol. 3. P. 167-194.
19. Stringer K. J., Kerpelman J. L. Career identity among community college students // Community College Journal of Research and Practice. 2014. Vol. 38, №. 4. P. 310-322.
20. Timar-Anton C., Negru-Subtirica O., Opre A. How first-year students manage their action crises and motivation to build their learner identity: a look into the critical moment of goal disengagement // Motivation and Emotion. 2022. Vol. 46, №. 6. P. 852-867.

M.A. Frolova, M.V. Klementyeva

ACADEMIC IDENTITY AND ITS ASSESSMENT METHODOLOGY

Abstract. The purpose of the article is to adapt the methodology for assessing academic identity for the Russian sample, as well as to evaluate its psychometric properties. The sample consisted of data obtained from 172 students at Moscow universities aged 17-25 years. The results showed that the methodology is a reliable and valid psychodiagnostic tool that allows diagnosing the statuses of academic identity: achieved, problematic diffusion, search moratorium, moratorium, predetermined.

Key words: identity, academic identity, students, identity statuses, psychological tools.

References:

1. Vdovenko V., Shchebetenko S., Starovoitenko E. I am in Self-knowledge: Russian-language version of the Self-concept Clarity scale // *Psychological Research*. 2021. Vol. 14, №. 77.
2. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Questionnaire “Scales of academic motivation” // *Psychological journal*. 2014. Vol. 35, No. 4. P. 96-107.
3. Klementyeva M.V. “Authentic self” as a predictor of students' emerging adulthood // *Psychological science and education*. 2020. Vol. 25, No. 3. P. 64-74.
4. Klementyeva M.V. Statuses of virtual identity: concept and methodology of assessment (“Status of VI”) // *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2024. Vol. 21, No. 1. P. 79-100.
5. Shneider L.B. *Personal, gender and professional identity: theory and diagnostic methods*, 2007. 128 p.
6. Erickson E. *Identity: youth and crisis*. Moscow: Progress, 1996. 344 p.
7. Arnett J.J. (ed.). *The Oxford handbook of emerging adulthood*. Oxford Library of Psychology, 2015. 656 p.
8. Crocetti E. Identity formation in adolescence: The dynamic of forming and consolidating identity commitments // *Child Development Perspectives*. 2017. Vol. 11, №. 2. P. 145-150.
9. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model // *Journal of adolescence*. 2008. Vol. 31, №. 2. P. 207-222.
10. Kranz D., Goedderz A. Coming home from a stay abroad: Associations between young people’s reentry problems and their cultural identity formation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol 74. P. 115-126.
11. Kroger J., Marcia J. E. The identity statuses: Origins, meanings, and interpretations // *Handbook of identity theory and research*. New York, NY: Springer New York, 2011. P. 31-53.
12. Luyckx K. et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of research in personality*. 2008. Vol. 42, №. 1. P. 58-82.
13. Marcia J. E. Development and validation of ego-identity status // *Journal of personality and social psychology*. 1966. Vol. 3, №. 5. P. 551.
14. Negru-Subtirica O. et al. The complex story of educational identity in adolescence: Longitudinal relations with academic achievement and perfectionism // *Journal of Personality*. 2023. Vol. 91, №. 2. P. 299-313.
15. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. Vol. 59, №. 2. P. 157-166.
16. Pop E. I. et al. On the interplay between academic achievement and educational identity: A longitudinal study // *Journal of adolescence*. 2016. Vol. 47. P. 135-144.
17. Schubach E. et al. Short forms of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) with the domains of job, romantic relationship, and region // *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 54, №. 1. P. 104-109.
18. Simpson A., Bouhafa Y. Youths’ and adults’ identity in STEM: A systematic literature review // *Journal for STEM Education Research*. 2020. Vol. 3. P. 167-194.
19. Stringer K. J., Kerpelman J. L. Career identity among community college students // *Community College Journal of Research and Practice*. 2014. Vol. 38, №. 4. P. 310-322.
20. Timar-Anton C., Negru-Subtirica O., Opre A. How first-year students manage their action crises and motivation to build their learner identity: a look into the critical moment of goal disengagement // *Motivation and Emotion*. 2022. Vol. 46, №. 6. P. 852-867.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Е.С. Кобак, А.В. Хавыло

ДИАЛЕКТИКА ПОЛОВОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. В статье анализируются различия между понятиями «половая идентичность» и «гендерная идентичность» с целью устранения терминологических несоответствий, наблюдаемых в отечественной литературе из-за отсутствия термина «гендер». Рассматриваются два подхода к определению идентичности: психоаналитический и когнитивный. Психоаналитический подход трактует идентичность как динамичную внутреннюю структуру, влияющую на взаимодействие с социальной средой и формирование жизненных стратегий. Когнитивный подход разделяет идентичность на личностный уровень, характеризующийся индивидуальными свойствами, и социальный уровень, связанный с осознанием принадлежности к группе; их взаимодействие способствует формированию целостной идентичности. Разграничиваются понятия «пол» и «гендер», связанные с личностными и социальными аспектами идентичности. В теоретической основе исследования лежат полоролевой подход, ориентированный на понятие «половой идентичности», и социально-конструктивистский подход, акцентирующий внимание на «гендерной идентичности». Особое внимание уделено значимости терминологической точности для исследования психосоциальных процессов, связанных с полом и гендером.

Ключевые слова: идентичность, половая идентичность, гендерная идентичность, пол, гендер.

Введение

Активное включение женщин в экономическую жизнь страны привело к ослаблению жесткой полоролевой поляризации социальных функций и поведения мужчин и женщин. Традиционно приписываемые мужские качества, такие как настойчивость, честолюбие и прагматичность, все чаще наблюдаются у женщин. В то же время можно отметить тенденцию к изменению мужских ролей, включая проявление качеств, ранее ассоциировавшихся преимущественно с женским поведением.

Изменения в воспроизведении социальных ролей влекут за собой преобразования индивидуально-психологических характеристик личности, включая половую идентичность. Это ставит перед обществом и государством задачу определить приоритетные ценности и ориентиры в формировании социальных и гендерных ролей, а также в поддержке развития идентичности своих граждан. Однако отечественные исследования по данному вопросу часто осложняются путаницей в понятиях «половая идентичность» и «гендерная идентичность». Это связано с тем, что до 1960-х годов в отечественной традиции отсутствовало понятие «гендер», и использовался термин «пол» как для описания поведения мужчин и женщин в обществе, так и для обозначения индивидуальных характеристик.

С методологической точки зрения в многочисленных отечественных исследованиях и публикациях, посвященных гендерной проблематике, отсутствует единое понимание сущно-

сти половой идентичности, что создает препятствия для углубленного изучения данного феномена, включая его диагностику. В частности, это проявляется в случаях внутриллических конфликтов, которые могут снижать качество жизни, благополучие личности и оказывать деструктивное влияние на социальные отношения, включая профессиональное становление, поиск и поддержание партнерских связей.

Пол и гендер в структуре личностной идентичности

Половая идентичность — одна из ключевых характеристик личности, влияющая на самоосознание и формирование специфических потребностей, мотивации, ценностей и форм поведения, характерных для мужчин и женщин. Психическое здоровье, гармония в семье и отношения с окружающими во многом зависят от становления половой идентичности.

Для более точного определения понятия «половая идентичность» важно обратиться к понятию «идентичность». Исторически термин «идентификация» впервые использовался в психоаналитической концепции как процесс, связанный с подготовкой к Эдипову комплексу [1]. Дальнейшее развитие подхода связано с неофрейдистами, такими как Э. Фромм, который использовал термин «тождественность» в значении, близком к понятию «идентичности». Он определял тождественность либо как соответствие индивидуальности, либо как принадлежность обществу [9, с. 74-77]. Оба подхода важны, поскольку показывают, что идентич-

ность является частью самосознания личности и выражается в деятельности и общении.

Э. Эриксон сделал понятие идентичности самостоятельной научной категорией [6], определяя её как осознание человеком собственной целостности и непрерывности, а также как совпадение индивидуального стиля с признанным обществом значением [11, с. 59]. Для нас важно подчеркнуть значение обратной связи от окружения.

Дж. Марсия расширил концепцию идентичности, подчеркнув её структурные аспекты и предложив статусную модель [13], включающую:

- диффузную идентичность (отсутствие четкой идентичности);
- предрешенную идентичность (идентичность, присвоенная без поиска);
- мораторий (активный поиск);
- достигнутую идентичность [13].

Хотя модель Марсии была разработана в контексте профессионального становления, её принципы применимы к другим видам идентичности. Таким образом, психоаналитический подход рассматривает идентичность как динамичную структуру, важную для осознания уникальности и социальной принадлежности.

В рамках когнитивного подхода используется понятие «Я-концепция», которое рассматривается либо как часть идентичности, либо как её синоним. Н.В. Антонова определяет Я-концепцию как «срез идентичности», поскольку она подвержена изменениям, и описывает её как обобщённое представление о себе, систему установок относительно собственной личности [2]. А.А. Ондар рассматривает идентичность (или Я-концепцию) как когнитивную систему, регулирующую поведение человека [6].

Несмотря на различия в трактовке соотношения Я-концепции и идентичности, когнитивный подход выделяет два аспекта в структуре идентичности: личностный и социальный. Г. Тэджфел и Дж. Тернер развивали идею о том, что личностная идентичность (дифференцирующая индивида от других) и социальная идентичность (осознание принадлежности к группе) являются полюсами одного континуума, причём достижение идентичности возможно через акцентуацию одного из этих аспектов [14, 15].

Согласно концепции Г. Брейкуэлл, личностная идентичность формируется на основе социальной идентичности: в процессе социализации человек усваивает понятия, формулирующие его представление о себе. Однако со временем личностная идентичность начинает вли-

ять на социальную, становясь критерием для её оценки [12].

Таким образом, формирование идентичности можно рассматривать как диалектическое взаимодействие личностной и социальной составляющих.

Для описания поведения мужчин и женщин в социуме, а также принятия индивидом соответствующей роли, в рамках социальной идентичности используется понятие «гендерная идентичность», подчеркивающее значимую роль внешних факторов. Сторонники другого подхода применяют термин «половая идентичность», акцентируя внимание на внутренних факторах, относя её к личностной подсистеме.

Анализируя различия в подходах, можно выделить основное различие: ключевым компонентом описания идентичности может быть либо эмоционально окрашенное ощущение, либо когнитивное представление о себе, что акцентирует аффективный или когнитивный аспект.

Быть мужчиной или женщиной в психологическом плане означает субъективную уверенность в наличии личностных и поведенческих характеристик, специфичных для пола. Психологический пол определяется как степень соответствия поведения индивида маскулиным или фемининным ролям [3].

В англоязычной литературе часто используется разграничение понятия «sex» («пол», от лат. *sexus*) как биологического пола, связанного с функцией продолжения рода, и «gender» («род», от лат. *genus*) как совокупности социальных и культурных норм, определяющих поведение мужчины или женщины. Таким образом, гендер включает социальные ожидания и нормы, регулирующие поведение людей в зависимости от биологического пола [5].

Категория «пол» применяется для характеристики биологического признака (мужчина или женщина) и используется в научных исследованиях для классификации выборок. Понятие «гендер» описывает социальное поведение мужчин и женщин. В контексте гендерных исследований акцент делается на:

- разделение обязанностей между мужчинами и женщинами в различных сферах;
- отношение общества к представителям разных полов;
- общественные ценности и нормы, связанные с полом.

Пол и гендер в полоролевом и социально-конструктивистском подходе

Методологически исследование гендерных характеристик личности проводится в рам-

ках двух подходов: полоролевого и социально-конструктивистского [5].

Полоролевой подход рассматривает гендер через призму его социально-психологических проявлений, таких как гендерные стереотипы (схемы восприятия). Основная идея этого подхода заключается в жесткой связи поведения и жизненных стратегий человека с его биологическим полом [10]. В отличие от этого, *социальный конструктивизм* подчеркивает влияние общества на формирование представлений и способов деятельности людей [7], указывая на ведущую роль социума в определении поведения и жизненных стратегий.

Вопросы восприятия гендерных ролей и идентичности часто затрагивают стремление людей усиливать те или иные аспекты своих «я», соответствующие социальным ожиданиям. Однако для большинства людей базовая половая идентичность остается устойчивой, несмотря на возможное несоответствие определенным гендерным чертам [4].

Таким образом, при изучении индивидуальных особенностей логично использовать понятие «половая идентичность», в то время как для описания межличностных и межгрупповых отношений лучше подходит термин «гендерная идентичность».

Современные исследования половой идентичности часто опираются на её **определение** как динамической структуры, интегрирующей различные аспекты личности, связанные с осознанием и переживанием себя как представителя определенного пола, а также саморегуляцией полоролевого поведения [8]. Это определение отражает половую идентичность как динамичный элемент самосознания, проявляющийся в деятельности и общении. Однако важно учитывать, что в данном определении не отражена значимость обратной связи от непосредственного окружения, которая играет ключевую роль в формировании и поддержании половой идентичности.

Структурные составляющие половой идентичности – когнитивный, эмоциональный и конативный компоненты. При этом, когнитивный компонент определяется как представления субъекта о своей половой принадлежности, основанные на интеграции полоролевых образов. Эмоциональный компонент характеризуется как отношение субъекта к своей половой принадлежности, а также к представителям своего и противоположного пола. Конативный компонент половой идентичности рассматривается как совокупность личностных качеств субъекта, оцениваемых с точки зрения маскулинности и

фемининности и определяющих саморегуляцию полоролевого поведения в социуме [8].

Данные компоненты находят свое отражение в различных теориях. Так, *теория гендерной схемы* основана на двух подходах к усвоению половой роли: социальной теории научения и теории когнитивного развития.

Автором *теории социальных ролей* является американский профессор Э. Игли. Согласно данной теории, многие гендерные различия возникают из-за различных социальных ролей, которые формируют или подавляют определенные модели поведения у мужчин и женщин. Сторонники социальной теории считают, что полоролевое поведение формируется через подражание родителям и их подкрепления (положительные за соответствующее полу поведение и отрицательные за противоположное). Иными словами, уникальный опыт, связанный с гендерными ролями, приводит к тому, что навыки и установки у мужчин и женщин частично различаются, что, в свою очередь, обуславливает их поведение. Теория социальных ролей также утверждает, что социальные роли часто способствуют формированию стереотипов. Стереотипы о гендерах возникли как механизм, поддерживающий полоролевою дифференциацию. Например, женщина принимает на себя роль домохозяйки, поскольку забота о ребенке ограничивает ее мобильность, а ведение домашнего хозяйства отвечает требованиям оставаться дома. Общество, обнаружив удобство такого распределения ролей, стремится убедить себя в том, что эти роли подходят своим носителям. Для этого оно создает представления о неких качествах мужчин и женщин, которые служат оправданием для того, чтобы считать их роли наиболее подходящими. Утвердившись, эти представления становятся нормами поведения для взрослых и образцами для социализации детей.

Согласно *теории когнитивного развития*, информация о гендере фиксируется в сознании через гендерные схемы. Гендерная схема — это когнитивная структура, которая помогает сортировать информацию, заранее настраиваясь на поиск и группировку данных по категориям «мужское» и «женское». Этот процесс высоко избирателен и влияет на восприятие. Эти схемы управляют обработкой информации, помогая воспринимать и запоминать данные в соответствии с уже существующими представлениями. Исследователи Д. Стокард и М. Джонсон в своей работе «Пол и гендер в обществе» пришли к выводу, что различия в социальных ролях мужчин и женщин формируются через символы,

которые распространяются средствами массовой информации и становятся стереотипами.

Гендерные модели в обществе обычно имеют асимметричный характер: «мужское/маскулинное» чаще воспринимается как первичное, значимое и доминирующее, в то время как «женское/фемининное» рассматривается как вторичное, менее важное и подчиненное. В результате этого мы можем наблюдать неравенство социальных ролей и статусов между мужчинами и женщинами в повседневной жизни, что становится предметом активных обсуждений в настоящее время.

С. Бэм утверждает, что люди с ярко выраженными мужскими или женскими чертами чаще используют гендерные схемы. Дифференциальная социализация может привести к различиям в психологических чертах мужчин и женщин. Тем не менее, мужественность и женственность не являются противоположностями; человек может обладать как мужскими, так и женскими чертами, что считается желательным для гармоничного развития личности.

Анализ отечественных диссертационных исследований по данной теме за последние тридцать лет позволил выделить следующие подходы к диагностике:

1. Количественный подход, включающий:

- **семантический дифференциал Ч. Осгуда** позволяет исследовать, как человек воспринимает и оценивает свои качества, связанные с мужественностью или женственностью, используя противоположные шкалы для измерения различных характеристик. Это помогает выявить степень идентификации с полоролевыми стереотипами и самооценку в контексте половой идентичности;

- **опросники и проективные методики** позволяют диагностировать тип гендерной идентичности (фемининный, маскулинный, андрогинный);

- **выводы, полученные в результате изучения сходного явления.** Например, представлений о том, какую роль в обществе следует выполнять женщине.

- **выделенную одну из шкал личностного опросника.** Например, 5-ую шкалу ММРП, шкалу мужественности СРП, шкалу маскулинности/фемининности FPI, которые позволяют получить общее представление об отклонениях в полоролевом поведении;

- **опросник Т. Лири «Диагностика межличностных отношений».** Его доработанная интерпретация позволяет исследовать, как

сильно выражены качества, приписываемые женщинам и мужчинам у обследуемого.

2. Качественный подход, включающий использование нестандартизированного самоописания, дающего возможность узнать, как отражена в системе самовосприятия человека его иерархия социальных ролей.

3. Комбинированный подход, в котором используется как психодиагностический инструментарий, так и информация, полученная в результате беседы, интервью, контент-анализа.

На наш взгляд, наиболее эффективным будет использование комбинированного подхода, так как в нем недостатки одного подхода, сглаживаются достоинствами другого.

Заключение

Для того чтобы разобраться в понятиях «половая идентичность» и «гендерная идентичность», необходимо было сначала изучить их общую основу — идентичность. Анализ показал, что существуют два подхода к её определению: психоаналитический и когнитивный.

В психоаналитическом подходе идентичность рассматривается как динамичная внутренняя самоорганизующаяся структура, влияющая на жизнедеятельность и взаимодействие с окружением (Э. Эриксон, Дж. Марсиа). Особое значение придаётся обратной связи, получаемой от социального окружения, которая играет ключевую роль в её формировании.

Когнитивный подход выделяет две составляющие идентичности: личностную, представляющую собой набор уникальных характеристик индивида, и социальную, связанную с осознанием своей принадлежности к группе и отождествлением себя с ней. Эти компоненты находятся в постоянном взаимодействии, способствуя развитию идентичности.

Далее были разграничены понятия «пол» (биологическая принадлежность к определённой категории) и «гендер» (система поведенческих и социальных характеристик, связанных с полом). Эти категории были сопоставлены с личностной и социальной идентичностью. Установлено, что полоролевой подход, изучающий личностную идентичность, использует понятие «половая идентичность», в то время как социально-конструктивистский подход, ориентированный на социальную идентичность, корректнее оперирует понятием «гендерная идентичность».

Были также рассмотрены ключевые компоненты половой идентичности,

которые включают: 1) представления субъекта о своей половой принадлежности; 2) отношение субъекта к своей половой принадлежности и к представителям своего и противоположного пола; 3) саморегуляцию полоролевого поведения в социуме.

Эти компоненты находят отражение в различных теориях. Согласно теории социальных ролей, гендерные различия обусловлены социальными ролями, которые формируют или подавляют определённые модели поведения у мужчин и женщин. Теория когнитивного развития акцентирует внимание на усвоении социальных ролей через знаковые системы, транслируемые обществом. Информация о гендере фиксируется в сознании через гендерные схемы — когнитивные структуры, которые сортируют информацию, выделяя категории «мужское» и «женское».

Теория гендерной схемы С. Бэм объединяет эти подходы, утверждая, что дифференциальная социализация способствует формирова-

нию различий в психологических характеристиках мужчин и женщин. При этом для успешной адаптации и гармоничного развития личности важно наличие как мужских, так и женских черт.

Анализ методов диагностики половой идентичности показал, что наиболее полное представление о её структуре можно получить, комбинируя качественные методы и психодиагностические инструменты. Психодиагностические методики позволяют определить тип гендерной идентичности, а качественные методы — выявить особенности самовосприятия субъекта. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации понятийного аппарата, разграничении понятий «пол» и «гендер», а также соотнесении их с личностной и социальной идентичностью. Использование психоаналитического и когнитивного подходов позволяет глубже понять структуру идентичности, её динамический характер и взаимодействие социальных и личностных аспектов.

Список литературы:

1. Алиханова В. Л. Психоаналитическая концепция феномена идентичности // *Время науки – The Times of Science*. 2018. № 1. С. 3-12.
2. Антонова, Н.В. Особенности идентичности субъекта социально-ориентированных профессий в условиях социальных изменений / Н.В. Антонова // В кн.: *Социальная психология труда: теория и практика* / Отв. ред.: Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. Т.1. - М.: Институт психологии РАН, 2010.-С. 199-210
3. Головин С. Ю. Словарь практического психолога / С. Ю. Головин, Минск: Харвест, 1998. 880 с.
4. Даймонд М. Пол и гендер это не одно и то же* (перевод с английского Алены Кудриной) // *Развитие личности*. 2013. № 1.
5. Курочкина И. А., Шахматова О. Н. Проблема гендерно-половой идентичности: учебное пособие / И. А. Курочкина, О. Н. Шахматова, Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. 206 с.
6. Ондар А. А. О проблеме исследования идентичности в зарубежной психологии // *Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки*. 2009. № 1. С. 86-89.
7. Смагина М. В. Социальный конструктивизм в российской социальной психологии: особенности и перспективы // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2007. № 39.
8. Флотская Н. Ю. Развитие половой идентичности в онтогенезе: автореферат дис. ... доктора психологических наук: 19.00.13 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. - Санкт-Петербург, 2006. - 47 с.
9. Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм; [пер. с англ. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушина]-е изд., Москва: АСТ, 2011. 457 с.
10. Штылева Л. В. Сущность полоролевого подхода в образовании // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. № 2.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон, Москва: Владос, 2006. 344 с.
12. Breakwell G. M. Coping with threatened identities // L., N.Y., Mithuen. 1986.
13. Marcia J. E. Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / Ed. by J. Adelson. N. Y. 1980. P. 213–231.

14. Tajfel H. Individuals and groups in social psychology // Brit. J. Soc. and Clin. Psychol. 1979. (V. 18). P. 39–40.
15. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // Austin W.C., Worchel S. (eds.) The social psychology of intergroup relations. Montrey: Brooks/Cole. 1979.

E.S. Kobak, A.V. Khavlyo
**DIALECTICS OF SEX AND GENDER IDENTITY: THEORETICAL AND
METHODOLOGICAL APPROACHES**

Abstract. The review analyzes the differences between the concepts of “sexual identity” and “gender identity” in order to resolve the terminological inconsistencies observed in the national literature due to the absence of the term “gender”. Two approaches to defining identity are considered: the psychoanalytic approach and the cognitive approach. The psychoanalytic approach interprets identity as a dynamic internal structure that influences interaction with the social environment and the formation of life strategies. The cognitive approach divides identity into the personal level, characterized by individual attributes, and the social level, associated with the awareness of belonging to a group; their interaction contributes to the development of a cohesive identity. The concepts of “sex” and “gender”, which are related to personal and social aspects of identity, are distinguished. The theoretical framework of the study is based on the sex-role approach, which focuses on the concept of “sexual identity”, and the social constructivist approach, which emphasizes “gender identity”. Special attention is given to the importance of terminological precision in the study of psychosocial processes related to sex and gender.

Key words: identity, sexual identity, gender identity, sex, gender.

References:

1. Alikhanova V.L. Psychoanalytic concept of identity phenomenon // Time of science. 2018. № 1. P. 3-12.
2. Antonova, N.V. Features of subject identity of socially oriented professions in context of social change / N.V. Antonova // In book: Social Psychology of Work: theory and practice / Repts. ed.: L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev. V.1. - M.: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2010. - P. 199-210
3. Golovin S.Yu. Dictionary of practical psychologist / S.Yu. Golovin, Minsk: Kharvest, 1998. 880 p.
4. Diamond M. Sex and gender are not same thing* (translation from English by Alena Kudrina) // Personality development. 2013. № 1.
5. Kurochkina I.A., Shakhmatova O.N. Problem of gender and sex identity: textbook / I.A. Kurochkina, O.N. Shakhmatova, Ekaterinburg: PH of Russian St. Prof.-Ped. uni, 2014. 206 p.
6. Ondar A.A. On problem of identity research in foreign psychology // Bulletin of Tuva State university. Social and Humane Sciences. 2009. № 1. P. 86-89.
7. Smagina M.V. Social constructivism in Russian Social Psychology: features and prospects // Proceedings of RSPU named after A.I. Gertsen. 2007. № 39.
8. Flotskaya N.Yu. Development of sexual identity in ontogenesis: abstract of Dissertation... Doctor of Psychological Sciences: 19.00.13 /Russian St. Ped. uni named after A.I. Gertsen. – Saint-Petersburg, 2006. - 47 p.
9. Fromm E. Healthy society / E. Fromm; [transl. from English by T.V. Banketov, S.V. Karpushin]-e PH, Moscow: AST, 2011. 457 p.
10. Shtyleva L.V. Essence of gender role approach in education // Yaroslavl pedagogical bulletin. 2011. № 2.
11. Erikson E. Identity: youth and crisis / E. Erickson, Moscow: Vlados, 2006. 344 p.
12. Breakwell G.M. Coping with threatened identities // L., N.Y., Mithuen. 1986.
13. Marcia J.E. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / Ed. by J. Adelson. N. Y. 1980. P. 213–231.
14. Tajfel H. Individuals and groups in social psychology // Brit. J. Soc. and Clin. Psychol. 1979. (V. 18). P. 39–40.
15. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // Austin W.C., Worchel S. (eds.) The social psychology of intergroup relations. Montrey: Brooks/Cole. 1979.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Э.В. Саракула, А.И. Теренин, И.Н. Лыков

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ГЕНДЕРНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. Проведено анонимное анкетирование 317 студентов двух университетов. Средний возраст студентов составил 21,5 лет. Основной гипотезой исследования было изучение возможного негативного влияния косметики и курения на функционирование эндокринной системы и на гендерную идентичность. Несмотря на уменьшение числа курящих мужчин, доля женщин курящих в городе Калуге увеличилась на 13,1% к 2024 году по сравнению с 2018 годом. Количество женщин, пользовавшихся косметикой во время беременности, увеличилось в 2023 году до 88,1%, по сравнению с 2013 годом. Содержащиеся в сигаретном дыме и фармацевтических продуктах вещества могут преодолевать плацентарный барьер. Дизайном исследования было одномоментное поперечное исследование, в котором описывается распределение характеристик изучаемой группы по их состоянию на определенный момент времени (моментные исследования). Согласно результатам анкетирования варибельность ответов юношей и девушек имеет специфические отличия, которые отражают характер мышления и гендерность респондентов. Анализ результатов анкетирования позволил установить, что в 2013 году преимущественно мужской склад ума отмечен у 47,1% юношей, а преимущественно женский склад ума – у 14,8% девушек. Не имели склонности ни к мужским, ни к женским стереотипам поведения 85,2% девушек и 52,9% юношей. В 2023 году отмечена тенденция к уменьшению количества юношей с преимущественно мужским складом ума (до 35,3%), в то время как число девушек с преимущественно женским складом ума возросло до 17,5%. Близкий склад ума в 2023 году был отмечен у 82,5% девушек и 64,7% юношей. Полученные результаты косвенно свидетельствуют о влиянии внешних факторов на формирование гендерной самоидентификации, что подчеркивает необходимость более углубленного изучения данной проблемы.

Ключевые слова: анкетирование, девушки, юноши, косметика, курение, мышление, гендерная идентичность.

Введение. Первичные и вторичные половые признаки будущего человека формируются через шесть-восемь недель после зачатия. У эмбриона ХУ, т.е. у мальчика, образуются специальные клетки, синтезирующие большое количество мужского гормона — тестостерона. Тестостерон формирует яички, а продукт тестостерона эстрадиол способствует когнитивной маскулинизации, что соответствует поведению и особенностям мужчины. Фетальные андрогены играют решающую роль в дифференциации мужского мозга. У мужчин гендерная идентичность, гендерное поведение и сексуальная ориентация обусловлены пренатальным действием андрогенов [1]. Базовая гендерная идентичность формируется в возрасте 2–3 лет [2].

Химические вещества, нарушающие работу эндокринной системы (EDC), поступают из различных источников окружающей среды, включая воздух, пищу и воду. Они включают в себя эстрогены окружающей среды, которые имитируют эстрадиол и связываются с рецепторами эстрогена, некоторые полихлорированные бифенилы, фармацевтические эстрогены (косметика, лосьоны, средства по уходу за волосами, кремы для бритья, зубная паста, лосьоны для загара, и некоторые дезодоранты). Большая

распространенность трансгендерности в США и Западной Европе позволяет нам предположить, что употребление пищевых продуктов и воздействие химических веществ с ксеноэстрогенной активностью во время внутриутробного развития может повлиять на половую идентичность [3]. Этим эффектом обладают и фитоэстрогены, встречающиеся во многих растениях, особенно в соевых бобах, в форме генистеина и родственных ему веществ [4, 5, 6, 7].

Большинство фармацевтических препаратов, широко используемых в медицине, ветеринарии и быту, постоянно сбрасываются в бытовые сточные воды в неизменном виде или в виде активных метаболитов. К таким препаратам относятся гормоны, антибиотики, анальгетики, антидепрессанты и противоопухолевые препараты. Очистные сооружения не способны эффективно удалять эти соединения из сточных вод, что способствует их миграции в пресноводные экосистемы. Обладая длительным периодом полураспада, фармацевтические препараты могут накапливаться в окружающей среде, достигая биологически активных уровней. Эти вещества, вероятно, влияют на гормональные системы, которые контролируют развитие и функцию репродуктивных органов. Некоторые

из них действуют посредством нерцепторно-опосредованных механизмов, например, вмешиваясь в синтез гормонов [8, 9, 10].

Принято считать, что организм матери защищает плод от проникновения токсичных веществ. Закон биологического сохранения вида обеспечивает наиболее оптимальную сопряженность между организмом матери и плода. Для плода организм матери является средой обитания, средой, в которой он развивается, а плацента – барьером для многих токсичных веществ. Однако это далеко не всегда так. Человечество уже придумало массу веществ, которые природа до этого не знала. Например, растущей глобальной проблемой здравоохранения является пластиковое загрязнение в виде микро- и нанопластиковых частиц. Некоторые из них преодолевают защитный плацентарный барьер и нарушают развитие плода [11, 12]. Через плаценту проходит и сигаретный дым, а также подавляющая часть вредных веществ, входящих в его состав и вызывающих перинатальные риски [13, 14].

Эти вещества обладают способностью влиять на эндокринную систему, что приводит к неблагоприятным последствиям для здоровья людей. Все больше данных свидетельствуют о том, что воздействие химических веществ, нарушающих эндокринную систему (EDC), может нарушить гормональную среду и повлиять на гендерную дифференциацию. Влияние EDC на гормональную среду мозга и на гендерную идентичность, является областью растущего научного интереса и беспокойства. Накапливающиеся доказательства свидетельствуют о разрушительном воздействии EDC на тонкий гормональный баланс и функции мозга, следствием которых являются изменение гендерной идентичности [15].

Разница примерно в одну миллиардную часть тестостерона и около двадцати частей на триллион эстрадиола (эндогенного эстрогена) определяет совершенно разные структуры мозга, поведенческие черты, уровни ферментов и уровни рецепторов в тканях, гормональные уровни в крови. У развивающегося плода и раннего новорожденного еще отсутствуют защитные метаболические механизмы, присутствующие у взрослых, которые помогают детоксикации и разложению химических веществ, поддерживая гомеостаз организма [16].

Имеются предположения, что пренатальное воздействие EDC может повлиять на гендерную идентичность. Например, трансгендеризм имеет физиологическое происхождение, которое, скорее всего, обусловлено внутри-

утробным воздействием EDC, что нарушает пренатальное неврологическое развитие. Это подтверждает гипотезу о том, что гендерная дифференциация развивается в результате взаимодействия развивающегося мозга, половых гормонов и EDC [17, 18, 19]. Расширяя наше понимание этих сложных взаимоотношений, мы можем попытаться предоставить эффективные стратегии профилактики и вмешательства, которые гарантируют здоровое развитие гендерной идентичности у всех людей.

Методы исследований. Проведено анонимное анкетирование 317 студентов двух университетов (159 девушек и 158 юношей). Средний возраст студентов составил 21,5 лет. Для анкетирования использована специальная анкета из 30 вопросов по методике Пиз А., Пиз Б. «Язык взаимоотношений» [20]. Результаты исследования обработаны методом вариационной статистики с использованием электронных таблиц Microsoft Excel. Дизайном было одномоментное поперечное исследование, в котором описывается распределение характеристик изучаемой группы по их состоянию на определенный момент времени (моментные исследования).

Результаты исследования. Соотношение рождающихся мальчиков и девочек постоянно во всем мире. Оно обычно колеблется от 102 до 108 рождений мальчиков на каждые 100 рождений девочек. Однако в последние годы многие исследователи высказывают предположение, что воздействие EDC во время беременности может изменять соотношение полов в человеческих популяциях.

Экологические токсиканты, к которым относятся химические вещества, нарушающие работу эндокринной системы, имеют глобальное распространение и представляют собой серьезную проблему для общественного здравоохранения. Как только EDC попадают в пищевую цепь, их нелегко вывести из организма, поскольку многие из них липофильны и биоаккумулируются в жировой ткани, имея длительный период полураспада. Воздействие этих химических веществ на процесс развития эмбриона имеет решающее значение, поскольку EDC могут навсегда изменить программы развития, в том числе те, которые формируют структуру мозга. Большой интерес вызывает механизм влияния этих химических веществ на иммунный ответ, учитывая перекрестные взаимодействия между эндокринной и иммунной системами. Поскольку развитие мозга сильно зависит от иммуномодуляторов и гормонов, в том числе тиреоидных гормонов, андрогенов и эстрогенов,

то это может иметь долгосрочные последствия для развития нервной системы и базовой конфигурации мышления.

К группе EDC относятся некоторые виды декоративной косметики и парфюмерии, продукты курения. Компоненты, входящие в состав данной продукции способны нарушать нормальное протекание биологических процессов, вызывать неврологические и репродуктивные дефекты, могут вызывать преждевременные роды, оказывать неблагоприятное воздействие

на сперму. Это может сказываться также и на формирование базовой модели мышления.

Наблюдения показали, что количество женщин, пользовавшихся косметикой во время беременности, увеличилось к 2023 году до 88,1%, по сравнению с 2013 годом. Нами выявлено изменение полового распределения такой вредной привычки, как курение: если количество мужчин, отказывающихся от курения, увеличилось, то среди женщин наблюдается противоположная тенденция – рост курящих на 13,1% (рис. 1).

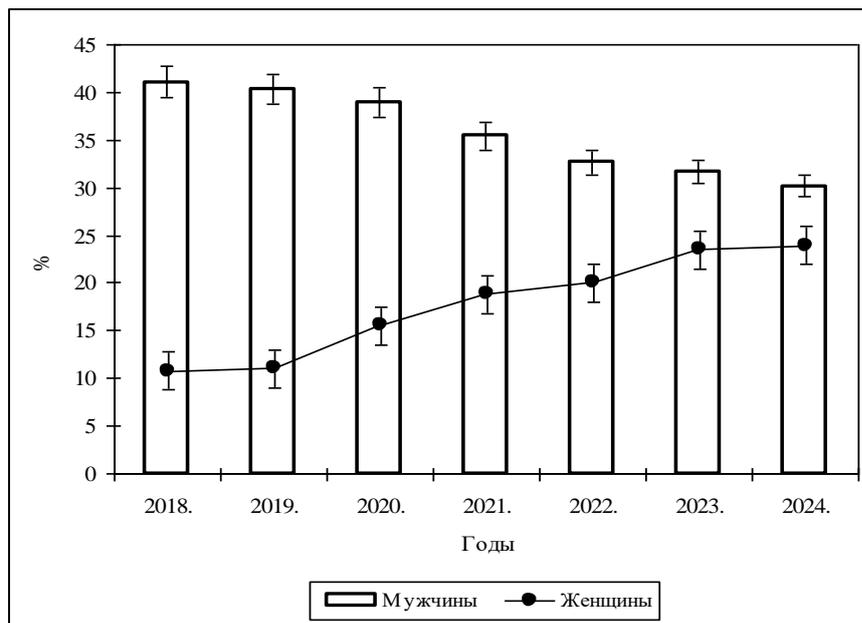

Рисунок 1 – Динамика полового распределения продажи сигарет в г. Калуге

Согласно результатам анкетирования вариабельность ответов юношей и девушек имеет специфические отличия, которые отражают ха-

рактер мышления и гендерность респондентов (рис. 2 и 3).

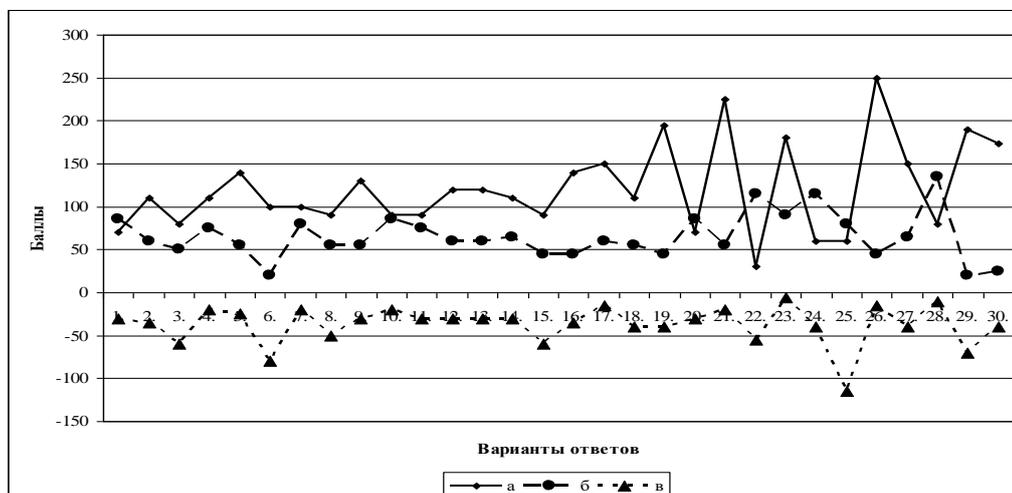

Рисунок 2 – Вариабельность ответов юношей во время анкетирования

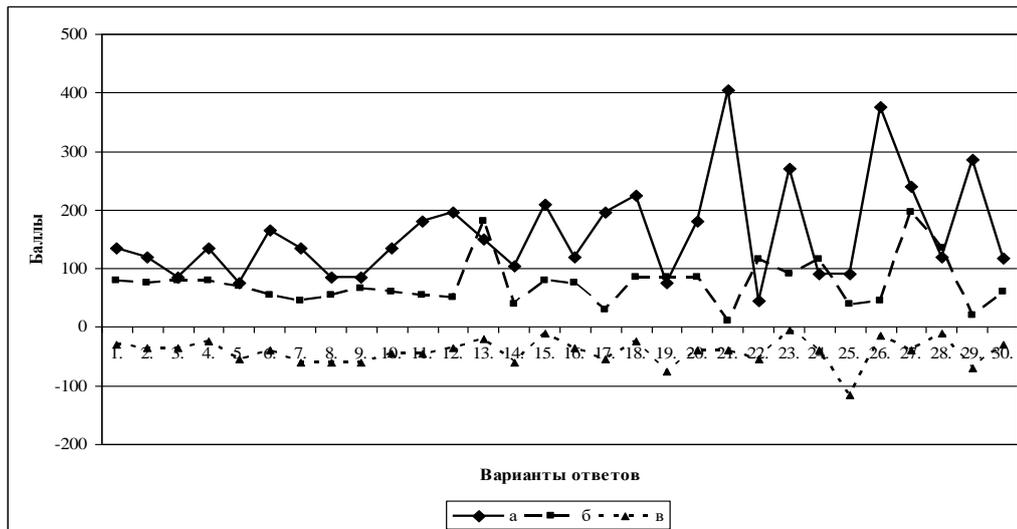

Рисунок 3 – Вариабельность ответов девушек во время анкетирования

Анализ результатов анкетирования позволил установить, что в 2013 году преимущественно мужской склад ума был отмечен у 47,1% юношей, а преимущественно женский склад ума – у 14,8% девушек. Не имели склонности ни к мужским, ни к женским стереотипам поведения 85,2% девушек и 52,9% юношей. В 2023 году отмечена тенденция к уменьшению количества юношей с преимущественно муж-

ским складом ума (до 35,3%), в то время как число девушек с преимущественно женским складом ума возросло на 17,5%. Близкий склад ума в 2023 году был отмечен у 82,5% девушек и 64,7% юношей. Такие студенты обычно демонстрируют гибкость мышления, а также предрасположены к дружеским отношениям и с юношами, и с девушками (рис. 4).

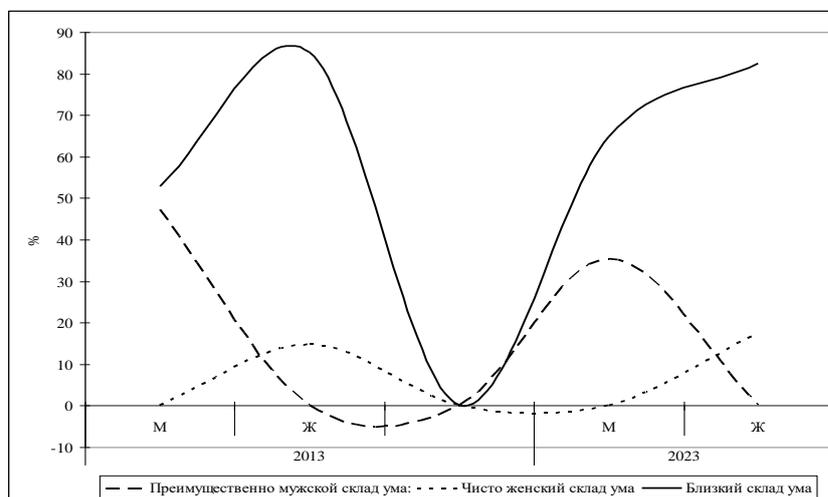

Рисунок 4 – Особенности базового мышления у юношей и девушек по результатам анкетирования

Выводы

1. Количество женщин, пользовавшихся косметикой во время беременности, увеличилось к 2023 году до 88,1%, по сравнению с 2013 годом.
2. Отмечено уменьшение числа курящих мужчин, в то время как доля женщин куриль-

щиц увеличилась на 21,7% к 2024 году по сравнению с 2018 годом.

3. Вариабельность ответов юношей и девушек при анкетировании имеет специфические отличия, которые отражают характер мышления и гендерность респондентов.

4. Отмечена тенденция к уменьшению количества юношей с преимущественно мужским складом ума (до 35,3%), в то время как число девушек с преимущественно женским складом ума возросло до 17,5%.

5. Возможно, существует связь между воздействием EDC на человека и формированием гендерной идентичности, что требует дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Loch B.R, Inácio M, Prado A.I.J, Gomes N.L., Diniz F.J.A, Rodriguesde Moraes D, Frade C.E.M, DomeniceS, Bilharinho M.B. PsychosexualAspects, EffectsofPrenatalAndrogenExposure, andGenderChangein 46, XYDisordersofSexDevelopment // J. Clin. Endocrinol.Metab. – 2019. – Vol. 104(4). – P. 1160–1170. doi: 10.1210/jc.2018-01866.
2. Stynes H., Lane C., Pearson B., Wright T., Ranieri V., Masic U., Kennedy E. Gender identity development in children and young people: A systematic review of longitudinal studies // Clin. Child. Psychol. Psychiatry. – 2021. – Vol. 26(3). – P. 706-719. doi: 10.1177/13591045211002620.
3. Ehrhardt A.A., Meyer-Bahlburg H.F., Rosen L.R., Feldman J.F., Veridiano N.P., Zimmerman I., McEwen B.S. Sexual orientation after prenatal exposure to exogenous estrogen // Arch. Sex.Behav. – 1985. – Vol. 14(1). – P. 57–77. doi: 10.1007/BF01541353.
4. Witorsch R.J., Thomas J.A. Personal care products and endocrine disruption: A critical review of the literature // Crit. Rev. Toxicol. – 2010. – Vol. 40(3). – P. 1–30. doi: 10.3109/10408444.2010.515563.
5. Marie C., Cabut S., Vendittelli F., Sauvant-Rochat M.P. Changes in Cosmetics Use during Pregnancy and Risk Perception by Women // Int. J. Environ. Res. Public. Health. – 2016. – Vol. 13(4). – P. 383. doi: 10.3390/ijerph13040383.
6. Gore A.C., Chappell V.A., Fenton S.E., Flaws J.A., Nadal A., Prins G.S., Toppari J., Zoeller R.T. EDC-2: The Endocrine Society's Second Scientific Statement on Endocrine-Disrupting Chemicals // Endocr. Rev. – 2015. – Vol. 36(6). E1-E150. doi: 10.1210/er.2015-1010.
7. O'Shaughnessy K.L, Fischer F., Zenclussen A.C. Perinatal exposure to endocrine disrupting chemicals and neurodevelopment: How articles of daily use influence the development of our children // Best Pract. Res. Clin. Endocrinol. Metab. – 2021. – Vol. 35(5):101568. doi: 10.1016/j.beem.2021.101568.
8. Lee P.A., Houk C.P. Impact of environment upon gender identity and sexual orientation: a lesson for parents of children with intersex or gender confusion // J. Pediatr. Endocrinol.Metab. – 2005. – Vol. 18(7). – P. 625–630. doi: 10.1515/jpem.2005.18.7.625.
9. Лыков И.Н. Фармацевтическое загрязнение окружающей среды// Проблемы региональной экологии. – 2020. – №3. – с. 23–27. DOI 10.24411/1728-323X-2020-13023.
10. Лыков И.Н., Кусачева С.А., Сафронова М. Загрязнение окружающей среды фармацевтическими препаратами// Экология и промышленность России, 2020. Т. 24. № 8. С. 51–55.DOI: 10.18412/1816-0395-2020-8-51-55
11. Лыков И. Н. Человек: Биология и экология. - Калуга. Изд-во «СерНа», 2019 г, 375 с.
12. Yang J., Kamstra J., Legler J., Aardema H. The impact of microplastics on female reproduction and early life // Anim. Reprod. – 2023. – Vol. 20(2):e20230037. doi: 10.1590/1984-3143-AR2023-0037.
13. Shea A.K., Steiner M. Cigarette smoking during pregnancy // Nicotine Tob. Res. – 2008. – Vol. 10(2). – P. 267-278. doi: 10.1080/14622200701825908.
14. Tarasi B., Cornuz J., Clair C. Cigarette smoking during pregnancy and adverse perinatal outcomes: a cross-sectional study over 10 years // BMC Public Health. – 2022. – Vol. 22. 2403.<https://doi.org/10.1186/s12889-022-14881-4>.
15. Kortenkamp A., Martin O., Faust M., Evans R., McKinlay R., Orton F., Rosivatz E. (2011). State of the art assessment of endocrine disruptors: Final Report. European Commission. http://ec.europa.eu/environment/chemicals/endocrine/pdf/sota_edc_final_report.pdf.
16. Horiguchi T. Masculinization of female gastropod mollusks induced by organotin compounds, focusing on mechanism of actions of tributyltin and triphenyltin for development of imposex // Environ. Sci. – 2006. – Vol. 13(2). – P. 77-87.
17. Ristori J., Cocchetti C., Romani A., Mazzoli F., Vignozzi L., Maggi M., Fisher A.D. Brain Sex Differences Related to Gender Identity Development: Genes or Hormones? // Int. J. Mol. Sci. – 2020. – Vol. 21(6):2123. doi: 10.3390/ijms21062123.

18. DeCasien A.R., Guma E., Liu S. Sex differences in the human brain: a roadmap for more careful analysis and interpretation of a biological reality // *Biol. Sex. Differ.* – 2022. – Vol. 13(43). <https://doi.org/10.1186/s13293-022-00448-w>
19. Guillamon A., Junque C., Gómez-Gil E. A Review of the Status of Brain Structure Research in Transsexualism // *Arch. Sex Behav.* – 2016. – Vol. 45(7). – P. 1615–1648. doi: 10.1007/s10508-016-0768-5.
20. Пиз А., Пиз Б. Язык взаимоотношений. Как научиться общаться с противоположным полом без конфликтов. — М.: Эксмо-Пресс, 2013. — 368 с. <http://www.labyrinth.ru/books/389656/>.

E.V. Sarakula, A.I. Terenin, I.N. Lykov
IMPACT OF ECOLOGICAL FACTORS ON GENDER IDENTITY

Abstract. An anonymous survey of 317 students from two universities was conducted. The average age of the students was 21,5 years. The main hypothesis of the study was to examine the possible negative impact of cosmetics and smoking on the functioning of the endocrine system and gender identity. Despite a decrease in the number of male smokers, the proportion of female smokers in Kaluga city increased up to 13,1% by 2024 compared to 2018. The number of women who used cosmetics during pregnancy increased to 88,1% in 2023 compared to 2013. Substances contained in cigarette smoke and pharmaceutical products can cross the placental barrier. The research design was a one-time cross-sectional study, which describes the distribution of the characteristics of the study group according to their state at a certain point in time (momentary studies). According to the survey results, the variability of the answers of young men and women has specific differences that reflect the nature of thinking and gender of the respondents. The analysis of the survey results revealed that in 2013, a predominantly masculine mindset was noted in 47,1% of young men, and a predominantly feminine mindset was noted in 14,8% of young women. 85,2% of young women and 52,9% of young men were not inclined to either masculine or feminine behavioral stereotypes. In 2023, a tendency was noted for a decrease in the number of young men with a predominantly masculine mindset (to 35,3%), while the number of young women with a predominantly feminine mindset increased to 17,5%. A similar mindset was noted in 2023 in 82,5% of young women and 64,7% of young men. The results obtained indirectly indicate the influence of external factors on the formation of gender self-identification, which emphasizes the need for a more in-depth study of this problem.

Key words: survey, girls, young men, cosmetics, smoking, thinking, gender identity.

References:

1. Loch B.R, Inácio M, Prado A.I.J, Gomes N.L., Diniz F.J.A, Rodriguesde Moraes D, Frade C.E.M, Domenice S, Bilharinho M.B. Psychosexual Aspects, Effects of Prenatal Androgen Exposure, and Gender Change in 46, XY Disorders of Sex Development // *J. Clin. Endocrinol.Metab.* – 2019. – Vol. 104(4). – P. 1160–1170. doi: 10.1210/jc.2018-01866.
2. Stynes H., Lane C., Pearson B., Wright T., Ranieri V., Masic U., Kennedy E. Gender identity development in children and young people: A systematic review of longitudinal studies // *Clin. Child. Psychol. Psychiatry.* – 2021. – Vol. 26(3). – P. 706-719. doi: 10.1177/13591045211002620.
3. Ehrhardt A.A., Meyer-Bahlburg H.F., Rosen L.R., Feldman J.F., Veridiano N.P., Zimmerman I., McEwen B.S. Sexual orientation after prenatal exposure to exogenous estrogen // *Arch. Sex.Behav.* – 1985. – Vol. 14(1). – P. 57–77. doi: 10.1007/BF01541353.
4. Witorsch R.J., Thomas J.A. Personal care products and endocrine disruption: A critical review of the literature // *Crit. Rev. Toxicol.* – 2010. – Vol. 40(3). – P. 1–30. doi: 10.3109/10408444.2010.515563.
5. Marie C., Cabut S., Vendittelli F., Sauvart-Rochat M.P. Changes in Cosmetics Use during Pregnancy and Risk Perception by Women // *Int. J. Environ. Res. Public. Health.* – 2016. – Vol. 13(4). – P. 383. doi: 10.3390/ijerph13040383.
6. Gore A.C., Chappell V.A., Fenton S.E., Flaws J.A., Nadal A., Prins G.S., Toppari J., Zoeller R.T. EDC-2: The Endocrine Society's Second Scientific Statement on Endocrine-Disrupting Chemicals // *Endocr. Rev.* – 2015. – Vol. 36(6). E1-E150. doi: 10.1210/er.2015-1010.
7. O'Shaughnessy K.L, Fischer F., Zenclussen A.C. Perinatal exposure to endocrine disrupting chemicals and neurodevelopment: How articles of daily use influence the development of our children //

- Best Pract. Res. Clin. Endocrinol. Metab. – 2021. – Vol. 35(5):101568. doi: 10.1016/j.beem.2021.101568.
8. Lee P.A., Houk C.P. Impact of environment upon gender identity and sexual orientation: a lesson for parents of children with intersex or gender confusion // J. Pediatr. Endocrinol. Metab. – 2005. – Vol. 18(7). – P. 625–630. doi: 10.1515/jpem.2005.18.7.625.
 9. Lykov I.N. Pharmaceutical pollution of environment // Problems of regional ecology. – 2020. – №3. – P. 23–27. DOI 10.24411/1728-323X-2020-13023.
 10. Lykov I.N., Usacheva S.A., Safronova M. Environmental pollution by pharmaceutical drugs // Ecology and industry of Russia, 2020. V. 24. № 8. P. 51–55. DOI: 10.18412/1816-0395-2020-8-51-55
 11. Lykov I.N. Man: Biology and Ecology. - Kaluga. Publishing house “Serna”, 2019, 375 p.
 12. Yang J., Kamstra J., Legler J., Aardema H. The impact of microplastics on female reproduction and early life // Anim. Reprod. – 2023. – Vol. 20(2):e20230037. doi: 10.1590/1984-3143-AR2023-0037.
 13. Shea A.K., Steiner M. Cigarette smoking during pregnancy // Nicotine Tob. Res. – 2008. – Vol. 10(2). – P. 267-278. doi: 10.1080/14622200701825908.
 14. Tarasi B., Cornuz J., Clair C. Cigarette smoking during pregnancy and adverse perinatal outcomes: a cross-sectional study over 10 years // BMC Public Health. – 2022. – Vol. 22. 2403. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-14881-4>.
 15. Kortenkamp A., Martin O., Faust M., Evans R., McKinlay R., Orton F., Rosivatz E. (2011). State of the art assessment of endocrine disruptors: Final Report. European Commission. http://ec.europa.eu/environment/chemicals/endocrine/pdf/sota_edc_final_report.pdf.
 16. Horiguchi T. Masculinization of female gastropod mollusks induced by organotin compounds, focusing on mechanism of actions of tributyltin and triphenyltin for development of imposex // Environ. Sci. – 2006. – Vol. 13(2). – P. 77-87.
 17. Ristori J., Cocchetti C., Romani A., Mazzoli F., Vignozzi L., Maggi M., Fisher A.D. Brain Sex Differences Related to Gender Identity Development: Genes or Hormones? // Int. J. Mol. Sci. – 2020. – Vol. 21(6):2123. doi: 10.3390/ijms21062123.
 18. DeCasien A.R., Guma E., Liu S. Sex differences in the human brain: a roadmap for more careful analysis and interpretation of a biological reality // Biol. Sex. Differ. – 2022. – Vol. 13(43). <https://doi.org/10.1186/s13293-022-00448-w>
 19. Guillamon A., Junque C., Gómez-Gil E. A Review of the Status of Brain Structure Research in Transsexualism // Arch. Sex Behav. – 2016. – Vol. 45(7). – P. 1615–1648. doi: 10.1007/s10508-016-0768-5.
 20. Pease A., Pease B. Language of relationships. How to learn to communicate with opposite sex without conflict. Moscow: Eksmo-Press, 2013.— 368 p. <http://www.labyrinth.ru/books/389656/>.

Статья поступила в редакцию 3.12.2024 г.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

УДК 37.013.42: 808:81'42: 334.012

DOI 10.54072/26586568_2025_8_1_138

А.Б. Бушев

МЕДИАПЕДАГОГИКА:

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА С МАРКЕТИНГОВОЙ УСТАНОВКОЙ

Аннотация. Работа ставит целью изучение такой востребованной обучаемыми и обществом отрасли медиапедагогики, как использование Интернета для экономической деятельности. Показаны образцы и особенности успешного медиапроизводства для предпринимательства. Предметом риторического анализа в статье является текст с маркетинговой установкой в социальных медиа. Показано, что основными тенденциями развития социальных медиа являются развитие нишевых, специализированных и бизнес-ориентированных социальных сетей; развитие нетекстового контента (видео, инфографика, интерактив) в социальных сетях; усиление влияния инфлюэнсеров на мнения аудитории; честность и открытость в размещении контента для доверия аудитории социальных медиа. Приводятся примеры креолизованной коммуникации на сайте, построения «продающей площадки», обсуждаются принципы организации коммуникации на сайте, правила продвижения сайта в социальных медиа. Обсуждаются особенности контент-маркетинга, уделено внимание особенностям обратной связи в электронном маркетинге. Демонстрируются возможности нейросетей в маркетинге. Мы видим на примере анализа деятельности студентов и созданных ими текстов в практической работе то, что медиапедагогика приближается к социально значимой тематике бизнес-коммуникации с использованием самых современных сред такой коммуникации.

Ключевые слова: медиаобразование, электронный текст, маркетинговая лингвистика, деловая риторика, цифровые каналы маркетинга.

ВВЕДЕНИЕ

За последнюю четверть века существенно изменилась медиакommunikация – от традиционных медиа до ее сегодняшнего сетевого варианта лично-публичного характера [21]. Эта коммуникация сегодня представляет собой **обмен гипертекстовыми креолизованными мультимедийными, текстами, построенными с установкой на интерактивность**, с риторическим учетом гипотетического собеседника («подстройкой» к аудитории). Все дисплейные тексты характеризует и новый метод доставки – принципиальная конвергентность на экран мобильного устройства. Представления о массовой, однородной и пассивной аудитории уходят в прошлое, для XXI века оказывается характерна так называемая индивидуализация коммуникаций [8]. Специфику изменившихся коммуникаций не может не учитывать медиапедагогика [22; 23; 24; 25; 29]. В сфере экономической деятельности эти навыки у вступающего в жизнь поколения требует рынок труда: и бизнес, и социальная сфера, и сфера государственного управления.

Нами исследовались язык и текстовое общение в чатах, в мобильных сообщениях, в комментариях к блогам [4]. Интересны не только особенности языка, но и особенности ком-

муникации в этих средах. Этому подчинены некоторые руководства по современной журналистике [1], демонстрирующие особенности и русского языка, и языков вообще, и специфики такой риторики, и структуры такого текста.

Исследование электронной речи, языковых ее особенностей выводит нас к более частному вопросу **исследования риторики дисплейного текста с маркетинговой установкой**.

Особый предмет нашего исследования составляет текст с маркетинговой установкой – «производить то, что продается, а не продавать то, что производится» (т.е. ориентироваться на нужды и потребности целевой аудитории). Это заранее подготовленный письменный электронный текст, построенный по определенным законам.

Интернет-маркетинг можно рассматривать как часть классического маркетинга, так как он использует те же основные принципы и методы, что и традиционный маркетинг. Однако, интернет-маркетинг отличается от классического маркетинга тем, что он основан на использовании **цифровых каналов коммуникации**, таких как веб-сайты, социальные сети, электронная почта, поисковые системы и другие [9].

Показателен учет фактора обратной связи в цифровой коммуникации. Кроме того, интернет-маркетинг позволяет учитывать поведение и предпочтения потребителей в режиме реального времени, благодаря чему маркетологи могут быстро адаптироваться к изменяющейся ситуации и оптимизировать свои маркетинговые стратегии. Это делает интернет-маркетинг более гибким и эффективным инструментом, чем классический маркетинг.

Основные мероприятия цифрового маркетинга, как известно, таковы: поисковая оптимизация (SEO), поисковый маркетинг (SEM), контент-маркетинг, маркетинг влияния (influencermarketing), автоматизация создания контента, маркетинг в электронной коммерции, маркетинг социальных медиа (SMM), прямые рассылки, контекстная реклама, реклама в электронных книгах, программах, играх и других формах цифровой продукции. Также используются каналы, не связанные непосредственно с сетью интернет: мобильные телефоны (SMS и MMS), звонки и т.д. [см., например, 5; 9; 18].

Наше исследование своим предметом видит электронную коммуникацию, осваиваемую сегодняшними школьниками и студентами с медиапедагогической поддержкой, понимаемую в тесной связи с законами ее построения и формирования.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мы пользуемся методом риторического анализа: увязываем особенности текстопостро-

ения с особенностями замышления и создания текста в маркетинговой коммуникации [26; 27; 28].

Как же строится электронный маркетинговый текст в социальных медиа и на сайтах? Как работают эти новые каналы цифрового маркетинга?

Основными тенденциями развития социальных медиа являются развитие нишевых, специализированных и бизнес-ориентированных социальных сетей; усиление технологичности и интеграция существующих социальных сетей; развитие нетекстового контента (видео, инфографика, интерактив) в социальных сетях; усиление влияния инфлюэнсеров на мнения аудитории и структуру рекламного бюджета брендов в социальных сетях; стремление брендов выступать в качестве медиакомпаний для целевой аудитории; честность и открытость в размещении контента для доверия аудитории социальных медиа.

При этом строящийся обучаемыми сайт представляет собой маркетинговый инструмент, объект и субъект рекламы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Приведем типичный пример креолизованной коммуникации «текст плюс картинка») – наша студентка из Новгорода разработала для своей рекламной компании «Точка Джи» следующий сайт:

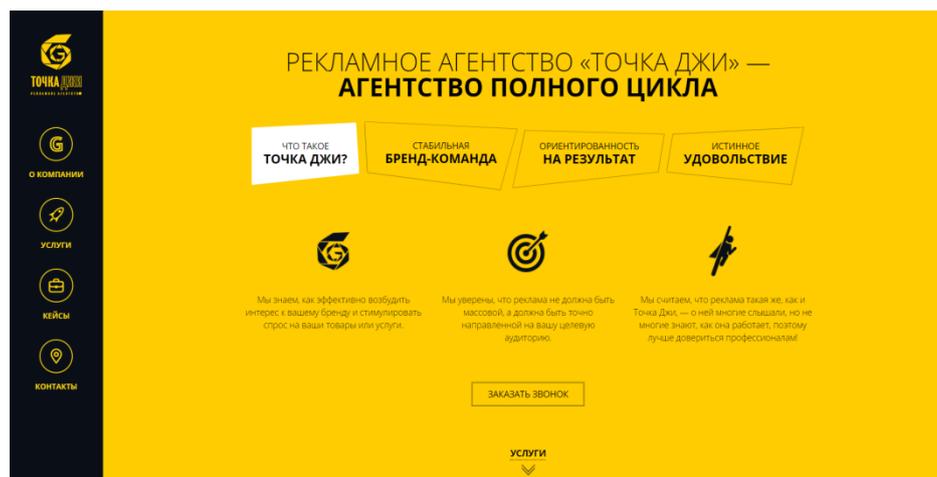

Рисунок 1 – Сайт, разработанный студенткой ТвГУ по теме своего диплома во время преддипломной практики

Организация коммуникации на таком сайте должна добиваться стимулирования повторных визитов, увеличения времени, проведенного на сайте, активного вовлечения пользователей в жизнь сайта (участие в дискуссиях, социальных опросах, конкурсах), привлечения

посетителей к развитию и продвижению ресурса, формирования лояльности.

Разработаны правила продвижения сайта в соцмедиа. Продвижение представляет собой комплекс мер по привлечению на сайт посетителей из блогов, социальных сетей, повышение

ссылочной популярности на основе создания таких сайтов и контента, на которые будут ссылаться. упрощение процесса добавления контента с сайта в соцсети, закладки, RSS-агрегаторы. привлечение входящих ссылок, поощрение тех, кто ссылается, обеспечение экспорта и распространение контента со ссылками на источник, поощрение создания сервисов, использующих контент.

1. **Электронная коммерция (E-Commerce)** — это процесс покупки и продажи товаров и услуг через Интернет. Она включает в себя все виды бизнес-транзакций, которые проводятся с использованием электронных средств связи, таких как Интернет, электронная почта и мобильные устройства. Существуют различные формы электронной коммерции,

включая онлайн-магазины, маркетплейсы, электронные аукционы, цифровую дистрибуцию контента, онлайн-банкинг и др. Такие сайты должны содержать т.н. лендинги (конкретные предложения).

Пример структуры классического лендинга: логотип – краткое описание деятельности компании – бесплатный набор номера телефона – кнопка, побуждающая к действию. заказать – обратный звонок. При этом торговое предложение должно и иметь четкое, цепляющее описание, яркую, привлекательную картинку и форму для моментального оформления заказа.

Приведем пример создания лендинга нашей студенткой, разрабатывавшей оптимизацию продвижения студии йоги на местном рынке:

Рисунок 2 – Проект лендинга для студии йоги, разработанный студенткой-дипломницей ТвГУ

При этом структура лендинга может включать:

Описание проблем, с которыми сталкивается заказчик при выборе товара или услуги, основные преимущества товара, если он приобретен именно у вас, положительные отзывы клиентов (обязательно с фото). С прагматической точки зрения показателем активного призыва к действию (заказать). Важно поставить ограничение для посетителя, чтобы у него не было возможности подумать и передумать: привлекательная цена или дополнительный бонус, действующий короткий промежуток времени.

Схематичное изображение этапов работы (звонок- формирование заявки- реализация услуги – довольный клиент);

Футер – полное или частичное дублирование шапки страницы с указанием реквизитов организации и конкретных данных;

Главное преимущество этого вида ресурса- повышенная конверсия, достигаемая за счет узкой направленности точечного воздействия на целевую аудиторию;

Таким образом, у студентов закладываются навыки электронного маркетинга.

E-mail маркетинг –это один из наиболее эффективных инструментов интернет-маркетинга для бизнеса. Основными тенденциями развития E-mail маркетинга в последние

годы являются мобильный маркетинг, персонализация писем, забота о конфиденциальности и безопасности, автоматизация писем с целью подстройки под клиента.

Вирусный маркетинг. Под вирусным маркетингом понимается создание креативной рекламы, которая будет распространяться самой целевой аудиторией при помощи социальных сетей, мессенджеров и иных средств. Таким образом контент будет распространяться в прогрессии, близкой к геометрической, «заражая» всё новых людей как вирус.

Мобильный маркетинг — это использование мобильных устройств, таких как смартфоны и планшеты, для продвижения товаров и услуг. Он становится все более популярным, поскольку число пользователей мобильных устройств постоянно растет. Мобильный маркетинг включает в себя широкий спектр инструментов и методов, которые помогают компаниям достигать своей целевой аудитории через мобильные приложения, веб-сайты, электронные письма и сообщения, социальные сети и многое другое [3].

Основные виды мобильного маркетинга включают:

Мобильная реклама – это вид рекламы, который размещается на мобильных устройствах, включая баннеры, видео, рекламные сообщения и т.д.

Мобильные приложения – это программы, которые устанавливаются на мобильных устройствах и позволяют пользователям получать доступ к различным сервисам, продуктам и услугам.

Мобильная оптимизация веб-сайтов – это оптимизация веб-сайтов для просмотра на мобильных устройствах.

SMS-маркетинг – это рассылка маркетинговых сообщений на мобильные телефоны.

Push-уведомления – это сообщения, которые появляются на экране мобильного устройства и сообщают пользователю о новых продуктах, услугах и акциях.

QR-коды – это двухмерные штрих-коды, которые могут быть отсканированы с помощью мобильных устройств и предоставлять пользователю информацию о продуктах, услугах и акциях.

2. Еще одним исследовательским материалом в нашей работе явился интернет-маркетинг в киберспорте на примере *Team Spirit* [https://ru.wikipedia.org/wiki/Team_Spirit]. Одной из ключевых особенностей является то, что киберспорт – это цифровая индустрия, которая существует в онлайн-пространстве. Одна из

главных целей интернет-маркетинга в киберспорте – это увеличение числа зрителей, поэтому многие киберспортивные организации используют стриминговые платформы, такие как Twitch, YouTube и другие, для трансляции своих матчей. Еще одна особенность интернет-маркетинга в киберспорте – это широкое использование социальных сетей. Эти платформы используются для создания сообщества вокруг киберспортивных организаций, для участия в конкурсах и акциях, для общения с фанатами и поклонниками [11;12;15;16]

Самый популярный киберспортивный контент, который смотрят зрители – это стримы и записи матчей. Также популярны турнирные видеобзоры, интервью с профессиональными игроками и тренерами, аналитические программы, обзоры новостей и событий в мире киберспорта, а также различные шоу и развлекательные форматы, связанные с играми и киберспортом. Важно понимать, что популярность того или иного контента может зависеть от конкретной киберспортивной дисциплины, а также от предпочтений целевой аудитории [16].

Для создания контента киберспортивной организации можно использовать различные форматы, такие как:

Видео. Создание видео-контента является одним из самых популярных способов продвижения в интернете. Киберспортивные организации могут создавать видео-блоги, обзоры матчей, интервью с игроками и тренерами, а также стримы на платформах для трансляции игр, например, на Twitch.

Фотографии. Публикация фотографий из лагерей тренировок, турниров, матчей и других мероприятий помогает поддерживать интерес к организации и узнаваемость.

Текстовые посты. Размещение текстовых постов с новостями о команде, ее успехах, анонсами турниров и мероприятий также помогает удерживать аудиторию.

Показательно выполнение таким текстом прагматической функции, способность привлекать внимание – **кликбейт**. Принципы построения такого текста происходят с учётом гипертекстового маршрута. Показательно понимание структуры гипертекста как метафоры хранения знаний в памяти человека. Работы как теоретиков медиатекста, так и лингвистов и психолингвистов заставляют нас размышлять о научной проблеме «**лингвистика гипертекста**». Показателен и сам новый вид бытования текста – **гипертекст**. Здесь характерны и индивидуальность маршрута, и креолизованный характер текста (мульти-modalность), и особые характе-

ристики диалогизма и интенция интерактивности в таком тексте и т.д.

Особый характер разговорности такого текста, анонимность участников чата ведет к расширению карнавальности. Показательна и особая установка на нарративность, также приводящая к расширению репертуара общения.

Например, в изучаемом нами примере коммуникации киберспортивной команды после победы на TheInternational 10 команда провела объемную пресс-конференцию. На пресс-конференции присутствовали все участники состава по Dota 2, включая тренера и двух менеджеров. Участники активно отвечали на вопросы журналистов и фанатов, различной направленности.

В качестве возможностей маркетинговых коммуникаций в киберспорте выделим:

Спонсорские соглашения. TeamSpirit также активно заключает спонсорские соглашения с различными компаниями. Например, в 2020 году они заключили соглашение с компанией-производителем энергетических напитков RedBull. Это позволило команде получить финансовую поддержку и расширить свой бренд.

Интернет-магазин. TeamSpirit имеет свой интернет-магазин, где можно купить оригинальную продукцию команды, такую как футболки, кепки, гаджеты и другие товары. Это не только способ заработать дополнительные деньги, но и способ продвижения своего бренда и увеличения узнаваемости.

Сотрудничество с блогерами и стримерами. Команда также сотрудничает с популярными блогерами и стримерами, чтобы продвигать свой бренд и увеличивать охват аудитории. Например, в 2021 году TeamSpirit сотрудничала с известным российским блогером и стримером Александром Пушным, который провел стримы с игроками команды и помогал продвигать их бренд.

В целом, TeamSpirit продвигает себя с помощью широкого спектра инструментов интернет-маркетинга, которые включают в себя использование социальных сетей, электронной почты, контент-маркетинга, партнерских программ и спонсорских соглашений. Благодаря этому команда привлекает всё больше и больше поклонников.

3. Чрезвычайно важным оказывается в такой коммуникации **анализ обратной связи**. Он представлен прежде всего анализом статистики участия в такой коммуникации - анализом метрик. Организация отслеживает общий трафик на своем веб-сайте, включая общее количество посетителей, уникальных посетителей

и их источники (такие как органический поиск, прямой трафик, ссылки с социальных сетей). Это позволяет им понять, какие маркетинговые каналы наиболее эффективны в привлечении аудитории.

Отслеживание трафика на веб-сайте является важной метрикой для команды, чтобы понять, как пользователи находят и взаимодействуют с их сайтом. Существует несколько инструментов и методов, которые команда может использовать для отслеживания трафика:

Метрика конверсий позволяет команде измерять количество пользователей, которые выполнили целевое действие на их веб-сайте, такое как покупка, заполнение формы, подписка на рассылку и т.д. Они отслеживают конверсии на основе различных источников трафика и каналов маркетинга, чтобы определить наиболее эффективные источники привлечения клиентов. Метрика конверсий является важной для команды, чтобы измерить количество пользователей, которые выполнили желаемое действие на их веб-сайте или в приложении. Конверсии могут быть разными в зависимости от целей команды, например, это может быть совершенные покупки, подписка на рассылку, заполнение формы обратной связи и т.д.

Метрики удержания пользователей, такие как среднее время на сайте, отказы и повторные посещения, позволяют команде оценить, насколько успешно они удерживают свою аудиторию и обеспечивают ей качественный контент. Высокий уровень удержания говорит о том, что пользователи находят интерес в предлагаемом командой контенте и вовлечены в их сообщество.

Команда отслеживает **метрики вовлеченности** в социальных сетях, такие как количество лайков, комментариев, репостов и активность аудитории на их постах. Это помогает им оценить популярность и эффективность своего контента в социальных медиа и взаимодействие с аудиторией.

Социальные сети предоставляют все основные метрики для ведения анализа вовлеченности аудитории. К ним относятся: лайки, комментарии, репосты, просмотры.

Но также существует коэффициент вовлеченности – это показатель, который объединяет несколько метрик вовлеченности (лайки, комментарии, репосты) и вычисляет отношение количества вовлеченных пользователей к общему количеству пользователей, которые видели контент. Это позволяет оценить общую эффективность контента команды в вызове реакций и вовлеченности аудитории.

4. Отметим перспективы данных медиа-педагогических исследований. Прежде всего, они не могут не затрагивать оценку использования нейросетей в генерации коммерческих электронных сообщений. На основании изучения литературы вопроса [2; 3; 6; 7; 10; 13; 14] можно сделать вывод, что нейросеть быстро справляется с поставленными задачами: генерация идей, текста, изображений, определение аудитории, SWOT-анализ, написание контент-плана, преобразование информации в таблицы, в нейросети, специализированные на SMM, встроены модели, такие как AIDA. В наших экспериментах время генерации нейросети не занимало больше 20 секунд. Из недостатков, которые наблюдались в работе можно выделить: выдача неточных, а порой и неверных данных, поверхностный анализ конкурентов, текст рекламных объявлений может выходить не креативным, лишенным новизны, есть вероятность, что изображения не выйдут подходящими под запрос.

Таким образом, можно отметить, в данном аспекте исследования была рассмотрена компания «Сибур» и проведен ее контентный анализ в интернете, а также было разработано предложение по разработке SMM-стратегии с применением возможностей нейросетей для сообщества «ВКонтакте» «Сибур Тверь». На каждом этапе создания стратегии продвижения генерировался текстовый или визуальный контент при помощи нейросетей. По результатам практического исследования, можно сделать вывод, что нейросети могут быть полезным инструментом в SMM.

В ходе данного исследования было показано, что нейронные сети имеют свои особенности, которые необходимо учитывать при работе с ними.

Нейронные сети являются частью искусственного интеллекта, представляя собой имитацию нейронов человеческого мозга. Благодаря расширению технических возможностей, искусственные нейронные сети вошли во множество видов деятельности, в том числе в рекламную.

Наибольшую популярность в последнее время обрели генеративно-сопоставительные нейросети (GAN), поскольку их можно использовать в качестве развлечения и инструмента для работы. Нейросетей такого вида в настоящее время существует большое количество, самыми популярными являются: ChatGPT, Midjourney, YandexGPT, Kandinsky [13; 14; 17; 20]. Анализ специфики нейросетей показал, что они могут генерировать текст, изображения,

видео, проводить диалог с пользователем. Немаловажной особенностью нейросетей является обучение и обучение без «учителя»: обновленные версии нейросетей значительно превосходят качество генераций, благодаря их усовершенствованию и пополнению базы данных, на основе которой генерируются результаты [19].

Наблюдается рост интеграции нейросетей среди компаний в качестве инструмента для решения различных задач, таких как: автоматический сбор отзывов, создание текстового контента, создание уникального дизайна, создание чат-ботов с нейросетями. Благодаря использованию данной технологии, компании оптимизируют и автоматизируют свою работу, экономя ресурсы и время.

В работе был подробно рассмотрен «Сибур», который является одной из крупных нефтегазохимических компаний в России. Компания сформировала свою корпоративную культуру, ценности, миссию, фирменный дизайн. Среди основных ценностей наблюдаются: партнерство, взаимоуважение, сохранение экологии для будущих поколений. «Сибур» работает в B2B сегменте, но в целях повышения лояльности к бренду ему необходимо проводить рекламные кампании на широкую аудиторию. Для этого используются таргетированная реклама, размещения в СМИ и Telegram-каналах, интерактивные билборды, баннеры, привлекаются блогеры, контент, которых сходятся с ценностями компании. Подробнее было рассмотрено сообщество «ВКонтакте» «Сибур Тверь», где освещается деятельность «Сибур-ПЭТФ», для дальнейшей работы с ним, а именно создания SMM-стратегии с применением нейронных сетей.

В практической части исследования мы рассмотрели сообщество, разработали цели, выявили целевую аудиторию, провели SWOT-анализ, анализ конкурентов, разработали контент-план на месяц, создали посты и рекламное объявление. При выполнении этих этапов мы каждый раз обращались к нейросетям. Для работы с текстом использовали ChatGPT, Алиса ПРО, AiBot, для работы с изображениями «Шедеврум» и Leonardo.Ai.

В результате были выявлены ряд преимуществ и недостатков. Среди преимуществ: высокое быстродействие, выполнение задач, которые требуют большого количества объема данных и времени, знания нейросети о SMM. Среди недостатков были выявлены: недостоверная информация, которая требует проверки,

случаи некачественного генерирования изображений.

На основе практической работы формулируем аспекты, которые стоит учитывать при дальнейшем исследовании: при анализе конкурентов необходимо обращаться к нейросети в несколько шагов для полного составления более полного образа потенциальной аудитории, а также проводить наибольшее количество генераций, по результатам которых можно создать уникальную SMM-стратегию и контент-план.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особая маркетинговая риторика продающего текста – в центре как интересов обучаемого, так и преподавателя в такой области медиапедагогика, как использование медиа для экономической деятельности.

Показательной привлекательностью обладает креолизованность такого текста, создание лендинга, особенности электронных презентационных технологий контента и т.д.

Выводы в данной статье связаны с современным маркетинговым подходом к учету обратной связи в маркетинговой коммуникации, особенностями риторики продающего текста и электронного общения в целом.

Показателен и новейший русский (? – А. Б.) язык, сформировавшийся в этом виде деятельности.

Также можно сделать вывод, что нейросети являются полезным инструментом в SMM, который можно использовать в работе, но с учетом проверки выходных данных, поскольку нейронная сеть может допускать недостоверную информацию, искаженные данные и полностью ложную информацию.

Мы видим на примере анализа деятельности студентов и созданных ими текстов в практической работе то, что медиапедагогика приближается к социально значимой тематике бизнес-коммуникации с использованием самых современных сред такой коммуникации.

Список литературы:

1. Амзин А.А. Интернет-журналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом URL: <https://uzjoku.uz/uploads/uzjoku/kitoblar/51807303.a4.pdf> URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-amzin/internet-zhurnalistsika-kak-pisat-horoshie-teksty-privlekat-51807303/chitat-onlayn/>
2. Барщевский Е.Г. Использование искусственного интеллекта // Восточно-Европейский научный журнал. 2023. № 3-2 (88). С. 56-58.
3. Болотских М. Искусственный интеллект в России – 2023: тренды и перспективы // URL: <https://www.yakov.partners/publications/ai-future/> [Дата обращения: 16.09.24]
4. Бушев А.Б. Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности: сетевой дискурс: учебное пособие для вузов / А. Б. Бушев. Санкт -Петербург: Лань, 2023. 180 с.
5. Горохова П.А. Тенденции в развитии мобильного маркетинга: зарубежный и российский опыт Инновации и инвестиции. 2020 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-v-razvitiimobilnogo-marketinga-zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt> [Дата обращения: 10.04.24]
6. Дворянкин О.А. Нейронные сети в интернете // Национальная ассоциация ученых. 2022. №82-1. С. 15-21.
7. Для чего нам нейросети: больше половины россиян используют ИИ в развлекательных целях // URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/509833-reuters-vret-mask-oproverg-soobsenia-ob-otkazetesla-ot-vypuska-budzetnogo-avto> [Дата обращения: 10.04.24]
8. Жилавская И.В. Системные и институциональные трансформации российского медиаобразования : монография – Москва: МПГУ, 2021. – 368 с.
9. Интернет-маркетинг и digital-стратегии. Принципы эффективного использования: учеб. пособие / О.А. Кожушко, И. Чуркин, А. Агеев и др.; Новосиб. гос. ун-т, Компания «Интелсиб». – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – 327 с.
10. Клевцов Д.В. Перспективы использования нейронных сетей в современной экономике // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2020. №1. С. 289-296.
11. Леднев М.В. Киберспорт как объект маркетинга / М. В. Леднев, А. И. Шульга // Аллея науки. – 2021. – Т. 1. – № 4(55). – С. 103-107. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46301374> [Дата обращения: 10.04.24]
12. Лобанова А.В., Бежитская Е.А. О применении искусственной нейронной сети глубинного обучения в задаче интернет-маркетинга // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2021. Т.2. С. 530-532.

13. Малышев И.О., Смирнов А.А. Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. №1-2 (88). С. 168-171.
14. Матросов В.Г. Анализ применения нейросетей в области интернет-маркетинга // *StudNet*. 2020. Т.3. №8. С. 667-674.
15. Селезнев, Д.А.; Чекменева, Е.В. Маркетинг в киберспорте: новые способы продвинуть бренд // *Научное обеспечение инновационных технологий производства и хранения сельскохозяйственной и пищевой продукции: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции молодых ученых и аспирантов, Краснодар. 09-23 апреля 2018 года. Краснодар: Государственное научное учреждение Всероссийский научно-исследовательский институт табака, махорки и табачных изделий Российской академии сельскохозяйственных наук*. 2018. С. 509-515.
16. Солодников В.В., Тимофеева В.И. Киберспорт в России как объект маркетинга и социальный феномен // *Социологическая наука и социальная практика*. 2020. Т. 8. № 1. С. 167-187.
17. Ткачев В.В. Использование нейросетей для адаптации контента под предпочтения аудитории в маркетинге // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2023 №5-3 (99). С.130-132.
18. Федоренко Е.О. Маркетинг игровой индустрии: тенденции развития / *Проблемы инструментально-методического обеспечения экономической деятельности коммерческих организаций, сборник научных трудов* // отв. ред. С.А. Санинский, / *Энгельс: Академия управления*, 2018. - С. 77-82.
19. Хамидов Э.Х. Глубокое обучение: понятие и применение // *Молодой ученый*. 2020. №37 (327). С. 8-11.
20. Шевченко Д.А., Крюкова Е.М., Зеленов В.В., Галстян В.В. Использование возможностей искусственного интеллекта в рекламе // *Практический маркетинг*. 2024. №1. С. 60-64.
21. Bühl A. *Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000 100 s.
22. Center for media literacy URL: <https://www.medialit.org/reading-room/aspen-institute-report-national-leadership-conference-media-literacy> (дата обращения 06.11.2024).
23. Core Principles of media education URL: <https://name.net/resources/core-principles/> [Дата обращения 16.11.2024].
24. Journal of Media literacy education URL: <https://digitalcommons.uri.edu/jmle/> [Дата обращения 16.11.2024].
25. Media literacy now resources URL: <https://medialiteracynow.org/resource-library/> [Дата обращения 06.11.2024].
26. Morier H. *Dictionnaire de poetique et de rhetorique*. Paris, 1998.1263p.
27. *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique*. 2e ed. Bruxelles: Ed.de l'Inst. desociologique, 1970. - 734
28. *Rhetoric: A Tradition in Transition: in Honor of Donald C. Bryant with a Reprinting of His "Rhetoric, Its Functions and Scope" and "'Rhetoric, Its Functions and Scope' Rediviva"* Ed. Walter R. Fisher Michigan State University Press, 1974 315 p.
29. Media literacy week URL: <https://medialiteracyweek.us/resources/media-literacy-basics/> [Дата обращения 06.11.2024].

A.B. Bushev

MEDIA PEDAGOGY: CREATION OF ELECTRONIC MARKETING TEXT

Abstract. The paper is devoted to the important emerging field of Media Pedagogy needed by students – the usage of Internet for economical activity. The paper demonstrates patterns and features of successful media production for entrepreneurship. The object of the rhetorical analysis in this article is a text with a marketing mindset. There is shown that the main trends in the development of social media are the development of niche, specialized and business-oriented social networks; development of non-text content (video, infographics, interactive) in social networks; strengthening the role of influencers on the opinions of the audience; honesty and openness in posting content to build trust among social media audiences. Examples of creolized communication on the site and the construction of a “sales platform” are given, there are discussed principles of the organization of communication on the site and the rules for promoting the

site in social media. The characteristics of content marketing are discussed, and attention is paid to the characteristics of feedback in electronic marketing. The possibilities of neural networks in marketing are demonstrated. We see on the example of analyzing students' activities and texts created by them in practical work that Media Pedagogy is approaching to the socially important topic of business communication using the most modern means of such communication.

Key words: media education, electronic text, marketing linguistics, business rhetoric, digital media of marketing.

References:

1. Amzin A.A. Internet journalism. How to write good texts, attract audience and make money on it. URL: <https://uzjoku.uz/uploads/uzjoku/kitoblar/51807303.a4.pdf> URL: <https://www.litres.ru/book/aleksandr-amzin/internet-zhurnalistsika-kak-pisat-horoshie-teksty-privlekat-51807303/chitat-onlayn/>
2. Barshchevsky E.G. Usage of artificial intelligence // East European scientific journal. 2023. No. 3-2 (88). P. 56-58.
3. Bolotskikh M. Artificial intelligence in Russia - 2023: Trends and Prospects // URL: <https://www.yakov.partners/publications/ai-future/> [date of application: 09.16.24]
4. Bushev A.B. Information and communication technologies in professional activity: network discourse: textbook for universities / A.B. Bushev. St. Petersburg: Lan, 2023. 180 p
5. Gorokhova P.A. Trends in development of mobile marketing: foreign and Russian experience Innovations and investments. 2020 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-v-razvitii-mobilnogo-marketinga-zarubezhnyy-i-rossiyskiy-opyt>
6. Dvoryankin O.A. Neural networks on Internet // National association of scientists. 2022. No. 82-1. P. 15-21.
7. Why do we need neural networks: more than half of Russians use AI for entertainment purposes // URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/509833-reuters-vret-mask-oproverg-soobsenia-ob-otkaze-tesla-ot-vypuska-budzetnogo-avto> [date of application: 10.04.24]
8. Zhilavskaya I.V. Systemic and institutional transformations of Russian media education: monograph - Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2021. - 368 p.
9. Internet marketing and digital strategies. Principles of effective use: textbook / O.A. Kozhushko, I. Churkin, A. Ageev et al.; Novosibirsk. State. university, "Intelsib" Company. - Novosibirsk: RRC NSU, 2015. - 327 p.
10. Klevtsov D.V. Prospects for using neural networks in modern economy // International journal of applied sciences and technologies "Integral". 2020. No. 1. P. 289-296.
11. Lednev M.V. Cybersport as marketing object / M.V. Lednev, A.I. Shulga // Alley of science. - 2021. - Vol. 1. - No. 4 (55). - P. 103-107. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46301374>
12. Lobanova A.V., Bezhitskaya E.A. On application of deep learning artificial neural network in Internet marketing // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2021. Vol. 2. P. 530-532.
13. Malyshev I.O., Smirnov A.A. Review of modern generative neural networks: domestic and foreign practice // International journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 1-2 (88). P. 168-171.
14. Matrosov V.G. Analysis of application of neural networks in field of Internet marketing // StudNet. 2020. Vol. 3. No. 8. P. 667-674.
15. Seleznev, D.A.; Chekmeneva, E.V. Marketing in cybersports: new ways to promote brand // Scientific support for innovative technologies for production and storage of agricultural and food products: Collection of materials of I International scientific and practical conference of young scientists and postgraduates, Krasnodar. April 9-23, 2018. Krasnodar: State Scientific Institution All-Russian Research Institute of tobacco, shag and tobacco products of Russian Academy of Agricultural Sciences. 2018. P. 509-515.
16. Solodnikov V.V., Timofeeva V.I. Cybersports in Russia as marketing object and social phenomenon // Sociological science and social practice. 2020. Vol. 8. No. 1. P. 167-187.
17. Tkachev V.V. Using neural networks to adapt content to audience preferences in marketing // Economy and business: theory and practice. 2023, No. 5-3 (99). P.130-132.
18. Fedorenko E.O. Marketing of gaming industry: development trends / Problems of instrumental and methodological support for economic activities of commercial organizations, collection of scientific papers // resp. ed. S.A. Saninsky, / Engels: Academy of Management, 2018. - P. 77-82.

19. Khamidov E.Kh. Deep learning: concept and application // Young scientist. 2020. No. 37 (327). P. 8-11.
20. Shevchenko D.A., Kryukova E.M., Zelenov V.V., Galstyan V.V. Using capabilities of artificial intelligence in advertising // Practical Marketing. 2024. No. 1. P. 60-64.
21. Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft des 21. Jahrhunderts: sozialer Wandel im digitalen Zeitalter. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000 100 s.
22. Center for media literacy URL: <https://www.medialit.org/reading-room/aspens-institute-report-national-leadership-conference-media-literacy> [Date of application 06.11.2024]
23. Core Principles of media education URL: <https://namle.net/resources/core-principles/> [Date of application 16.11.2024].
24. Journal of Media literacy education URL: <https://digitalcommons.uri.edu/jmle/> [Date of application 16.11.2024].
25. Media literacy now resources URL: <https://medialiteracynow.org/resource-library/> [Date of application 06.11.2024].
26. Morier H. Dictionnaire de poétique et de rhétorique. Paris, 1998. 1263p.
27. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *Traité de l'argumentation: La nouvelle rhétorique*. 2e ed. Bruxelles: Ed. de l'Inst. des sociologies, 1970. - 734
28. Rhetoric: A Tradition in Transition: in Honor of Donald C. Bryant with a Reprinting of His "Rhetoric, Its Functions and Scope" and "'Rhetoric, Its Functions and Scope' Rediviva" Ed. Walter R. Fisher Michigan State University Press, 1974 315 p.
29. Media literacy week URL: <https://medialiteracyweek.us/resources/media-literacy-basics/> [Date of application 06.11.2024].

Статья поступила в редакцию 26.11.2024 г.

Т.В. Воропаева

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И СЕРВИСЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА: ГОТОВНОСТЬ К ПРИМЕНЕНИЮ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье обоснована необходимость использования цифровых инструментов и сервисов, в том числе «сквозных» технологий в начальном образовании. Проблема применения цифровых технологий является одной из актуальной для современного образования. В статье описаны критерии и показатели оценки уровня готовности педагогов к использованию цифровых инструментов и сервисов, приведены результаты исследования, реализованного на факультете педагогики и психологии Курского государственного университета в рамках проекта содействия в сфере образования «Профпрорыв: лаборатория цифрового будущего» при поддержке Благотворительного фонда «Вклад в будущее».

Ключевые слова: цифровые инструменты, сервисы, сквозные цифровые технологии, готовность к использованию цифровых технологий.

Современная школа выходит на новый технологический уровень. Важность данного перехода отражена сразу в нескольких законопроектах и общенациональных программах, таких как национальный проект «Образование» [9] и национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [8], государственный проект «Цифровая школа» [1], приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [10] и других. В данных документах подчеркивается, что образование должно стать не просто одной из областей социальных обязательств государства, но и двигателем экономического и социального развития общества. Необходимо пересмотр системы образования, цифровая трансформация, построенная на активном использовании передовых достижений научно-технического прогресса в процессе обучения.

Реалии сегодняшнего дня, сложности и вызовы, с которыми столкнулось общество, также диктуют необходимость подготовки иных педагогов, готовых эффективно и продуктивно работать в сложившихся условиях, мотивированных и владеющих методами и средствами обучения в цифровой среде. Дистанционный и смешанный форматы обучения стали неотъемлемой частью педагогического процесса, призывают искать новые формы и технологии, гибко и быстро подстраиваться под сложившуюся ситуацию.

Сегодня в научной педагогической среде и в образовательной практике активно рассматриваются вопросы, связанные с цифровизацией образовательного процесса как результатом отражения современной социальной действительности, характеризующейся активным вхождением цифровых технологий в жизнь человека

[13]. Разрабатываются системы мониторингов образовательного процесса с использованием возможностей цифрового пространства [5; 7], изучается специфика реализации информационных технологий в условиях инклюзивного образования [12], в условиях сопровождения учебно-воспитательного процесса в школах и образовательных организациях дополнительного образования [5; 6; 7; 10] и т.д.

Профессиональная подготовка педагогов нового времени, бесспорно, требует дополнительных усилий, внесения изменений в содержание дисциплин и ввода новых курсов, осуществление дополнительной подготовки и переподготовки профессорского-преподавательского состава, пересмотра программного обеспечения. Задача высшего профессионального образования – обеспечить подготовку грамотных выпускников, обладающих профессиональными компетенциями в области цифровизации, в том числе, в области использования цифровых инструментов и сервисов, а также «сквозных» технологий в профессиональной деятельности.

Подготовка педагогических кадров к профессиональной деятельности должна быть направлена на развитие комплекса профессиональных компетенций, обеспечивающих эффективность и конструктивный характер осуществления педагогической деятельности с учетом актуальных требований времени. На это указывает и перечень профессиональных компетенций, заложенный в профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) воспитатель, учитель», подчеркивающий необходимость формирования цифровых компетенций будущего педагога [11].

Проблема формирования готовности педагога к профессиональной деятельности не нова, в разные годы ее активно поднимали в своих исследованиях многие педагоги и психологи. В психолого-педагогической литературе «готовность» рассматривается в разных аспектах:

- как психическое и психологическое состояние личности (В. В. Давыдов, Н. Д. Левитов, А. А. Понукалин);
- как условие выполнения деятельности (А. С. Белых, М. И. Дьяченко);
- как установка личности (М. В. Левченко);
- как уровень личностной ориентации (В. А. Ядов),
- как синтез качеств личности, мотивов и ситуаций (М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, М. А. Котик).

По мнению Б. Г. Ананьева, в профессиональной высокопродуктивной трудовой деятельности «готовность» определяется как «проявление способностей» [2, с. 22].

М. И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович считают, что готовность — это настрой личности на определенное поведение, установка на активные действия, приспособление личности для успешных действий в данный момент, обусловленные мотивами и психическими особенностями личности. В научных трудах данных ученых описаны три вида готовности: заблаговременная, временная (в данный момент времени) и ситуативная (настроенность действовать в данной ситуации) [4].

В.А. Сластёнин описывал пять видов готовности - психологическую, научно-теоретическую, практическую, психофизическую и физическую [14].

Н. Е. Щуркова выделяет в готовности педагога к профессиональной педагогической деятельности личностные качества как совокупность социально-психологических образований, которые обладают факторным влиянием на профессиональный результат деятельности педагога. Как отмечает Э.А. Тарамова, по мнению О. Е. Ломакиной, готовность к педагогической деятельности является составным компонентом профессиональной компетентности и представляет собой отрефлексированную направленность учителя на педагогическую профессию [15].

На наш взгляд, структура готовности педагогов к использованию цифровых инструментов и сервисов, в том числе «сквозных» технологий в профессиональной деятельности, коррелирует со структурой готовности учителя к педагогической деятельности и данные критерии и показатели взаимосвязаны между собой.

В своем исследовании мы опираемся на четыре компонента сформированности готовности педагога к использованию цифровых инструментов и сервисов, включая «сквозные» технологии, в профессиональной деятельности (мотивационно-ценностный; когнитивный; деятельностный (практико-операционный) и рефлексивно-оценочный), схематично представленные в рисунке 1.

Рисунок 1 – Структурные компоненты готовности педагога к использованию цифровых инструментов и сервисов в профессиональной деятельности

Общий уровень готовности к использованию цифровых инструментов и сервисов, включая сквозные технологии в профессиональной деятельности, зависит от сформированности

каждого из компонентов, входящих в структуру готовности.

Мотивационно-ценностный компонент характеризуется уровнем выраженности мотивации.

вации к профессиональной деятельности в цифровой среде; осознанием необходимости внедрения в профессиональную деятельность современных цифровых технологий, инструментов и сервисов; инициативу, заинтересованность, стремление педагога к новациям; развитием познавательного интереса к «сквозным технологиям», осознание значимости данных технологий в профессиональной деятельности учителя начальных классов.

Когнитивный компонент подразумевает знание цифровых инструментов и сервисов, наличие теоретических основ содержания «сквозных технологий», их свойств и видов, программных средств для создания проектов с использованием цифровых инструментов и сервисов, а также «сквозных» технологий, методов и форм организации педагогической деятельности в начальной школе с применением цифровых технологий.

Деятельностный (практико-операционный) компонент включает умение использовать цифровые инструменты и сервисы, создавать проекты с помощью доступных программных средств и облачных решений, в том числе с применением «сквозных» технологий, разрабатывать методическое обеспечение учебного или внеучебного мероприятия с использованием цифровых инструментов и сервисов; проводить мероприятия с использованием «сквозных» технологий (просветительское, образовательное, внеурочное).

Рефлексивно-оценочный компонент предполагает самооценку, самоанализ результатов работы по реализации цифровых инструментов и сервисов, а также «сквозных» технологий в профессиональной деятельности, формирование способности видеть и устранять допущенные ошибки.

С целью исследования уровня сформированности готовности педагогов к использованию цифровых инструментов и сервисов в профессиональной деятельности в рамках проекта содействия в сфере образования «Профпрорыв: лаборатория цифрового будущего» при поддержке Благотворительного фонда «Вклад в будущее», нами было запланировано экспериментальное исследование, состоящее из 3-х этапов: констатирующего, формирующего и контрольного.

Цель констатирующего этапа: выявление исходного уровня сформированности готовности педагогов к использованию цифровых инструментов и сервисов, а также «сквозных» технологий в профессиональной деятельности. Данный этап включал в себя следующие меро-

приятия: определение критериев, показателей, параметров оценки уровня сформированности готовности будущих педагогов к использованию цифровых инструментов и сервисов, а также «сквозных» технологий в профессиональной деятельности; отбор участников эксперимента; разработка и подготовка диагностического инструментария, используемого в исследовании; проведение первичного диагностического среза (исходного уровня) сформированности компонентов в структуре готовности педагогов к использованию цифровых инструментов и сервисов, а также «сквозных» технологий в профессиональной деятельности.

В качестве диагностического инструментария нами был разработан опрос, направленный на выявление уровня готовности по трем структурным компонентам (мотивационно-ценностный, когнитивный и деятельностный), имеющим 3 уровня сформированности: высокий, средний и низкий.

Представим первичные результаты констатирующего этапа опытно-экспериментальной диагностики, которая осуществлялась в период с сентября по ноябрь 2024 года на базе ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

В первую очередь необходимо было выяснить уровень и степень готовности педагогов сферы начального общего образования, определить, с какими проблемами они сталкиваются в связи с реализацией дистанционного обучения, насколько часто используют цифровые инструменты и сервисы в профессиональной деятельности. В опросе приняло участие 45 человек.

Первым компонентом исследования стал мотивационно-оценочный, определяющий уровень мотивации к использованию цифровых инструментов и сервисов, а также таких «сквозных» технологий, как нейросети, искусственный интеллект и дополненная реальность. Высокий уровень был определен у 26 человек (66%); средний уровень продемонстрировали 15 человек (34%), низкий уровень был выявлен у 4 человек (8%). По результатам опроса, выявлено, что большинство респондентов в полной мере осознают необходимость внедрения современных цифровых технологий в педагогическую деятельность и считают это одной из приоритетных задач в деятельности современного педагога. Они хотят быть в курсе технологических новинок, следят за трендами в сфере технологий. На вопрос: «Осознаете ли Вы необходимость внедрения в профессиональную деятельность педагога современных цифровых

технологий?» - 55,8% опрошиваемых педагогов отметили, что данная необходимость обусловлена вызовами современного мира, а 37,2% отметили, что в полной мере осознают данную необходимость и считают одной из приоритетных задач деятельности современного педагога. Ряд респондентов (7%) указали, что данная необходимость в большей степени связана с требованиями администрации образовательной организации, в которой они работают, 4% отметили, что им интересно познавать новые цифровые технологии, однако им не хватает свободного времени на качественное погружение в данную тему.

Вторым компонентом исследования был когнитивный. Перед нами стояла задача выяснить, насколько глубоки знания педагогов в области цифровых технологий, в том числе «сквозных». Результаты опроса показали, что лишь 4 % из числа респондентов знакомы с достаточно широким спектром цифровых инструментов и успешно используют их в работе, при этом 44% отметили, что знают лишь некоторые из цифровых инструментов и сервисов, 24% подчеркнули, что плохо разбираются в цифровых технологиях и хотели бы знать больше. Вопросы, связанные с конкретизацией знаний об инструментах и сервисах, таких как CoreApp, myQuiz, Sboard, GetLocus, YouGile, Fliktop, OnlineTestPad, Юнислайд, Удоба, Joyteka у большинства респондентов вызвали затруднения. Большинство отметили, что не знают перечисленных сервисов и инструментов, но хотели бы узнать подробнее о их возможностях.

Анализ наличия знаний о «сквозных» цифровых технологиях, продемонстрировал, что абсолютное большинство испытуемых признает, полное отсутствие компетентности в данной сфере. Отвечая на вопрос «Знакомы ли Вам нейросети и технология искусственного интеллекта?» 94% опрошиваемых ответили, что слышали, сами не применяли, но хотели бы попробовать использовать их в работе, 6% респондентов ответили, что применяют в работе данную технологию. Общие результаты диагностики по сформированности когнитивного компонента готовности показали, что лишь 9% учителей продемонстрировали высокий уровень знания цифровых инструментов и сервисов, включая «сквозные» технологии, у 19% респондентов выявлен средний уровень и 72% опрошенных имеют низкий уровень.

Анализ результатов диагностики, направленной на исследование деятельностного компонента, продемонстрировал, что педа-

гогам не хватает практических навыков в области применения цифровых инструментов и сервисов. Большинство опрошиваемых (82%) на вопрос: «Владеете ли вы программными инструментами по использованию нейросетей, искусственного интеллекта?» ответили, что не владеют данными инструментами и не сталкивались с ними в практической деятельности. Примерно такая же ситуация выявлена и по вопросу использования в профессиональной деятельности технологий виртуальной и дополненной реальности. Только 8% опрошиваемых отметили, что им знакомы программные и аппаратные инструменты данных технологий.

Полученные результаты констатирующего этапа исследования свидетельствуют об актуальности заявленной темы проекта. Анализ готовности к использованию сквозных технологий среди педагогов Курской области позволил выявить противоречие между необходимостью использования в работе современных цифровых технологий и недостаточным уровнем сформированности когнитивного и деятельностного (практико-ориентированного) компонента готовности. Необходимо отметить, что абсолютное большинство респондентов продемонстрировали достаточно высокий уровень мотивации и желание принять участие в практико-ориентированных мастер-классах, курсах повышения квалификации и иных мероприятиях, направленные на изучение возможностей цифровых инструментов и сервисов в педагогической деятельности; подтвердили целесообразность создания цифровой исследовательской лаборатории на факультете.

Помимо педагогов мы провели специально разработанный опрос и среди студентов, будущих учителей начальных классов (29 бакалавров очной формы обучения по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), 18 студентов очной формы обучения по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование и 70 студентов заочной формы обучения по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование»).

Следующими шагами в реализации нашего проекта станут:

- разработка модели формирования готовности к использованию цифровых инструментов и сервисов;
- определение педагогических условий успешной реализации данной модели на практике;

- осуществление апробации программы в условиях созданной на факультете педагогики и психологии цифровой лаборатории.

Мы предполагаем, что по итогам реализации предложенной нами программы уровень готовности будущих педагогов к использованию цифровых инструментов и сервисов повы-

сится. У педагогов будут сформированы необходимые цифровые компетенции, которые позволят им эффективно использовать разнообразные цифровые инструменты и сервисы, создавать проекты с использованием VR, AR технологий и искусственного интеллекта и применять их в профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Государственный проект «Цифровая школа». - URL: <https://xn--80aaexmgrdn3bu4a4g.xn--p1ai/> [Дата обращения: 15.09.2024].
2. Деркач А.А., Гагарин А.В., Степнова Л.А. Акмеология: наука, практика, образование // Акмеология. — 2014. — № 3–4. — С. 22–27.
3. Демьянкова М. В., Ложкина Л. И. Профессиональная компетентность современного учителя как психологическая проблема // Северная Двина. - 2007. - № 3. - С. 24-29.
4. Дьяченко М.И., Л.А. Кандыбович. Психологическая готовность. – М.: Наука, 1986. - 350с.
5. Иванов Н.Г., Иванова И.В. Единая информационно-образовательная система: новый подход к реализации психолого-педагогического сопровождения саморазвития обучающихся внешкольных учреждений // Нижегородское образование. - 2012. - №3. – С.142-149.
6. Иванова И.В. Психолого-педагогическое сопровождение как одно из средств управления качеством дополнительного образования детей и молодежи // Методист. – 2011. - №2.- С.34-39.
7. Иванова И. В. Составление технологии мониторинга саморазвития учащихся во внеурочной деятельности в условиях реализации ФГОС начального общего образования // Стандарты и мониторинг в образовании. Стандарты и мониторинг в образовании. - 2014. - Т.2.- №6. - С.14-22.
8. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». - URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 21.09.2024).
9. Национальный проект «Образование». - URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about/> (дата обращения: 15.09.2024).
10. Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» <http://government.ru/projects/selection/643/> (дата обращения: 02.10.2024).
11. Профессиональный стандарт Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель) // Справочная правовая система КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/fcd5ad2f7bcae420af7b0e706a20935cafd7f5ec/ [Дата обращения: 19.10.2024]
12. Прохоровский И.А., Иванова И.В. Особенности применения цифровых образовательных и коучинг-технологий в инклюзивном образовании // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Серия: Психолого-педагогические науки 2019. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2019. – С.391-396.
13. Рожков М.И., Иванова И.В. Коллектив и межличностные отношения современных детей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2022. – Т. 28. – № 2. – С. 5–11. DOI: [10.34216/2073-1426-2022-28-2-5-11](https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-2-5-11).
14. Слостёнин В.А. Профессионализм педагога: акмеологический подход // Сибирский педагогический журнал. — 2006. — № 4. — С. 13–23
15. Тарамова Э. А. Готовность будущего учителя к использованию информационных технологий. — Текст: непосредственный// Проблемы и перспективы развития образования: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). — Краснодар: Новация, 2016. — С. 231-232. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/187/9503/> [Дата обращения: 23.10.2024].

T.V. Voropaeva

DIGITAL TOOLS AND SERVICES OF MODERN TEACHER: READINESS FOR USE IN PROFESSIONAL ACTIVITIES

Abstract. The article substantiates the need to use digital tools and services, including “cross-cutting” technologies in primary education. The problem of using digital technologies is one of the most pressing for modern education. The article describes the criteria and indicators for assessing the level of teachers' readiness to use digital tools and services, presents the results of a study carried out at the faculty of Pedagogy and Psychology of Kursk State University within the framework of the educational assistance project “Profproryv: Laboratory of the Digital Future” with the support of the Charitable Foundation “Contribution to the Future”.

Key words: digital tools, services, cross-cutting digital technologies, readiness to use digital technologies.

References:

1. State project "Digital School". - URL: <https://xn--80aaexmgrdn3bu4a4g.xn--p1ai/> (date of application: 15.09.2024).
2. Derkach A.A., Gagarin A.V., Stepnova L.A. Acmeology: science, practice, education // *Acmeology*. - 2014. - No. 3-4. - P. 22-27.
3. Demyankova M.V., Lozhkina L.I. Professional competence of modern teacher as psychological problem // *Severnaya Dvina*. - 2007. - No. 3. - P. 24-29.
4. Dyachenko M.I., Kandybovich L.A. Psychological readiness. - M.: Science, 1986. - 350 p.
5. Ivanov N.G., Ivanova I.V. Unified information and educational system: new approach to implementation of psychological and pedagogical support for self-development of students in extracurricular institutions // *Nizhny Novgorod education*. - 2012. - No. 3. - P. 142-149.
6. Ivanova I.V. Psychological and pedagogical support as one of means of managing quality of additional education of children and youth // *Methodist*. - 2011. - No. 2.- P. 34-39.
7. Ivanova I.V. Compilation of technology for monitoring self-development of students in extracurricular activities in context of implementation of Federal State Educational Standard of primary general education // *Standards and monitoring in education*. - 2014. - Vol. 2.- No. 6. - P. 14-22.
8. National program “Digital Economy of Russian Federation”. - URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (date of application: 21.09.2024).
9. National project “Education”. - URL: <https://edu.gov.ru/national-project/about/> (date of application: 15.09.2024).
10. Priority project “Modern digital educational environment in Russian Federation” <http://government.ru/projects/selection/643/> (date of application: 02.10.2024).
11. Professional standard Teacher (teaching activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher) // ConsultantPlus legal reference system. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/fcd5ad2f7bcae420af7b0e706a20935cafd7f5ec/ (date of application: 19.10.2024)
12. Prokhorovsky I.A., Ivanova I.V. Features of application of digital educational and coaching technologies in inclusive education // *Scientific works of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky. Series: Psychological and Pedagogical Sciences 2019*. - Kaluga: KSU named after K.E. Tsiolkovsky, 2019. - P.391-396.
13. Rozhkov M.I., Ivanova I.V. Team and interpersonal relationships of modern children // *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. – 2022. – Vol. 28. – No. 2. – P. 5–11. DOI: 10.34216/2073-1426-2022-28-2-5-11.
14. Slastenin V. A. Teacher’s professionalism: acmeological approach // *Siberian pedagogical journal*. — 2006. — No. 4. — P. 13–23
15. Taramova E. A. Future teacher’s readiness to use information technologies. — Text: direct // *Problems and prospects of education development: materials of VIII Int. scientific conf. (Krasnodar, February 2016)*. — Krasnodar: Novatsiya, 2016. — P. 231-232. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/187/9503/> (date of access: 23.10.2024).

Статья поступила в редакцию 18.11.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарова Наталья Владимировна, аспирант программы 5.3.9., «Юридическая психология и психология безопасности» кафедры общей и социальной психологии Института психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: azarovanvl@studklg.ru

Биба Анна Григорьевна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики дошкольного, начального и специального образования Института педагогики. ФГБОУ ВО "Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского", г. Калуга, Россия. E-mail: bibaag@tsku.ru

Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ФГБОУВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия. E-mail: Bushev.AB@tversu.ru

Воропаева Татьяна Викторовна, старший преподаватель кафедры теории и методики дошкольного и начального образования Курского государственного университета, г. Курск. E-mail: lita12@yandex.ru

Гасанова Олеся Марифовна, педагог-психолог ГОБПОУ «Елецкий колледж инновационных технологий», г. Елец, Россия. E-mail: lesyk.gasanowa@inbox.ru

Грачева Екатерина Михайловна, магистрант программы «Психологическое проектирование и экспертиза» Института психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: molchanovaem@tsku.ru.

Григорьева Татьяна Игоревна, магистрант программы «Психологическое консультирование» по направлению 44.04.02 Психолого-педагогическое образование. Институт психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: GrigorevaTI@studklg.ru

Данченко Карина Андреевна, студентка направления подготовки «Организация работы с молодежью» ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: DanchenkoKA@studklg.ru

Жорнова Татьяна Анатольевна, старший методист муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования «Дворец детского (юношеского) творчества» города Кургана, г. Курган, Россия. E-mail: tiana69@mail.ru

Иванова Анна Вячеславовна, студент бакалаврской программы «Психология виртуальной среды и медиапространства» ФБГОУВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, Россия. E-mail: iivanova.av@mail.ru

Иванова Ирина Викторовна, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной адаптации и организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

Капитанова Мария Сергеевна, магистрант 1 курса направления подготовки "Специальное (дефектологическое) образование" кафедры теории и методики дошкольного, начального и специального образования Института педагогики. ФГБОУ ВО "Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского", г. Калуга, Россия. E-mail: kapitanovams@studklg.ru

Картавенко Ольга Олеговна, магистрант программа «Актуальные аспекты теоретической и прикладной логопедии» направления подготовки «Специальное (дефектологическое) образование». Институт педагогики, кафедра теории и методики дошкольного, начального и специального образования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского». E-mail: kartavenkooo@studklg.ru

Клементьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала, ФГБОУ ВО «Финансовый университет», г. Москва, Россия. E-mail: marinaklementyva@yandex.ru

Кобак Екатерина Сергеевна, студентка бакалаврской программы «Психология» Института психологии. Кафедра общей и социальной психологии. ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: katrina.kobak@mail.ru

Копченев Григорий Вячеславович, магистрант программы «Коуч-технологии в сопровождении личностного развития» направления подготовки 44.04.02. Институт искусств и социокультур-

ного проектирования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: kopchenovgv@studklg.ru

Лазарева Елена Александровна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования «Дворец детского (юношеского) творчества» города Кургана, г. Курган, Россия. E-mail: laza_ea@rambler.ru

Литвин Алиса Витальевна, студентка бакалаврской программы «Журналистика» профиль программы «Журналистика» Института филологии и массмедиа. ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского». г. Калуга, Россия. E-mail: litvinav@studklg.ru

Лыков, Игорь Николаевич, ORCID 0000-0002-5326-0442, доктор биологических наук, профессор, научный руководитель Института естествознания. ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: linprof47@yandex.ru

Макарова Валентина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой Социальной адаптации и организации работы с молодежью. Институт искусств и социокультурного проектирования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: MakarovaVA@tksu.ru

Никулина Мария Юрьевна, студент бакалаврской программы «Психология виртуальной среды и медиапространства» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, Россия. E-mail: marinaklementyva@yandex.ru

Павлей Любовь Вадимовна, кандидат психологических наук старший преподаватель кафедры клинической психологии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия. E-mail: siam_1@mail.ru

Павлова Наталья Николаевна, заместитель директора по воспитательной работе ГОБПОУ «Елецкий колледж инновационных технологий», г. Елец, Россия. 8-910-359-37-54. E-mail: pavlova.natasch2016@yandex.ru

Подольская Инга Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: PodolskajaIA@tksu.ru

Саракула Эвита Владимировна, студентка 4 курса Медицинского института ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», Россия, г. Калуга. E-mail: sarakulaev@studklg.ru

Синягина Яна Сергеевна, студент бакалаврской программы «Психология» Института психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: Sinyagina.yana@mail.ru

Скоркина Лилия Вячеславовна, студент программы специалитета «Клиническая психология» Института психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: skorkinalv@studklg.ru

Солодчук Оксана Николаевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии №1, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия, E-mail: sleep504@yandex.ru

Теренин Алексей Игоревич, студент 4 курса Медицинского института ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: tereninai@studklg.ru

Турлакова Регина Андреевна, студент бакалаврской программы "Психология" Института психологии. ФГБОУ ВО "Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского", г. Калуга, Россия. E-mail: reginaturlakova@gmail.com

Фомин Андрей Евгеньевич, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования. Институт психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: fomin72-72@mail.ru

Фролова Мария Андреевна, студент бакалаврской программы «Психология виртуальной среды и медиапространства» ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», г. Москва, Россия. E-mail: marriiafr@mail.ru

Хавыло Алексей Викторович, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией информационно-психологической безопасности, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии. ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: khavylo@strider.ru

Хотеева Раиса Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: khoteyeva@tksu.ru

Честных Валерия Ильинична, студент программы специалитета «Клиническая психология» Института психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: chestnykhvi@studkg.ru

Шаров Сергей Владимирович, преподаватель Кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: sharovsv@tksu.ru

Щукина Инна Гарриевна, преподаватель кафедры психологии развития и образования. Институт психологии. ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия. E-mail: inna.babalyan@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Azarova Natalia Vladimirovna, postgraduate student of program 5.3.9. “Legal Psychology and Psychology of Security” at Department of General and Social Psychology of Institute of Psychology of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky”, Kaluga, Russia. E-mail: azarovanvl@studklg.ru

Biba Anna Grigoryevna, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Department of Theory and Methodology of Preschool, Primary and Special Education of Institute of Pedagogy. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky”, Kaluga, Russia. E-mail: bibaag@tsku.ru

Bushev Alexander Borisovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Journalism, Advertising and Public Relations of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Tver State University”, Tver, Russia. E-mail: Bushev.AB@tversu.ru

Voropaeva Tatyana Viktorovna, Senior Lecturer, Department of Theory and Methodology of Pre-School and Primary Education, Kursk State University, Kursk. E-mail: lita12@yandex.ru

Gasanova Olesya Marifovna, Educational Psychologist, State Budgetary Professional Educational Institution “Elets College of Innovative Technologies”, Elets, Russia. 8-951-303-91-92. E-mail: lesyk.gasanowa@inbox.ru

Gracheva Ekaterina Mikhailovna, Master's degree student, “Psychological Design and Expertise” program, Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky. Kaluga, Russia. E-mail: molchanovaem@tsku.ru.

Grigorieva Tatyana Igorevna, Master's degree student of program “Psychological counseling” in training course 44.04.02 Psychological and pedagogical education. Institute of Psychology of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky”, Kaluga, Russia. E-mail: GrigorevaTI@studklg.ru

Danchenko Karina Andreevna, student of training program “Organization of work with youth” at Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky”, Kaluga, Russia. E-mail: DanchenkoKA@studklg.ru

Zhornova Tatyana Anatolyevna, Senior Methodologist of Municipal Budgetary Educational Institution of Additional Education “Palace of Children's (Youthful) Creativity” of Kurgan city, Kurgan, Russia. E-mail: tiana69@mail.ru

Ivanova Irina Viktorovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Social Adaptation and Organization of Work with Youth, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: Ivanova-DIV@yandex.ru

Kapitanova Maria Sergeevna, 1-st year Master's degree student of program “Special (Defectological) Education”, Department of Theory and Methodology of Preschool, Primary and Special Education, Institute of Pedagogy. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: kapitanovams@studklg.ru

Kartavenko Olga Olegovna, Master's degree student of program “Current Aspects of Theoretical and Applied Speech Therapy” of training course “Special (Defectological) Education”. Institute of Pedagogy, Department of Theory and Methodology of Preschool, Primary and Special Education, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky. E-mail: kartavenkooo@studklg.ru

Klementyeva Marina Vladimirovna, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia. E-mail: marinaklementyva@yandex.ru

Kobak Ekaterina Sergeevna, Bachelor's program student in Psychology, Institute of Psychology. Department of General and Social Psychology. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: katrina.kobak@mail.ru

Kopchenov Grigory Vyacheslavovich, Master's degree student of program “Coaching technologies in support of personal development” of training course 44.04.02. Institute of Arts and Sociocultural Design of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky”, Kaluga, Russia. E-mail: kopchenovgv@studklg.ru

Lazareva Elena Aleksandrovna, Deputy Director for educational and training work of Municipal Budgetary Educational Institution of Additional Education “Palace of Children's (Youthful) Creativity” of Kurgan city, Kurgan, Russia. E-mail: laza_ea@rambler.ru

Litvin Alisa Vitalievna, student of Bachelor's program "Journalism" profile of program "Journalism" at Institute of Philology and Mass Media. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky". Kaluga, Russia. E-mail: litvinav@studklg.ru

Lykov Igor Nikolaevich, ORCID 0000-0002-5326-0442, Doctor of Biological Sciences, Professor, Scientific Director of Institute of Natural Science. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky", Kaluga, Russia. E-mail: linprof47@yandex.ru

Makarova Valentina Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Social Adaptation and Organization of Work with Youth. Institute of Arts and Sociocultural Design of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky", Kaluga, Russia. E-mail: MakarovaVA@tksu.ru

Nikulina Maria Yuryevna, student of Bachelor's program "Psychology of virtual environment and media space" at Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under Government of Russian Federation", Moscow, Russia. E-mail: marinaklementyva@yandex.ru

Pavley Lyubov Vadimovna, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Department of Clinical Psychology, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia. E-mail: siam_1@mail.ru

Pavlova Natalya Nikolaevna, Deputy Director for Educational Work, State Budgetary Professional Educational Institution "Elets College of Innovative Technologies", Elets, Russia. 8-910-359-37-54. E-mail: pavlova.natasch2016@yandex.ru

Podolskaya Inga Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: PodolskajaIA@tksu.ru

Sarakula Evita Vladimirovna, 4th-year student at Medical Institute, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Russia, Kaluga. E-mail: sarakulaev@studklg.ru

Sinyagina Yana Sergeevna, student of Bachelor's program "Psychology" at Institute of Psychology of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky", Kaluga, Russia. E-mail: Sinyagina.yana@mail.ru

Skorkina Liliya Vyacheslavovna, student of specialist program "Clinical Psychology" at Institute of Psychology of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky", Kaluga, Russia. E-mail: skorkinalv@studklg.ru

Solodchuk Oksana Nikolaevna, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Department of Pediatrics No. 1, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia, E-mail: sleep504@yandex.ru

Terenin Aleksey Igorevich, 4th-year student, Medical Institute, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: tereninai@studklg.ru

Turlakova Regina Andreevna, student of Bachelor's program "Psychology", Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: reginaturlakovya@gmail.com

Fomin Andrey Evgenievich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Developmental Psychology and Education. Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: fomin72-72@mail.ru

Frolova Maria Andreevna, student of Bachelor's program "Psychology of Virtual Environment and Media Space" at Financial University under Government of Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: marriiafr@mail.ru

Khavylo Aleksey Viktorovich, Candidate of Psychological Sciences, Head of Laboratory of Information and Psychological Security, Associate Professor of Department of General and Social Psychology of Institute of Psychology. Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: khavylo@strider.ru

Khoteeva Raisa Ivanovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of General and Social Psychology of Institute of Psychology, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia. E-mail: khoteyeva@tksu.ru

Chestnykh Valeria Ilyinichna, student of specialty program "Clinical Psychology" at Institute of Psychology of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky", Kaluga, Russia. E-mail: chestnykhvi@studklg.ru

Sharov Sergey Vladimirovich, lecturer of Department of Economics and Management of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky”, Kaluga, Russia. E-mail: sharovsv@tksu.ru

Shchukina Inna Garriyevna, lecturer of Department of Developmental Psychology and Education. Institute of Psychology. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky”, Kaluga, Russia. E-mail: inna.babalayan@mail.ru

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия «Психологические науки. Педагогические науки»

Научный журнал

Том 8. Выпуск 1 (2025)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
от 03.06.2022 ПИ № ФС 77-83369

Дата выхода в свет 30.03.2025. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. 20. Тираж 500 экз.
Максимальный объем 160 страниц формата А4
Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского. 248023 Калуга, ул. Разина, 22/48.

Отпечатано «Наша Полиграфия». 248600 Калуга, Грабцевское шоссе, 126
Лицензия ПЛД № 42-29 от 23.12.99.

